

**ТРАДИЦИОННЫЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ
И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФУНДАМЕНТ
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ**

**TRADITIONAL NATIONAL-CULTURAL AND SPIRITUAL
VALUES INNOVATIVE DEVELOPMENT BASIS OF RUSSIA**

Научный журнал
Scientific journal

№1 (11) апрель 2017 г.

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина,
38
Тел.: (3519) 29-85-62.
E-mail: palatova_daria@mail.ru

Editorial Office Address:

38, Lenin Prospect, Magnitogorsk, 455000,
Russia
Phone number: (3519) 29-85-62
E-mail: palatova_daria@mail.ru

Научный журнал № 1(11) апрель 2017 г.
ISSN 2309-768X

Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России

Журнал включен в базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

В.Б. Волкова – доктор филологических наук, профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Редакционный совет

Е.М. Абайдельдинов – д.ю.н., профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (ЕНУ им. Л.Н. Гумилева) (Казахстан)

С.Н. Большаков – д.э.н., д.полит.н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Россия)

З.А. Жаде – д.полит.н., профессор Адыгейского государственного университета (Россия)

Р. Земан – заведующий кафедрой экономики и менеджмента Технико-экономического института в г. Чешские Будейовице (Чехия)

В.М. Капицын – д.полит.н., профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Россия)

М.М. Ковалева – д.филол.н., профессор Уральского государственного федерального университета (Россия)

Б.Н. Лозовский – д.филол.н., профессор Уральского государственного федерального университета (Россия)

А.А. Свирина – д.э.н., профессор университета управления «ТИСБИ» (Россия)

Т.А. Яшкова – д.полит.н., профессор Российского государственного гуманитарного университета (Россия)

Н.Р. Балынская – д. полит. н., профессор Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Ю.Л. Кива-Хамзина – к. философ. н., доцент Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Т.Р. Мещерякова – к.ю.н., доцент Магнитогорского государственного технического университета (Россия)

Выпускающий редактор – Д.А. Палатова

Дизайн обложки – О.В. Величко

Scientific journal № 1(11) april 2017
ISSN 2309-768X

Traditional national-cultural and spiritual values innovative development basis of Russia

The Journal is included in the data-base of the Russian Science Citation Index (RSCI)

Editor in Chief

V.B. Volkova – professor of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

The Editorial Board

E.M. Abaydeldinov – D.Sc. (Law), professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University. (L.N. Gumilyov ENU) (Kazakhstan)

S.N. Bolshakov – D.Sc. (Economics), D.Sc. (Political), professor St. Petersburg State University (Russia)

Z.A. Jade – D.Sc. (Political), professor, Adyghe state University (Russia)

R. Zeman – Head of the Department of Economics and Management, School of Economics and Technology, Ceske Budejovice (Czech Republic)

V.M. Kapitsyn – D.Sc. (Political), professor, Lomonosov Moscow State University (Russia)

M.M. Kovaleva – D.Sc. (Philology), professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeitsin (Russia)

B.N. Lozovskiy – D.Sc. (Philology), professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeitsin (Russia)

A.A. Svirina – D.Sc. (Economics), professor, University of Management «TISBI» (Russia)

T.A. Yashkova – D.Sc. (Political), professor, Russian State University for the Humanities (Russia)

N.R. Balynskaya – D.Sc. (Political), professor, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Y.L. Kiva-Chamzina – of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

T.R. Mesheryakova – of Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia)

Executive Editor – D.A. Palatova

Cover design – O.V. Velichko

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ 4	ПЕДАГОГИКА 35
Кривуть В.И. Национально-культурные организации молодежи западной Беларуси и польские власти в 1920 – 1930-Х гг.....4	Васева О.Х, Мельник М.А. Особенности создания модели управленческого содействия педагогу в реализации инновационной деятельности образовательного учреждения.....35
Макарова Н.Н. Партийная организация г. Магнитогорска: Из истории становления и развития в 1930-е гг.....10	Кривуть М.В. Волонтерская деятельность – форма развития коммуникативной компетентности будущих педагогов.....40
Сулейманов А.А. Социально-экономическая и этнокультурная ситуация в местах традиционного проживания аборигенных этносов российской арктики в конце 70–х гг. XX в. (по материалам экспедиций в село Березовка).....14	Хворостов Д.А., Чвала М.С. Формирование конкурентоспособности студентов-дизайнеров в процессе изучения специальных дисциплин.....44
Савичева Ю.О. Женщины в пространстве соцгорода в конце 1930-х гг. (на примере г. Магнитогорска).....17	ФИЛОЛОГИЯ 47
КУЛЬТУРОЛОГИЯ 16	Попова Л.В. Этнокультурная специфика понятия «убийство» в русском юридическом языковом сознании: диахронический аспект.....47
Малеко Е.В., Маврина А.В. Проблемы организации музыкальных конкурсов и пути их решения в современном социокультурном пространстве.....20	ЮРИСПРУДЕНЦИЯ 52
Назарычева А.И., Алабужин И.В. Возникновение «арийского мифа» в контексте формирования тоталитарной идеологии 23	Касымовская П.П. Уголовная ответственность несовершеннолетних.....52
Мукатова Ж.А. Телевидение в ракурсе общественного мнения россиян.....26	Карпова Е.В. Проблемы предпринимательского права в торговой деятельности.....55
Морозова Л.Н. Перспективы развития литературного процесса: опыт статического анализа.....29	Рубанова Н.А. К вопросу о производственном экологическом контроле на предприятии.....58
Папина М.О. Герои русских народных сказок: связь с древним миром и его обычаями.....32	Кива-Хамзина Ю.Л. Гражданско-правовой договор в сфере образовательных услуг: некоторые особенности правового регулирования.....61
	Славич М.А. Банкротство застройщика: оформление прав участников строительства на жилые помещения.....65
	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 70

ИСТОРИЯ

УДК 94 (476 – 15) + 94 (438)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬСКИЕ ВЛАСТИ В 1920 – 1930-Х ГГ.

Кривуть В.И.

В статье анализируются взаимоотношения польских властей с национально-культурными молодежными организациями на территории Западной Беларуси в межвоенный период. Характеризуется правовая база этих взаимоотношений, а также их реальная практика в молодежной среде. В связи с этим особое внимание уделяется политике польских властей по отношению к белорусским и еврейским молодежным национально-культурным объединениям и союзам.

Ключевые слова: Западная Беларусь, молодежь, молодежная политика, национальные меньшинства.

The article analyzes the relationship between the Polish authorities and the national-cultural youth organizations on the territory of Western Belarus in the interwar period. Characterized by the legal framework of these relations, as well as actual practice in the youth environment. In this regard, particular attention is paid to the Polish authorities' policy towards the Belarusian and Jewish youth national-cultural associations and unions.

Keywords: Western Belarus, youth, youth policy, national minority.

Проблема взаимоотношений государственных органов с национально-культурными организациями молодого поколения в ходе осуществления официальной молодежной политики всегда будет носить актуальный характер. Изучение данной проблематики позволяет более эффективно реализовывать государственную политику в молодежной среде, скорректировать ее и избежать серьезных ошибок. В связи с этим определенный интерес представляет пример Западной Беларуси в период 1920 – 1930-х гг.

Как известно, в результате польско-советской войны (1919 – 1921) и завершившего ее Рижского мира (18 марта 1921 г.) западно-белорусские земли оказались в составе польского государства, т.н. 2-й Речи Посполитой (2-я РП). Они вошли в Виленское, Новогрудское, Полесское и частично Белостокское воеводства, которые и получили неофициальное название Западная Беларусь.

Западная Беларусь являлась многонациональным регионом. По данным официальной переписи населения 1931 г., то тут в качестве родного языка польский назвали 42,5% населения, а белорусский – 22,5% [1, с. 221]. В абсолютных числах это составило 1 483 211 поляков и 719 339 белорусов соответственно [2, с. 132].

Но к этим цифрам следует относиться критически. Даже в секретном исследовании, которое было подготовлено специально для Института изучения национальных дел в 1939 г., отмечалось, что результаты переписи 1931 г. по вопросу родного языка «показывают относительные несоответствия для почти 50% районов» [2, с. 129]. Польские власти шли и на

сознательный обман, когда в поляки записывались белорусы-католики. Также, используя низкое национальное самосознание части белорусов, более 700 000 человек, в основном на территории Полесского воеводства, были объявлены «тутэйшними», своеобразной этнической группой польского населения.

Польская перепись населения 1931 г. активно оспаривается в современной отечественной историографии. называются разные числа относительно количества населения белорусского населения восточных воеводств 2-й РП. Наиболее вероятными можно признать сведения, которые были приведены в «Очерках истории Беларуси» в середине 1990-х гг.: на территории Виленского, Новогрудского и Полесского воеводств белорусы составляли 67% населения, поляков было не 42,5%, а 12 – 13%. Кроме того, тут проживало 5 – 6% украинцев, около 9% евреев, 3% литовцев, 2% русских [1, с. 221]. Еще одной небольшой этнографической группой были татары. К концу 1930-х гг. в западно-белорусских воеводствах их проживало более 5 000 человек [3, с. 54].

Необходимо отметить, что польские власти принимали на себя, в том числе и на международном уровне, ряд гарантий относительно прав национальных меньшинств 2-й Речи Посполитой. Так, в соответствии с VII статьей Рижского мирного договора Польша обещала лицам русской, украинской и белорусской национальности все права, которые обеспечивают «свободное развитие культуры, языка и исполнения религиозных обрядов». В той же статье было заявлено, что «лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше имеют право, в

границах внутреннего законодательства, культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать культуру и организовывать в этих целях товарищества и союзы» [4, с. 625 – 626].

Эти же положения перекликались и с обязательствами, которые принимало на себя польское государство в рамках т.н. Малого версальского договора. В нем польские власти гарантировали свободное развитие языка и культуры национальных меньшинств, их право «благотворительных, религиозных или общественных институтов, школ и других воспитательных учреждений». Кроме того, Польша обещала государственную поддержку образования национальных меньшинств [5, с. 1038 – 1039].

Также нужно отметить, что буквально накануне заключения Рижского мирного договора, 17 марта 1921 г., в Польше была принята Конституция, отдельные статьи которой были посвящены правам национальных меньшинств. Польская республика гарантировала на своей территории охрану жизни, свободы и имущества всем, независимо от происхождения, национальности, языка, расы или религии. Все граждане объявлялись равными перед законом [6, с. 650]. В соответствии с мартовской Конституцией, каждый гражданин имел право на сохранение своей национальности и поддержку своего языка и национальных особенностей. Обещалось, что «отдельные государственные законы обеспечат национальным меньшинствам в Польском Государстве полное и свободное развитие их национальных особенностей при помощи автономных союзов публично-правового характера в рамках всеобщего самоуправления». Статья 110 Конституции вообще почти дословно повторяла положения Рижского и Малого версальского договоров: «Польские граждане, которые принадлежат к национальным, религиозным или языковым меньшинствам, имеют равные с другими гражданами права на создание, надзор и руководство благотворительными, религиозными и общественными учреждениями, школами и другими воспитательными учреждениями, а также право на свободное употребление в них своего языка и исполнение правил своей религии» [6, с. 653].

Таким образом, формально национальные меньшинства польского государства имели возможность создавать свои культурно-просветительские, в том числе и молодежные, организации. Но на практике все обстояло сложнее. Действительно, на территории Западной Беларуси, как части 2-й РП, действовал ряд группировок и организаций, которые стремились распространить свое влияние на представителей молодого поколения разных национальностей – белорусов, литовцев, евреев. Польские власти были вынуждены учитывать данный момент при проведении своей молодежной политики.

Наиболее широко было представлено еврейское молодежное движение. Большинство еврейских

молодежных организаций, так или иначе, декларировали идеи сионизма. К ним следует отнести такие организации, как

Еврейская социалистическая молодежь «Фрайгайт» («Свобода»), «Хехолуц» («Пионер») и «Хашомер Хацаир» («Юный страж»). Основные формы работы сионистских организаций были практически одинаковы. Политической деятельности придавалось мало внимания. Помимо организации досуга, велась определенная культурно-просветительская деятельность. Однако главной своей задачей «Фрайгайт», «Хехолуц» и «Хашомер Хацаир» считали «хахшару» – подготовку к эмиграции и активной жизни в Палестине. Во время этой подготовки создавались киббуцы, коллективные сельскохозяйственные поселения.

Еще одной массовой сионистской молодежной организацией было Объединение еврейской молодежи имени Трумпельдора в Польше «Брит-Трумпельдор» или «Бейтар». Этот союз находился под контролем сионистов-ревизионистов, лидером которых являлся В. Жаботинский. Ревизионисты декларировали «неразбавленный» сионизм и отрицали элементы социалистической идеологии. Своей целью ревизионисты объявляли привлечение максимального количества евреев в самый короткий срок в Палестину и немедленное создание государства Израиль. Именно для этого и возник «Бейтар». Он был создан в Риге, но быстро распространился по всей Восточной Европе. Главные силы организации были сосредоточены во 2-й РП [7, с. 504]. На территории Западной Беларуси наибольшее влияние ревизионисты имели в Вильно, Белостоке, Бресте и Суwalkах [8, л. 92]. «Бейтар» действовали и в других городах и местечках региона. По подсчетам польских историков, в 1936 г. «Бейтар» насчитывал 52 000 членов, из них 75% – в Польше. Таким образом, эта организация имела тут кадровую базу большую, чем численный состав тогдашних армий небольших европейских государств [9, с. 12].

Целью своей деятельности «Бейтар» провозглашал «воспитание молодежи в направлении формирования характеров, развития физических способностей, поддержания национальных чувств, формирования ума и умений общественной жизни, а также подготовку к физическому и профессиональному труду в Палестине». Необходимо отметить, что отдельной целью устав организации называл «развитие у членов объединения гражданского чувства и лояльности по отношению к польскому государству» [10, с. 1].

Намного сложнее обстояли дела с белорусским национальным молодежным движением. Оно в значительной мере находилось под влиянием Белорусской христианской демократии (БХД). Данная организация выступала за независимость белорусской нации на всех ее этнографических землях. БХД стремилась создать строй, основанный на труде, общественном равенстве, с гарантией культурных и эко-

номических потребностей граждан. Белорусские христианские демократы были против любой диктатуры. Они выступали в защиту частной собственности, но она не должна была быть «вредной для общего блага». Не смотря на серьезные противоречия между БХД и коммунистическим движением, польские власти считали белорусских христианских демократов радикальной партией, близкой к коммунистам и опасной для общественного спокойствия [11, с. 168 – 170].

Необходимо отметить, что какого-либо единого белорусского именно молодежного объединения национально-демократической ориентации не существовало. Но попытки его создания все же были. Так, во второй половине 1920-х гг. учащиеся Виленской белорусской гимназии выдвинули проект создания Центрального союза белорусской молодежи Западной Беларуси. Но все ограничилось только проектами [12, с. 304]. В дальнейшем, в связи с ликвидацией белорусских школ эта инициатива потеряла смысл.

На рубеже 1920 – 1930 гг. по инициативе редакционной коллегии близкого к БХД журнала «Шлях моладзи» была предпринята попытка создания Товарищества белорусской молодежи «Будучыня» («Будущее»). Целями организации должны были стать: культурное, национальное, общественное и профессиональное самообразование, распространение просвещения среди молодого поколения, развитие народной культуры и творчества, развитие спорта и физического воспитания, организация самопомощи [13, с. 7].

Для утверждения польским властям был подан устав организации. Однако и виленский воевода, и польское МВД отказались это сделать. Все протесты основателей «Будучыни» остались без рассмотрения [14, с. 10]. В результате фактическим центром белорусского молодежного национально-демократического движения стал журнал «Шлях моладзи», созданный в 1929 г. и выходявший до конца межвоенного периода. Целью своей работы редакция журнала объявила «борьбу за независимость Беларуси и улучшение народной белорусской доли путем пробуждения молодежи к национальному сознанию, распространение просвещения и культуры, воспитание молодежи в самостоятельном независимом духе, знакомство с белорусской историей и культурой, белорусским возрожденческим движением, с событиями в мире». За основу своей деятельности она взяла «народную идеологию, основанную на христианской этике» [14, с. 8].

Единственной площадкой, на которой белорусские национально-демократические молодежные организации имели возможность относительно свободного развития, являлся Виленский университет. В разное время тут действовали или пытались действовать: Белорусский студенческий союз (БСС), студенческая корпорация «Скориния», Белорусское студенческое товарищество имени Ф. Скорины, Белорусское студенческое краеведческое товарищество, Товари-

щество друзей белорусознания, Союз студентов народников имени Ф. Богушевича [15, с. 54 – 68]. Самой значительной из этих организаций был БСС, официально организованный в 1921 г. Его целью было объединение всех студентов-белорусов для взаимной духовной и материальной помощи, а также для ведения культурно-просветительской работы. Отдельный пункт устава БСС предусматривал его аполитичный характер [16, НАРБ15, л. 37]. Но, несмотря на официально провозглашаемую аполитичность, БСС участвовал в общественно-политической жизни. Одновременно за влияние над ним вели борьбу коммунисты, белорусские христианские демократы и сторонники сотрудничества с польскими властями (т.н. «белсанация»). После того, как в БСС укрепились позиции БХД, сторонники «белсанации» создали собственную организацию – студенческую корпорацию «Скориния». Идеологи корпорации предлагали вести работу с позиции «белорусского позитивизма», отказаться от максимализма требований и главное внимание уделять созданию и укреплению «белорусской национальной и культурной базы» [17, с. 3 – 4]. Польские власти оказали серьезную поддержку данной полонифильской организации. Известно, что средства на ее содержание поступали от польской контрразведки [18, с. 139]. Тем не менее, «Скориния» просуществовала не долго. Она распалась из-за конфликта между лидерами «белсанации». В начале 1934/35 учебного года сенат УСБ был вынужден распустить ее [19, с. 11].

Оценивая белорусские студенческие организации и белорусское молодежное национально-демократическое движение в целом, необходимо признать, что они не имели массового характера. Студенческие организации не могли стать массовыми в принципе – количество студентов-белорусов в УСБ было мизерным. Кроме того, постоянные внутренние конфликты только ослабляли эти организации.

Определенную активность на территории Западной Беларуси проявляло и литовское национально-демократическое молодежное движение. «Литовское общество воспитания и попечения молодежи имени св. Казимира» было создано в 1925 г. Оно находилось под влиянием литовских христианских демократов и в середине 1930-х гг. насчитывало около 400 отделений на местах. В противовес ему литовские деятели-либералы в 1927 г. создали просветительское общество «Культура», которое в 1935 г. насчитывало только около 20 отделений. Кроме того, на территории УСБ с 1926 г. действовал Союз студентов литовцев, поддерживавший тесные связи с БСС [20, с. 39 – 50].

Также на территории западно-белорусского региона в межвоенный период возникли и молодежные организации местных татар. В 1934 г. при Культурно-просветительском союзе татар в Вильно возник Кружок татарской молодежи (КТМ) [21, с. 94]. В дальнейшем подобные кружки появились и в других го-

родах и местечках. Наибольшую активность проявляли КТМ в Вильно, Слониме, Иваново, Мире, Ляховичах. Всего к 1938 г. существовало 10 кружков, объединивших около 300 человек [22, с. 4].

Отношение польских властей к молодежному движению тех или иных национальных меньшинств 2-й РП во многом определялось тем, насколько это движение представляет или может представлять угрозу польским государственным интересам. Поэтому, например, польские власти не допустили даже организационного оформления массового белорусского молодежного объединения национально-демократической направленности.

После отказа в регистрации товарищества «Будучыня» журнал «Шлях моладзи» развернул активную агитацию по привлечению белорусской молодежи в Белорусский институт хозяйства и культуры (БИХиК), который был создан еще в 1926 г. и находился под непосредственным влиянием БХД. Его целью была организация культурно-просветительской работы и хозяйственной деятельности путем создания библиотек, клубов, кооперативов, обеспечения крестьян техникой и распространение агрономических знаний. К началу 1936 г. на территории Западной Беларуси существовало лишь 36 кружков [23, с. 61]. Это было в несколько раз меньше, чем число, например, литовских кружков, не говоря о числе проправительственных молодежных союзов.

По мнению редакции «Шлях моладзи» организация кружков БИХиК могла бы частично компенсировать вред, нанесенный отказом польских властей зарегистрировать белорусскую молодежную организацию [24, с. 3].

Наиболее значительной акцией БИХиК стала борьба в 1936 г. за белорусскую школу совместно с Товариществом белорусской школы, находившимся под коммунистическим влиянием. Организации подписали совместную декларацию по вопросу борьбы за школу на родном языке и создали школьный секретариат. Был организован сбор деклараций с подписями в поддержку открытия белорусских школ, направлена специальная делегация в Варшаву. Польские власти были вынуждены пойти на уступки – ввести занятия на белорусском языке в некоторых школах, открыть несколько двуязычных школ. Одновременно против организаторов «школьной акции» развернулись репрессии. 22 января 1936 г. виленский воевода подписал решение о ликвидации БИХиК по причине того, что «деятельность института противоречит нормам существующего права, установленным нормам и способам деятельности и угрожает безопасности, спокойствию и общественному порядку». По мнению польских властей, БИХиК через коммунистов был втянут «в так называемую школьную акцию, которая не имеет никакой общественной пользы, поскольку рассчитана исключительно на нарушение общественных взаимоотношений и пробуждение ненависти к государственным властям и самому гос-

ударству» [23, с. 57 – 58].

Что касается отношения польской государственной администрации к деятельности «Шлях моладзи», то известно, что издатели журнала неоднократно подвергались штрафам, некоторые номера издания были конфискованы цензурой. Местная польская администрация стремилась остановить распространение белорусской прессы, как «противоречащей польским государственным интересам» [25, с. 104]. В конце концов, летом 1939 г. «Шлях моладзи» был закрыт, а издатели и члены редколлегии отправлены в концлагерь в Березе-Картузской [26, с. 401].

Серьезные препятствия со стороны польских властей и руководства УСБ встречал в своей деятельности БСС. В результате их давления он не мог вести никакой иной работы, кроме культурно-просветительской. Так, например, когда в феврале 1933 г. собрание объединения постановило высказать протест против притеснения белорусской школы и белорусских просветительских организаций, куратор БСС профессор Э. Кошмидер не дал на это разрешения из-за «неправдоподобности приведенных фактов и заостренности акцентов» [27, л. 104]. В дальнейшем БСС было запрещено организовывать лекции в провинции, а его членам – носить значки своей организации [26, с. 193].

Кроме того, БСС подвергался нападкам со стороны некоторых проправительственных молодежных организаций. Культурно-просветительская же деятельность данного союза среди белорусского населения рассматривалась как деструктивная, направленная на ликвидацию внутренней сплоченности и целостности Польши [28, с. 7].

Большое влияние имело и то, что БСС был значительно ослаблен многочисленными внутренними конфликтами. К некоторым из них имели отношение и польские власти. Особенно это проявилось в начале 1930-х гг., когда к расколу в БСС привело создание полонофильской корпорации «Скориния». Как уже отмечалось выше, она получала серьезную поддержку со стороны властей, заинтересованных в поддержании конфликта внутри белорусского национально-демократического движения. Даже само создание корпорации было бы невозможно без этой поддержки. Дело в том, что для официальной регистрации объединения необходимо было представить не менее 50 подписей студентов. Университетский сенат позволил «Скоринии» собирать подписи среди студентов-поляков, поскольку среди студентов-белорусов их собрать было невозможно [29, л. 71].

Хотя «Скориния» просуществовала недолго, и перетянуть студентов-белорусов на сторону «санации» не удалось, польские власти достигли своей цели – белорусское студенческое движение было расколото и серьезно ослаблено.

Также преследованиям и ограничениям подвергались литовские молодежные организации. Польские власти рассматривали их, как агентов влияния

Литвы, с которой у Польши в межвоенный период были достаточно напряженные отношения.

Что касается КТМ, то поскольку они стояли на позиции полной поддержки польской государственности, то их деятельность не встречала препятствий со стороны официальных органов. Так, известно, что в отличие от БСС, члены виленского КТМ вели активную культурно-просветительскую деятельность в провинции [30, 21].

Достаточно доброжелательным было отношение польских властей к сионистскому молодежному движению, а именно к тому его крылу, которое было представлено сионистами-ревизионистами. Открытое покровительство государственной администрации проявлялось, например, в том, что на территории Западной Беларуси «Бейтар» занимался военной подготовкой своих членов при непосредственном участии представителей Войска Польского. Так, военным инструктором молодых сионистов-ревизионистов в Белостоке был офицер расквартированного там 42-го пехотного полка [31, л. 163]. Многие мероприятия «Бейтара» проходили под охраной польской полиции. 2 июля 1933 г. польская полиция охраняла съезд «Бейтара» Белостокского воеводства от пытавшихся сорвать его бундовцев и сионистов-социалистов. То же самое происходило 17 июля 1933 г. в Гродно во время подобного съезда, где жандармерия применила оружие против напавших на бейтаровцев сионистов из других группировок [32, л. 162].

Поддержка властными структурами молодых сионистов объяснялась тем, что правящие круги 2-й РП поддерживали планы В. Жаботинского, которые могли бы избавить страну от «лишних» евреев. Польское правительство использовало любые возможности, чтобы увеличить еврейскую эмиграцию. Как вариант власти рассматривали эмиграцию евреев в Африку или в Латинскую Америку. Но, понятно, приоритет отдавался Палестине. Польский министр иностранных дел Ю. Бек даже весной 1939 г. вел в Лондоне переговоры на тему еврейской эмиграции [33, с. 214 – 215]. Правящий режим 2-й РП активно поддерживал и нелегальную эмиграцию под видом туристических поездок. Чиновники польского Министерства иностранных дел рекомендовали воеводским властям не препятствовать эмигрантам, а полицейские власти не должны были «мелочным контролем запугивать желающих». Польские власти выдавали паспорта молодым сионистам-ревизионистам бесплатно [34, с. 76 – 77].

После того, как в 1936 г. В. Жаботинский провозгласил план эмиграции 750 000 евреев на протяжении 10 лет, руководители ревизионистов встречались с высокими польскими чиновниками, получали финансовую и организационную помощь для подготовки своих боевых отрядов, которые должны были действовать непосредственно в Палестине. Один из центров подготовки таких боевиков-ревизионистов был создан на базе военных частей в Пинске. Там

проходили подготовку не только местные бейтаровцы, но и сионисты из Палестины [34, с. 75].

Таким образом, подводя итоги, следует признать, что польские власти вынуждены были учитывать факт существования национально-культурных молодежных организаций при проведении своей молодежной политики. Правящий режим стремился не допустить развития организаций, которые могли бы представлять даже потенциальную угрозу государственным интересам и территориальной целостности 2-й РП. В этом отношении характерной является политика последовательного подавления белорусского национально-демократического молодежного движения. Именно во многом благодаря позиции польских властей оно даже не было организационно оформлено, а немногочисленный БСС был расколот и ослаблен в результате деятельности поддерживаемых властями полонофилов. В противном случае, при отсутствии «антигосударственных» тенденций, власти занимали нейтральную или даже доброжелательную позицию, что можно проследить на примере развития и деятельности сионистских организаций. Фактически вся деятельность сионистов-ревизионистов стала возможной только потому, что они готовились создавать свое независимое государство в Палестине, а не на территории Польши. Кроме того, «санация» оказывала им помощь, рассчитывая решить «еврейский вопрос» путем еврейской эмиграции.

Список литературы

1. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / М.П. Касцюк [і інш.] – Мн.: Беларусь, 1995. – Ч. 2. – 560 с.
2. Srebrakowski A. Struktura narodowościowa kresów północno-wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1931–1939 // *Przemiany narodowościowe na kresach wschodnich II Rzeczypospolitej 1931–1948 / pod red. S. Ciesielskiego.* – Toruń: Adam Marszałek, 2004. – S. 127 – 148.
3. Kryczyński S. Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej. – Warszawa: Drukprasa, 1938. – 318 s.
4. Рижский мирный договор 1921 г. / Документы внешней политики СССР. Т.3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. // Под ред. Г.А. Белова и др. – М.: Госполитиздат, 1959. – С.619 – 658.
5. Traktat między głównymi mocarstwami sprzymierzonymi i stowarzyszonymi a Polska podpisany w Wersalu 28 czerwca 1919 r. // *Dziennik Ustaw.* – 1920. – № 110. – S. 1933 – 1946.
6. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z 17 marca 1921 r. // *Dziennik Ustaw.* – 1921. – № 44. – S. 633 – 658.
7. Джонсон П. Популярная история евреев. – М.: Вече, 2000. – 672 с.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 299.
9. Pater D. Żydowski Akademicki Ruch Korporacyjny w Polsce w latach 1898–1939 // *Dzieje Najnowsze.* – 2002. – № 3. – S. 3 – 20.
10. Statut Stowarzyszenia Młodzieży Żydowskiej imienia Trumpeldora w Polsce („Brit-Trumpeldor” – „Bejtar”). – Warszawa, 1936. – 8 s.
11. Tomaszewski J. Białoruska Chrześcijańska Demokracja. Uwagi o kryteriach ocen // *Studia polsko-litewsko-białoruskie.* –

1988. – № 31. – S. 157 – 178.
12. Ляхоўскі У. Ад гоманаўцаў да гайсакаў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX ст. – 1-й палове XX ст. (да 1939 г.). – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2012. – 483 с.
13. Пяць гадоў працы «Шляху моладзі» (16. II. 1929 – 16. II. 1934) // Шлях моладзі. – 1934. – №2. – С. 4 – 9.
14. Цыпрыяновіч С. Беларуская друкарня імя Францішка Скарыны ў Вільні (1926 – 1940). – Лёндан: Выдавецтва “Божым шляхам”, 1991. – 32 с.
15. Серпухаў У. Беларускія студэнцкія арганізацыі Віленскага ўніверсітэта (1919–1939) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2007. – № 28. – S. 54 – 68.
16. НАРБ. Ф. 884. Оп. 1. Д. 15.
17. Ad redakcyi // Novaja Varta. – 1931. – №1. – S. 2 – 4.
18. Błaszczak T. Białoruska Korporacja Akademicka „Scorinia” w Wilnie w latach 1931 – 1934 // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2013. – № 40. – S. 133 – 156.
19. Малецкі Я. Праўда пераможа // Шлях моладзі. – 1934. – №7 – 8. – С. 10 – 11.
20. Матулайтис Е.С. Литовцы под гнетом фашистской Польши. – Минск: Издательство Академии наук БССР, 1936. – 80 с.
21. Odezwa do młodzieży tatarskiej // Życie Tatarskie. – 1936. – № 4. – S. 94 – 95.
22. Połtorzycki A. Praca społeczna młodzieży (Artykuł dyskusyjny) // Życie Tatarskie. – 1938. – № 1. – S. 2 – 5.
23. Разуванав К.С. Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры ў Заходняй Беларусі (1926 – 1936 гг.). – Мінск: Беларуская навука, 2013. – 247 с.
24. Пасьля забароны – што рабіць? // Шлях моладзі. – 1932. – №4. – С. 1 – 3.
25. Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. – 294 s.
26. Найдзюк Я. Беларусь учора і сьняня. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 414 с.
27. НАРБ. Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 229.
28. Strzałkowski A. Zawczasie kwiatku, zawczasie... // Słowo. – 1935. – 20 grudnia. – S. 7.
29. НАРБ. Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 435.
30. Sprawozdanie z działalności Koła Młodzieży Tatarskiej w Wilnie // Życie Tatarskie. – 1937. – № 5. – S. 21 – 23.
31. НАРБ. Ф. 242 п. Оп. 1. Д. 445.
32. Archiwum Państwowe w Białymstoku (APB). Z. 47. Urząd Wojewódzki Białostocki (1920 – 1939). Sygn. 70.
33. Najnowsze dzieje żydów w Polsce (w zarysie do 1950 roku) / pod redakcją J. Tomaszewskiego. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1993. – 500 s.
34. Patek A. Alija Bet. Z kart stosunków polsko-żydowskich w II Rzeczypospolitej // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2007. – № 12. – S. 73 – 78.

УДК 93/94 (908)

ПАРТИЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ Г. МАГНИТОГОРСКА: ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ В 1930-Е ГГ.

Макарова Н.Н.

В статье на основе широкого круга архивных источников дана характеристика основным этапам становления партийной организации города, проанализирован социальный, половозрастной, национальный состав партии, выявлен уровень образования в городской партийной организации среди руководящего звена и рядовых партийных деятелей. Отдельно проанализирован общий партийный стаж. Автор приходит к выводу о том, что партийная организация города была сформирована преимущественно в результате массовых наборов и не отличалась высоким уровнем профессиональной подготовки.

Ключевые слова: коммунистическая партия, Магнитогорск, партийное руководство, индустриализация, Урал.

In article on the basis of a wide range of archival sources the characteristic is given to the main stages of formation of the party organization of the city, the social, gender and age, national composition of party is analysed, education level in the city party organization among a key element and ordinary party figures is revealed. The general party experience is separately analysed. The author comes to a conclusion that the party organization of the city was created mainly as a result of mass sets and did not differ in high professional standard.

Keywords: Communist Party, Magnitogorsk, party management, industrialization, Urals.

В первые дни строительства Магнитогорского металлургического завода на территории будущего города начала формироваться партийная организация. Первым секретарем партийной ячейки стал Бризгалов. Официальной датой создания парторганизации Магнитогорска принято считать 1 июля 1929 г., когда 49 членов и кандидатов в члены ВКП(б) создали местную партийную структуру. Возглавил ее И. Власов. В мае 1930 г. на партийной конференции Магнитного РК ВКП(б) секретарем был избран И.И. Хвастунов. Уже в июле этого же года состоялась первая партийная конференция Магнитогорска, в ходе которой делегаты обсудили итоги XVI съезда ВКП(б) и была принята резолюцию «О состоянии партийной работы на Магнитострое». Секретарем парторганизации города был Румянцев. На третьей партконференции в мае 1931 г. секретарем горкома ВКП(б) был избран Ф.И. Каркалин (21 мая 1931 — 15 января 1934). С января 1934 г. по 29 декабря 1936 г. этот пост занимал В.В. Ломинадзе; в период с 29 декабря 1936 — 8 июня 1938 г. - Р.М. Хитаров, затем А.М. Семенов (8 июня 1938 - 9 марта 1940) и с 9 марта 1940 г. П.В. Корнилов.

Партийная организации Магнитогорска росла интенсивно. Так, если на 1 января 1930 г. ее рядах значилось 240 человек, то уже через год 2 624 человека. По данным на 1 октября 1931 г. партийная сеть Магнитогорской партийной организации состояла из 7 парткомов на строительстве, имеющих 47 уставных ячеек, которые объединяют 20 звенячеек и 157 партгрупп (из них 30 сменных); 30 рабочих ячеек, имеющих 28 неуставных звеньевых ячеек и 33 партгруппы; 13 партгрупп, а также учрежденческих ячеек, которые объединили 12 звенячеек (неуставных) и 71 партгруппа. В числе их 2 партколлектива. ЦРК объединил 7 цеховых, 1 звеньевую ячейку и 57

партгрупп, а также Заводоуправление, которое объединяет 1 звенячейку и 11 партгрупп. Кроме того, на территории города действовали два военных партколлектива, которые объединяли — первый 4 ротных ячейки; второй 5 участковых ячеек. В районе действовал 1 партком Магнитного зерносовхоза, имеющий 10 уставных ячеек и 7 партгрупп, а также 1 сельская (Магнитная) ячейка и 1 колхозная (Агаповская) ячейка. Всего по парторганизации числилось 8 парткомов, имеющих 57 уставных ячеек и 184 партгруппы; 30 рабочих ячеек, 28 неуставных и 33 партгруппы; 13 учрежденческих, 12 неуставных и 71 партгруппа; 2 военных, 9 неуставных; 3 учрежденческих групп [3, Д. 53. Л. 43.].

Поступательный рост рядов парторганизации наблюдался в период с 1929 по 1 сентября 1932 г., когда в рядах парторганизации города числилось 8 597 человек. В последующие годы численность рядов организации постоянно менялась, преимущественно в сторону сокращения. Объяснить подобное движение численного состава парторганизации Магнитогорска можно несколькими моментами. Во-первых, в 1929 - 1930 гг. перед местным партийным руководством стояла первоочередная задача создания парторганизации как таковой, следовательно, было необходимо привлекать в ее ряды как можно большее число горожан. Во-вторых, в конце 1920 - начале 1930-х гг. численность ВКП(б) продолжала быстро увеличиваться в СССР за счет массовых наборов рабочих от станка и благодаря тем привилегиям, которые были им созданы при приеме в партию. На основании устава ВКП(б), принятого XIV съездом, число необходимых рекомендаций для промышленных рабочих сокращалось с трех до двух, а стаж рекомендуемых — с трех до одного года. Вступающие в партию по второй категории (трудящиеся крестьяне)

должны были представить при приеме в партию три рекомендации коммунистов с двухлетним (вместо трехлетнего) стажем. Для интеллигенции, служащих и выходцев из других партий условия приема усложнялись.

При этом качественный состав коммунистов отражал социальный и культурный уровень рабочего класса того времени. Статистика свидетельствует, что с 1920 по 1929 г. численность рабочего класса увеличилась в пять раз. Преимущественно новые рабочие рекрутировались из числа крестьянской молодежи. Эта же тенденция характерна для Магнитогорска, где весомую долю от строителей и жителей города составляли недавние крестьяне [2]. Наличие крупной железной базы определило стратегию развития Магнитогорска, однако станица Магнитная и другие близлежащие деревни и села не обладали достаточным демографическим ресурсом для интенсивного развития города и освоения природных богатств (в 1929 г. здесь проживало 18 816 человек) [1, с. 43.]. Поэтому важнейшим источником формирования демографической базы Магнитогорска стали миграции. Крупномасштабные перемещения населения получили распространение по всему Советскому Союзу. Среди источников пополнения рабочей силой Магнитостроя стоит отметить движение добровольцев, ехавших по зову сердца на ударную стройку страны; организованные наборы из Уральского региона и из Европейской части СССР [5, с. 102.]. Важным каналом пополнения трудовых ресурсов стал организованный набор рабочих по договорам с колхозами. Подобная практика получила в масштабах СССР широкое распространение.

Уровень общей грамотности, не говоря уже о политической подготовленности среди членов и кандидатов в члены партии был крайне низким. Образование секретарей парткомов, партколлективов и их заместителей, а также секретарей партячеек, т.е. руководящего состава парторганизации Магнитогорска оставляло желать лучшего. Так, по данным на 1932 г. высшее образование имели лишь 1,4 % руководителей городской партийной организации; среднее — 4,4 %; домашнее образование получили 2,9 % человек, а остальные (91 %) имели низшее образование, что означало фактически минимальные навыки чтения и письма. Если рассматривать политическое образование магнитогорских партработников, то показатели готовности к работе были чуть лучше: низшие политшколы окончили 42,6 % руководителей, средние — 23,5 %, высшие — 13,2 %. Без какого-либо политобразования работало 20,5 % руководящих сотрудников парторганизации Магнитогорска. Таким образом, необходимыми минимальными политическими знаниями обладали в магнитогорской парторганизации практически 80 % сотрудников [Рассчитано по: 3, Д. 90. Л. 117.]. Однако среди партработников Магнитогорска уровень грамотности был еще ниже, в том числе и политической грамотности.

Так, в 1932 г. среди партработников города высшее образование имели лишь 0,18 %, среднее — 0,56 %, низшее — 99,2 % [Рассчитано по: 3, Д. 90. Л. 118.]. Статистика в отношении политобразования выглядела незначительно лучше. Высшие политшколы окончили 0,18 % партработников города, средние — 5,4 %. Остальная масса партработников получила политические основы знаний в низших партийных школах города [Рассчитано по: 3 Д. 90. Л. 118.]. Интересен тот факт, что получение образования в Комвузе Магнитогорска было в принципе доступно даже для иностранцев, работавших в городе в 1930-е гг.

Социальное положение названных выше категории партработников должно было хотя бы формально соответствовать стандарту, заявленному государством. В результате статистические отчеты разных лет дают среднюю цифру по социальному происхождению: около 70-75 % рабочие, 22 - 25 % - крестьяне, остальные — служащие [Рассчитано по: 3, Д. 90. Л. 118.]. Статистика показывает, что директива партии о приеме 90 % рабочих от станка в промышленных районах в парторганизацию Магнитогорска не была выполнена. «Улучшение социального лица парторганизации идет чрезвычайно медленно». Так, на 1 апреля 1931 г. в составе партийной организации Магнитогорска числилось 77,2 % служащих и 20,8 % прочих, а в Березниках рабочие от станка, принятые в партию составляли 94,3 %, служащие и прочие — 2 %.

Основным недостатком наполнения партии в городе, сама парторганизация называла «компанийщину в деле вербовочной работы». Большая часть принятых в партию была завербована преимущественно в результате массовых кампаний, таких как Ленинские дни, первомайские и октябрьские праздники. Руководство магнитогорской парторганизацией требовало «планомерной, систематической, повседневной работы». Еще один недостаток, который называли в официальных документах относительно пополнения партийных рядов, это «механический прием в партию, погоня за количеством, а не за качеством» [3, Д. 53. Л. 84.]. Механизм приема в партию являлся предметом пристального внимания партийных структур. В ходе партийных чисток неоднократно «выявляли» «искажения директив» ВКП(б). В частности, на деревообрабатывающем комбинате города, в партию приняли нормировщика, который в автобиографии писал о том, что он «обыватель, не имеющий никакой цели, что он от партии рабочего класса отгорожен какой-то стеной и, чтобы эта стена рухнула, он просил принять его в партию» [3, Д. 53. Л. 86.]. На доменном производстве в партию приняли 25 человек по первой категории, тогда как они совсем недавно пришли работать на производство из деревни.

Национальный состав магнитогорской партийной организации соответствовал пестрому этническому составу города. Статистические отчеты о движении парторганизации Магнитогорска свидетель-

ствуют о том, что при приеме в партию новых членов строго выдерживался этнический состав. Иначе говоря, каждый набор в партию включал около 75 - 80 % русских по этнической принадлежности, а оставшиеся 20-25% распределялись между украинцами (12 - 17 %), белорусами (3 - 4 %), татарами (2 - 4 %), башкирами (1 - 3 %), чувашами, мордвой, поляками, прибалтами, немцами и евреями (не более 2 %) [Рассчитано по: 3, ДД. 25-393.].

Аналогичная политика проводилась в отношении полового состава партийной организации города. В разное время в партийной организации Магнитогорска доля представительниц слабого пола составляла от 7 до 15 % от общего числа членов организации [Рассчитано по: 3, ДД. 25-393.]. Так, по данным на 1 июля 1930 г. в парторганизации города женщины составляли 9,5 %; 1 октября 1930 г. - 9,6 %; 1 января 1931 г. - 8,7 %; 1 апреля 1931 г. - 8,2 %; 1 июля 1931 г. - 8,5 %; 1 октября 1931 г. - 8,7 % [Рассчитано по: 3, Д. 53. Л. 11, 34, 36, 38-42, 58, 64; Д. 60. Л. 21, 26; Д. 61; Д. 89; Д. 90. Л. 15, 74, 117, 118, 215, 216; Д. 101; Д. 103. Л. 10; Д. 107; Д. 113; Д. 143. Л. 89, 100; Д. 347. Л. 6 — 9; Д. 393.].

Новобранцы городской парторганизации преимущественно были молоды. В возрасте до 35 лет в парторганизации Магнитогорска числилось в разные годы от 76,47 % до 86,76 % человек. Если же говорить о парторгах, то здесь процент молодежи был еще выше. Так, в 1932 г. из 536 парторгов Магнитогорска 3,73% составляли люди в возрасте до 20 лет; 21% - от 21 до 25 лет; 35,8% - от 26 до 30 лет; 21,2% - от 31 до 35 лет; 9,7% от 36 до 40 лет; и 4,1% - старше 40 лет [Рассчитано по: 3, ДД. 25-393]. Таким образом, более 50% партогов были представителями молодого поколения в возрасте до 30 лет, чье становление как личности и второй этап социализации пришелся на постреволюционные годы. Не удивительно, что и партийный стаж лишь у небольшого числа коммунистов Магнитогорска начался до 1917г. Или в первые годы существования советской власти. В 1932 г. дореволюционным партийным стажем обладали лишь 2,9% партийных организаторов в Магнитогорске. В период с 1917 по 1920 гг. в партию вступили 23,5% будущих парторга Магнитки. Основная доля членов партии пополняли ряды ВКП(б) в течение 1920-х гг. (66,1%) [Рассчитано по: 3, Д. 90. Л. 117.]. Если рассматривать аналогичную статистику среди рядовых членов партии, а не офицерского состава, как любил говорить И.В. Сталин, имея ввиду руководящие кадры, то стоит отметить, что дореволюционным стажем среди членов партии Магнитогорска в 1932 г. никто не обладал. В 1920-е гг. в партию вступили 41,4% будущих магнитогорца. Основная доля членов партии магнитогорской парторганизации пополнили ряды ВКП(б) в 1931-1932 гг. (55,2%) [Рассчитано по: 3, Д. 90. Л. 118.]. В целом можно отметить, что большинство членов и кандидатов в члены партии были молодыми людьми, не обладавшими серьезным партий-

ным и трудовым стажем, которые вступили в партию в результате массовых наборов начала 1930-х гг., когда одной из задач руководителей города, да и страны в целом, было необходимо создать очередной миф о Магнитке, о ее энтузиастах строителях — комсомольцах и членах ВКП(б).

Большая часть принятых в партию магнитогорцев имели незначительный стаж работы (от года до трех лет). Следовательно, это были недавние крестьяне, попавшие в новый индустриальный центр в поисках лучшей доли. Трудовым стажем от трех до пяти лет также обладал невысокий процент магнитогорцев. Преимущественно это были рабочие, набранные организованным порядком на строительство металлургического гиганта. Стаж более 15 лет в Магнитогорске был большой редкостью. Приняв за точку отсчета 1931 г. легко можно понять, что 4,5 % членов партии начали свой трудовой путь еще до революции, что в условиях будущих партийных чисток несомненно являлось «пятном в биографии».

В целях повышения партийной грамотности в Магнитогорске, как и по стране в целом, крайне интенсивно проводилось партийное просвещение. Использовались самые разнообразные формы работы, одной из основных форм при этом оставались партийные школы. Партшколы были разных видов: начальные, школы-бригады, сменные, нацменовские и женские. Типология школ ясно дает понять, что партийные структуры стремились охватить как можно большее число слушателей с разным уровнем подготовки, знания языка и занятости. Параллельно со школами в Магнитогорске действовали кружки по изучению истории партии и идеологии марксизма-ленинизма.

Официальный дискурс практически регулярно отмечал перевыполнение программ партшколами. Так, в 1931 г. перевыполнение программ составило 8 % в январе, 17 % в феврале, 29 % в марте [3, Д. 60. Л. 28.]. При этом прогулы в партшкола были делом привычным. Хотя официальная статистика демонстрирует незначительные процент пропусков занятий, но можно предположить, что он был выше, а официальные структуры его намеренно занижали. Так, в январе, феврале, марте и апреле 1931 г. процент прогулов партшколах Магнитогорска составлял 1,4; 0,86; 0,76; 0 % соответственно [3, Д. 60. Л. 28.].

Агитационно-массовый отдел ГК ВКП(б) настаивал на создании агитколлективов, которые должны были не реже одного раза в пять дней проводить агитационные занятия. В результате 7 июня было организовано 87 агитколлективов при 18 партийных организациях Магнитогорска. В их рядах состояло 1670 человек [3, Д. 103. Л. 10.]. Среди проведения значительно числа партийных мероприятий, важнейшей задачей агитколлективов в частности и агитмассового отдела ВКП(б) в целом, было проведение демонстраций и митингов. Поводом к проведению последних служили не только важные советские празд-

ники (первомайские, октябрьские), трудовые достижения строителей и металлургов города (пуск домны; выплавка очередной крупной партии металла), но и такие события как второй тираж займа третьего решающего года пятилетки, смотр сил ударников и проч. [3, Д. 103. Л. 11].

Партийная чистка в Магнитогорске представляла собой практически не прекращающийся процесс, хотя в памяти магнитогорцев, да и в большинстве исследований остался печальный 1937 г. Однако чистки в Магнитогорске были и в более ранний период, в частности в 1930 г. В это время партия Магнитогорска находилась на стадии активного роста. Так, 1 января 1930 г. в ВКП(б) Магнитогорска состояло 240 человек, а через год — 1 января 1931 г. - численность парторганизации города составила 2624 человека, т.е. число членов партии по отношению к населению города составляло 3,7%. Среди поводов для исключения из партии выступали преимущественно «пьянство, халатное отношение к работе, грубое отношение к персоналу...», а также социальное происхождение. Последнее при этом оценивалось не слишком категорично. Так, в отношении дочери священника члены магнитогорской парторганизации говорили о том, что «надо судить их по теперешней работе. Разве она виновата в том, что родилась дочерью священника. Если б это от нее зависело, она бы наверное не родилась (sic!). Кроме того, никто не обратил внимание на то, что когда ее отец умер, ей было два года. Нужно судить по ее работе» [3, Д. 23. Л. 149 об.]. Партийная чистка 1933 г. показала, что среди исклю-

ченных оказалось много горожан, обвиненных в пассивности.

В целом для партийной организации города Магнитогорска периода форсированной индустриализации были характерны общесоюзные тенденции [4, с. 432.] в вопросе формирования и развития партийных структур. Низкий образовательный уровень в целом был типичен для руководителей партии города и страны. Необходимость представления в рядах партии различных этнических групп обусловила пестрый национальный состав; привлечение в ряды партии женщин, молодежи – все это являлось общесоюзными тенденциями.

Список литературы

1. Кучер В. Н. Магнитка — это навсегда. Дела и судьбы сталинских директоров. М., 2003. – 283 с.
2. Макарова Н.Н. Демографическая характеристика Магнитогорска: анализ причин смертности и рождаемости (1930-1935) // Социум и власть. - 2009. - № 3. - С. 96-100.
3. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 234. Оп. 1. ДД. 25-393.
4. Политические партии России: история и современность. - М, 2000. – 532 с.
5. Сержантов В. Г. Магнитострой — всенародная стройка первой пятилетки (Из истории борьбы советского народа за строительство Магнитогорского металлургического комбината) // Из истории социалистического строительства на Урале. Челябинск, 1969. С. 99 - 107.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В МЕСТАХ ТРАДИЦИОННОГО ПРОЖИВАНИЯ АБОРИГЕННЫХ ЭТНОСОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В КОНЦЕ 70–Х ГГ. XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ В СЕЛО БЕРЕЗОВКА)

Сулейманов А.А.

На основе анализа архивных данных и опубликованных источников рассматриваются материалы исследовательских инициатив по изучению социально-экономического положения населения села Березовка Среднеколымского района Якутии и происходящих в его среде этнокультурных процессов, которые были реализованы в течение 1977–1980 гг. В связи с этим определены ключевые участники рассмотренных изысканий, выявлены и показаны их проблематика и важнейшие результаты.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, коренные народы, эвены, научные исследования, Академия наук СССР.

On the basis of archival data and published sources the history of research initiatives to study of socio-economic situation and ethno-cultural processes of the population of Berezovka (Srednekolymsky district of Yakutia), that have been implemented in the 1977–1980, was considered in the article. In this regard the key actors of conducted research were determined; the basic directions and results were defined and illustrated.

Keywords: Arctic, Yakutia, Indigenous peoples, Evens, researches, The Academy of Sciences of USSR.

Территория Российской Арктики является «домом» для целого ряда аборигенных этносов – долган, кетов, нганасан, селькупов, эвенков, эвенов, чукчей, юкагиров и др. Каждый из этих народов является хранителем уникальной традиционной культуры и каждый из них в своей многовековой истории сталкивался с различными по характеру и силе вызовами, зачастую ставившими под угрозу само их существование. Достаточно насыщенным и разновекторным в судьбах аборигенов, был и советский период, несмотря на его относительно небольшую продолжительность в общей временной шкале. Внутри этого периода наблюдались, в том числе, и разнообразные по степени глубины «всплески» внимания властей к решению ключевых проблем в жизнедеятельности коренных народов. Так, одним из подобных «всплесков» стали 50-е гг. XX в., когда на общесоюзном и российском уровнях было принято сразу несколько важнейших документов, касающихся вопросов развития аборигенов Севера.

Следующая активизация произошла примерно через двадцать лет – на рубеже 1970-х – 1980-х гг. В частности, 7 февраля 1980 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры районов проживания народностей Севера» – пожалуй, один из важнейших правовых актов, касающийся судеб аборигенных этносов Российской Арктики. В документе нашли место положения о необходимости завершения перевода кочевых семей на оседлый образ жизни к 1990 г., разработки генеральных планов населенных пунктов в местах традиционного прожи-

вания представителей коренных народов и активного строительства там жилых домов, объектов культурно-бытового назначения, коммунального хозяйства, здравоохранения и просвещения, а также улучшения материально-технической базы оленеводческо-промысловых хозяйств [3]. Следует отметить, что в подготовке проекта постановления принимал участие сотрудник отдела экономики Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук (ЯФ СО АН СССР) СССР Ф.С. Донской [4, с. 62].

Именно под научным руководством этого исследователя в рамках реализации постановления 1980 г. специалисты Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) и отдела экономики ЯФ СО АН СССР, а также Якутского НИИ туберкулеза подготовили отчет «Социально-экономические проблемы завершения перевода кочевых эвенов Березовского сельского совета Среднеколымского района Якутской АССР на оседлый образ жизни» [1, л. 1–53].

В разработке данной темы, наряду с Ф.С. Донским, принимали участие Н.В. Васильев, И.И. Винокуров, У.А. Винокурова, Х.И. Дуткин, И.И. Петров, В.А. Роббек и М.А. Тарылгин. Примечательно, что на страницах отчета говорилось о его выполнении на основе авторской методики изучения социально-экономических проблем развития коренных малочисленных народов Севера Ф.С. Донского [1, л. 5].

Базой для написания работы послужили материалы, полученные в ходе полевых изысканий ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР и Министерства здравоохранения Якутской АССР, которые состоялись в сентябре –

октябре 1977 г. и в июле – августе 1979 гг., а также социально-экономических исследований, осуществленных в июле 1980 г. [1, л. 2–6; 6, л. 8; 7, л. 76]

В названных экспедициях принимали участие авторы отчета, врачи Якутской республиканской и Среднеколымской районной больниц С.М. Колесова, О.М. Колесова, В.И. Кузьмин, Ю.Е. Пахомов и В.А. Третьякова, сотрудники отдела культуры Среднеколымского райисполкома А.Н. Бережнова и И.Г. Шадрин, управляющий Березовским отделением совхоза им. 50 лет СССР Д.А. Роббек, представители сельских органов власти Н.С. Березкин и Е.П. Сибиряков.

Указанные специалисты изучили санитарно-гигиенические условия жизни населения Березовки, состояние медицинского, бытового, культурного и торгового обслуживания, экономическое положение в ведущих отраслях хозяйства, вопросы материальной обеспеченности семей, трудовой занятости, квалификации работников. Проведение анкетирования, охватившего 45 человек в 1977 г. и 52 – в 1979 г., позволило также определить некоторые мотивационные установки, характерные для жителей села [1, л. 6–50].

Следует отметить, что население Березовки (283 человека), состоявшее более чем на 80% из эвенов, представляло собой достаточно интересный объект исследований. Предки березовцев, вследствие труднодоступности и отдаленности территорий от основных коммуникаций, а также, возможно, сознательно «избегания», долгое время были фактически изолированы от внешнего мира – контакты с представителями других этносов, включая русских и якутов, сводились к минимуму. Эти люди, сохраняя патриархально-родовые отношения, вплоть до 50-х гг. XX в. вели постоянную кочевую жизнь, занимаясь домашним оленеводством и охотничьим промыслом на приграничной территории Магаданской области и Якутской АССР. Лишь в 1954 г. был создан Березовский наслег и открыта школа, а с 1961 г. единоличные хозяйства эвенов, минуя систему колхозов, вошли в состав совхоза им. 50 лет СССР [1, л. 6; 2]. Как отмечали участники Якутской северной комплексной экспедиции 1964–1965 гг., после основания в 1952 г. Березовки для эвенов было построено 13 срубовых домов, однако жили в них, «в основном, приезжие якуты (учителя, фельдшер, радист и другие)». Эвенская семья, по свидетельству ученых, проживала лишь в одном таком доме, остальные же не желали селиться непосредственно в селе – «поставили ярангу, палатки возле деревни, но несколько отдаленно». При этом чтобы добраться до них, нужно было преодолевать озеро [5, л. 6].

Неудивительно, что на момент проведения исследований 1977–1980 гг. 53% населения Березовки продолжали вести кочевой образ жизни. Данный факт, естественно, сам по себе обуславливал достаточно тяжелые бытовые и трудовые условия существования местных оленеводов. В плохом состоянии находилась

транспортная система. Не было регулярных наземных путей сообщения с районным центром – Среднеколымском, отсутствовала авиапосадочная площадка. Единственным средством связи зачастую оказывалось дорогое и сильно зависящее от метеоусловий вертолетное сообщение. Помимо этого, как выяснили исследователи, в течение 10 лет в Березовке фактически было заморожено жилищное строительство. В результате в среднем на одного жителя села приходилось 2,3 м² полезной жилой площади, что было в 4 раза меньше общесоюзной санитарной нормы. Из-за отсутствия жилья в селе 26 пастухов-оленоводов вынуждены были кочевать вместе с семьями. Крайне ограничены были размеры личных хозяйств – более половины населения вообще не имела собственных оленей. Существовавшая же система оплаты труда «не обеспечивала компенсации трудовых и материальных затрат» и «не создавала стимула для привлечения и закрепления кадров». Зачастую оленеводам приходилось «расплачиваться» за форс-мажорные обстоятельства, вызванные, как правило, различными природно-климатическими факторами и сказывавшимися на производственных показателях. При этом гарантированного минимума заработной платы они не имели. В этом плане показательно, что в результате проведенного исследователями анкетирования было выяснено, что удовлетворены своим материальным положением оказались только 22,2 % респондентов, остальные были либо «не очень довольны», либо «не довольны». Одновременно ученые выявили нежелание березовских эвенов, чтобы их дети последовали примеру родителей и работали в традиционных отраслях хозяйства. Такой выбор опрошенные обуславливали, прежде всего, именно тяжелыми условиями труда и быта оленеводов [1, л. 21–36].

Печальную картину, увиденную специалистами в Березовке, дополняло состояние медицинского обслуживания. Имеющийся фельдшерско-акушерский пункт размещался в антисанитарных условиях, был недостаточно оснащен инвентарем, а его сотрудники не проводили необходимых санитарно-профилактических мероприятий. В течение двух лет сотрудниками районной больницы ни разу не производился облет оленеводческих бригад. В 1979 г. из-за несвоевременного выполнения санрейсов умерло двое детей. Санитарно-эпидемиологическую ситуацию усугубляла скученность семей в Березовке, кочевание почти половины детей с родителями и низкая гигиеническая культура. В рационе питания практически отсутствовали молочные продукты, картофель, овощи и фрукты. В результате здоровыми можно было считать только 20% детей. Еще хуже была ситуация с более старшим поколением – 1/4 взрослого населения страдало хроническим алкоголизмом [1, л. 37–42].

Исправить сложившуюся ситуацию, по мнению авторов отчета, было возможно только за счет перевода населения Березовки на оседлый образ жизни.

Для этого, прежде всего, было необходимо изменить саму методику ведения хозяйства. В связи с этим, предлагались пути, рекомендовавшиеся уже ранее Ф.С. Донским в своих работах. В частности, исследователи выступили за скорейшее внедрение сменного метода выпаса оленей, апробированного в Ямало-Ненецком округе, что позволило бы оленеводам более 5 месяцев в году жить со своими семьями в Березовке, а также полувольного изгородного метода содержания животных. Кроме того, была отмечена необходимость создания четырех промежуточных баз для пастухов. Развитие охотничьего промысла, по мнению ученых, требовало: создание специализированных звеньев, состоящих из 3–4 профессиональных охотников и 2–3 учеников; проведение охотоустроительных работ по освоению отдаленных угодий; сооружение благоустроенных промысловых баз; механизацию труда. Предлагалось развивать и подсобные отрасли хозяйства – производство меховых изделий, а также молочное животноводство [1, л. 11–53].

Важным шагом на пути повышения качества жизни населения Березовки исследователи назвали улучшение культурно-бытовых условий. В связи с этим, были произведены расчеты, касающиеся строительства необходимых благоустроенных жилых домов, производственных и социальных объектов. В частности, предполагалось строительство 7 многоквартирных жилых домов, школы на 192 места, интерната на 75 мест, участковой больницы, почтового отделения, радиоузла, электростанции, котельных и др. Однако при этом требовалось перенести село на правый берег Колымы – здесь, по мнению авторов отчета, было проще организовать доставку строительных материалов и, в целом, снабжение села, обеспечивать связь с основными пастбищными угодьями и дополнительную занятость населения (в основном за счет рыболовства). Одновременно ученые составили план подготовки специалистов высшей и средней квалификации из числа эвенов Березовки, а также произвели расчеты потребности населения в вездеходах и снегоходах, моторных лодках и катерах [1, л. 22–53].

Существенное место занимали и рекомендации по улучшению материального положения работников. В частности, предлагалось установить гарантированный минимум заработной платы, не зависящий от невыполнения плана по форс-мажорным обстоятельствам,

а также выплаты за время, проведенное на промыслах, полевого довольствия, аналогичного членам геологоразведочных экспедиций. Кроме того, разработанные рекомендации касались отмены существовавшего ограничения на максимальный размер основного заработка, повышения закупочных цен на рыбу и пушнину, обеспечения в течение 1981–1982 гг. всех семей личными оленями [1, л. 30–31].

Таким образом, исследования, осуществленные в 1977–1980 гг. в одном из мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера – селе Березовка, являются примером оригинального комплексного подхода к выявлению основных «болячек» и проблем в жизни местного населения. Аккумулированные специалистами материалы служат ценными источниками, позволяющими достаточно четко представить социально-экономическое положение аборигенных этносов Российской Арктики в рассмотренный период и происходившие в их среде этнокультурные процессы.

Список литературы

1. Архив Якутского научного центра Сибирского отделения (ЯНЦ СО) РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 418.
2. Образовательная программа МОУ «Березовская национальная средняя общеобразовательная школа» / URL: http://bnsschool.ucoz.ru/downloads/documents/obrazovatel'naja_programma_2009-2010.doc (дата обращения: 09.04.2014)
3. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 07.02.1980 № 115 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» / Законы России. URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a320x936.htm (дата обращения: 03.08.2016).
4. Роббек В.А. Воин, журналист и ученый-северовед (о Феодосии Семеновиче Донском) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – №4. – С. 58–63.
5. Рукописный отдел Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения (ИГИИПМНС СО) РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 405.
6. Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 17. Д. 1.
7. Рукописный отдел ИГИИПМНС СО РАН. Ф. 5. Оп. 17. Д. 7.

ЖЕНЩИНЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦГОРОДА В КОНЦЕ 1930-Х ГГ. (НА ПРИМЕРЕ Г. МАГНИТОГОРСКА)

Савичева Ю.О.

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты организации жизни женщин в пространстве соцгорода. Анализируется политика советского руководства по вовлечению женщин в производственную деятельность. В работе прослеживается динамика изменения социального статуса женщин в условиях монопромышленного города, на примере г. Магнитогорска.

Ключевые слова: гендерная история, соцгород, женское население, включение в производственную деятельность.

In this article discusses some aspects of women's lives in the space of a Sotsgorod. Analyses the policy of the Soviet leadership on the integration of women in production activities. The work shows the dynamics of changes in the social status of women in a monoindustrial city, on the example of Magnitogorsk.

Key words: gender history, social city, the female population, the inclusion in production activities.

В современном научном сообществе появились тенденции к увеличению интереса к гендерной истории. Женщины долгое время были исключены из поля зрения «традиционной исторической науки»: как объект исследования, что означало изучение, прежде всего, публичной сферы, которой придавалось решающее значение. Мужской опыт деперсонифицировался, становясь «всеобщим» опытом познающего человечества. На этом основании формировались основные теоретические постулаты традиционной исторической науки. Гендерная история предполагает взгляд на историческое познание с более широких позиций, основывающихся не только на современных философских парадигмах, но и ином (женском) опыте, с позиции которого может быть реэвалюировано традиционное знание [1].

Специфика города-завода предполагала спрос на рабочую силу, в том числе и на женские рабочие кадры. Город Магнитогорск планировался, как образцовый соцгород, где вся инфраструктура существовала для удобств населения: рабочие места находились близко к месту жительства, налажен быт трудящихся. В рамках «идеального соцгорода» интересно проследить гендерную специфику жизни женского населения.

До революции мир российской женщины заключался в «приватной сфере», где она должна была служить мужчине, во всем следовать за ним. Мир мужчины был «публичным». Данная гендерная иерархия менялась со временем. После установления нового общественного строя появились идеи равенства полов, новой жизненной стратегии для женщин – сочетание рабочей деятельности и материнства[2]. В 1930-е годы государственная политика была направлена на выведение советских женщин из частного пространства дома и семьи и изменение статуса «жены» и «домашней прислуги». Рост промышленности стимулировал советское руководство к быстрейшему вовлечению женщин в общественную деятельность и их эмансипацию.

Советское руководство проводило активную пропагандистскую кампанию по привлечению женщин на производство в промышленных городах Урала. Отличительной особенностью Урала стало применение женского труда на предприятиях тяжелой индустрии. Магнитогорск, как город-завод предполагал включение женщин в производственную деятельность. Доля женского населения в Магнитогорске была стабильно высокой, женское население превышало мужское в 1932 г. – на 8 %, в 1933 г. – на 2,8 %, в 1934 г. – на 2 %. Женщины пребывали в Магнитогорск, первоначально, вслед за своими мужьями, отцами, братьями, которые вербовались на строительство предприятий[3]. В условиях монопромышленного города большинство «вакансий» было именно на производстве, поэтому женское население было вовлечено в трудовую деятельность и пытались социализироваться в новой жизненной обстановке. В 1936 г. Конституция СССР, уже законодательно, закрепила «новое» положение женщины в обществе и равенство полов. Предусматривалось формирование особого типа женщины - активистки, ответственного работника.

Некоторые женщины, прибывающие в Магнитогорск, никогда ранее не работали на производстве, но необходимость адаптации в «новом» городе, вынуждала их осваивать производственные специальности. В Магнитогорске получило распространение движение – домохозяйки идут на производство. В 1939 году в газете «Магнитогорский рабочий» опубликовали письмо коллектива работников завода «Красный пролетарий», где освещался вопрос расширения применения женского труда на фабриках и заводах, в связи с ростом промышленности[4]. Чаще всего женщины начинали свою «карьеру» в качестве чернорабочих и подсобного персонала. В 1930-х гг. наблюдалась замена мужской рабочей силы женской на легких, не связанных с большим применением физической силы работах. Так, например, начала свою производственную деятельность известная на Урале пер-

вая женщина – сталевар, Ипполитова Т.М.[5]. Двенадцать женщин Магнитогорского комбината последовали примеру Т. М. Ипполитовой, стали работать подручными сталеваров[6].

Административные и агитационно-пропагандистские методы советского руководства по привлечению женщин на производство, имели следующие результаты. На 1 июля 1937 года процент женщин в промышленности Свердловской, Челябинской и Пермской областей составлял 35,1 %, в том числе: электроэнергетика – 21,8; каменноугольная – 31,1; железорудная – 24,0; меднорудная – 21,4; химическая и топливopеперерабатывающая – 27,3; силикатно-керамическая – 47,8; черная металлургия – 30,5; цветная металлургия – 27,6; металлообработка – 33,0; лесная и деревообрабатывающая – 36,9; целлюлозно-бумажная – 42,7; текстильная – 63,9; кожевенно-меховая – 60,7; одежды и обуви – 70,4; пищевкусовая – 58,9. В частности, на Магнитогорском металлургическом комбинате на 1 июля 1937 года процент женщин составлял 20,4 %, а к 1 октября 1940 года увеличился до 23,7%[7]. Вовлечение женщин в промышленность рассматривалось в тот период как важное средство решения «женского вопроса», достижения фактического равенства мужчин и женщин при социализме.

Советское руководство, в целях повышения качества труда женщин, организует мероприятия по подготовке женских трудовых ресурсов. Для повышения квалификации, женщины посещали курсы техминимума, курсы машинистов, курсы мастеров, цеховые технические школы. Подготовка кадров курсовой сетью и удельный вес женщин в количестве выпущенных и обучающихся рабочих характеризуется следующими данными: за 1939 год выпущено школами подготовки кадров 953 чел. по 27 профессиям, в числе подготовленных 300 женщин; школой ФЗУ по 12 профессиям выпущено 238 чел., охвачено учебой на конец года 1077 чел., 662 чел., в т.ч. 144 женщины, прошли переподготовку по 8 профессиям; закончили учебу на курсах техминимума по 105 профессиям 2589 чел., из которых 907 женщин, продолжали учебу 708 чел., в т.ч. 142 женщины; окончили школу мастеров 326 чел., в т.ч. 9 женщин, и были охвачены учебой 1208 чел., в т.ч. 74 женщины. На стахановских курсах в 1939 году продолжали обучение 258 чел., в числе которых 36 женщин, и закончили в 1939 году обучение 2053 чел., из коих 334 женщины[8].

Обучение и повышение квалификации было очередным шагом к уравниванию социального положения мужчины и женщины в рамках соцгорода. Женщины получили возможность изменить свою производственную квалификацию и занять определенную нишу (пока небольшую) среди квалифицированных рабочих кадров.

Существовало много примеров высокой производительности труда женщин, которые выполняли и перевыполняли плановые нормы, таким образом, до-

казывая свою состоятельность, как работников и возможность соперничать с мужчинами[9].

Включение женщин в производственную деятельность в условиях монопромышленного города было связано с желанием улучшить собственное материальное положение. Заработная плата являлась стимулом к приобщению к трудовой деятельности и выходу женщин из «замкнутого пространства дома». Советское руководство намеренно акцентировало внимание на поощрении женского труда. Женщины-работницы, не имевшие производственных аварий, не нарушавшие правил технической эксплуатации, премировались[10].

Безусловно, важнейшими для советского правительства оставались вопросы повышения качества здравоохранения для женщин и увеличения сети детских учреждений, так как это было основное условие прихода женщин на производство. Женщина должна была, в первую очередь, позаботиться о собственных детях, так как важнейшая социальная роль женщины – это роль матери, несмотря на те изменения, которые произошли в ее социальном статусе. Тем более, что руководство страны оставляло за женщиной функцию материнства, которая на тот период не теряет своей общественной значимости. К 1939 году в Магнитогорске имелось 2 родильных дома[11], 5 женских и детских консультаций, в которых проводилась работа по охране материнства и младенчества.

В Магнитогорске на 1939 г. имелось 27 яслей, в которых воспитывалось 2118 детей, 50 детских садов, где находилось 3 335 детей, 36 школ, где обучалось 22 000 детей, 4 детских дома, где количество детей достигало 377, детская поликлиника, санаторные ясли в Верхнеуральске, детская пищевая станция. С 1935-1939 средства на содержание детских яслей увеличились от 553 тысячи до 1500 тысяч. Правительство и местное руководство пыталось улучшить работу детских лечебно-профилактических учреждений, обращало внимание на предупреждение инфекционных заболеваний в яслях, обеспечивало детей в возрасте от одного года профилактическим патронажем, организовывало систематическую работу с матерями, в первую очередь с матерями, имеющими грудных детей (в родильных домах, детских консультациях и других учреждениях)[12].

Государство поставило перед женщинами очень трудную задачу: совместить роли хорошей матери и эффективного работника. А ведь обе эти роли требовали массу времени и немалой квалификации. Но в пространстве соцгорода, где необходимо было существовать и выживать, женщины вынуждены были приспособиться к новому социальному статусу, к новым гендерным ролям, которые теперь не ограничивались материнством, а были расширены и требовали усилий для их успешного выполнения.

Итак, в 1930-х гг. в условиях монопромышленного соцгорода женщины включаются в производственную деятельность промышленного предприятия. Это

было вызвано целями советского руководства по скорейшему уравниванию женщин и мужчин в правах в социалистическом обществе. Партия и правительство, местное руководство принимало различные меры по вовлечению женщин на производство: агитационные мероприятия, попытки улучшения системы здравоохранения, расширение сеть детских учреждений, чтобы частично освободить тружениц от семейных хлопот. Появилась «новая женщина» - профессиональная работница, хозяйка, мать или, другими словами, «работающая мать». Женщина получила возможность финансовой независимости, возможность заявить о себе на общественной арене. Начался процесс изменения гендерных стереотипов поведения, который в массовом порядке продолжится под влиянием экстремальной обстановки войны.

Список литературы

1. Пушкарева Н.Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800-2000 : Материалы к библиографии / Н.Л. Пушкарева. – М. : Ладомир, 2002. – С. 137.
2. Хасбулатова О.А., Смирнова А.В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в

XX – начале XXI века (Историко-социологический анализ)/ О.А. Хасбулатова, А.В. Смирнова//Женщина в российском обществе.- 2008.- № 3.- С. 3-14.

3. Макарова Н.Н. Женский социум в Магнитогорске в 1930-х гг/ Н.Н. Макарова//Проблемы истории, филологии и культуры.- 2011.- № 32.- С. 242-250.

4. Магнитогорский рабочий. 1939. 3 октября.

5. Магнитогорский рабочий. 1939. 26 октября. 23 ноября

6. Магнитогорский рабочий. 1939. 4 октября. 5 октября.

7. Рабочий класс Урала в период строительства социализма. - Свердловск, 1982. – С. 100-101.

8. Магнитогорский рабочий. 1939. 3 октября. 24 октября. 28 октября.

9. Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929-1941) : Сборник документов и материалов. - Челябинск, 1965. – С. 184-185.

10. Магнитогорский рабочий. 1940. 18 января ; Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929-1941) : Сборник документов и материалов. - Челябинск, 1965. – С. 185.

11. МУ МГА. Ф. 121. Оп. 1а. Д. 2. Л. 45.

12. МУ МГА. Ф. 121. Оп. 1а. Д. 5. Л. 193 ; МУ МГА. Ф. 121. Оп. 1а. Д. 6. Л. 237.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 78.072.2

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МУЗЫКАЛЬНЫХ КОНКУРСОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Малеко Е.В., Маврина А.В.

Данная статья предполагает прояснение вопроса об организации музыкальных конкурсов, которые имеют своей целью отбор талантливых исполнителей. Такие творческие мероприятия должны быть противопоставлены конкурсам-однодневкам, преследующим значительный коммерческий сбор. Современный музыкальный конкурс высокого уровня требует организационной продуманности, креативных подходов в менеджменте от его организаторов. Изучение процесса разработки и проведения музыкального конкурса как вида социокультурной деятельности проводилось с использованием структурно-функционального и системного методов исследования. Особое внимание авторы статьи обратили на формирование «Положения о конкурсе», которое является фундаментальным документом успешного проведения мероприятия. Результаты данной статьи могут найти дальнейшее применение в исследованиях по менеджменту культурно-массовых мероприятий в контексте современной социокультурной действительности.

Ключевые слова: музыкальный конкурс, менеджмент, организация, «Положение о конкурсе», жюри, конкурсант

This article assumes the clarification of the organization of musical contests, which have as their object the selection of talented performers. Such creative activities should be opposed to the contests to one-day, pursuing a significant commercial harvest. The modern music contest of high level requires organizational sophistication, creative approaches in management from the organizers. Study of the process of designing and conducting a musical competition as a form of social and cultural activities were carried out using the structural-functional and systems research methods. Special attention the authors paid to the formation of the "Regulations on the competition", which is a fundamental document successful event. The results of this paper can be further used in research on management of cultural events in the context of contemporary socio-cultural reality.

Keywords: music competition, management, the organization, "Status of competition", the jury, the competitor

Музыкальный конкурс имеет давнюю историю и представляет собой серьезное культурное мероприятие, реализация которого требует знаний в области менеджмента и маркетинга в сфере культуры, наличия творческих и организаторских способностей у его создателей, при этом как культурный проект музыкальный конкурс обладает определенной спецификой, которую необходимо учитывать в процессе проектирования музыкальных программ.

Во всём мире в профессиональной среде вопросы организации тех или иных мероприятий принято обсуждать на специализированных конференциях event-менеджмента. На просторах бывшего Советского Союза сфера организации мероприятий достаточно нова и не регламентирована. Индустрию развлекательного бизнеса постоянно пополняют случайные люди, поэтому чаще всего они не обсуждают профессиональные аспекты своей деятельности, а делают дела по наитию, особо не придавая значения организации мероприятия. Такой подход сказался на отношении бизнес-сообщества к индустрии развлечений,

в том числе и организации музыкальных конкурсов и фестивалей, ведь общеизвестно, что люди, формирующие эту сферу являются лицом.

Масштабное событие, к числу которых относится музыкальный фестиваль или конкурс, требует серьезного подхода в организационном плане. Обыватель, сталкиваясь с информацией о проведении музыкального фестиваля, как правило, уверен, что организация музыкального фестиваля, на который он, возможно, планирует приобрести билеты или в котором планирует принять участие, в руках профессионалов. Однако сегодня на практике это оказывается далеко не всегда. Таким образом, обыватель «попадает» в ловко расставленные ловушки проходимцами, мошенниками и просто непрофессиональными людьми, стремящимися за чужой счёт сделать свою карьеру. В конечном счёте, обыватель теряет доверие к индустрии, что невыгодно всем участникам рынка развлечений.

С распадом Советского Союза на базе структур, входивших в системы Министерства культуры СССР и крайне консервативного, однако, могущественного

Государственного концертного объединения Госконцерт, предприимчивые граждане начали создание собственного бизнеса. В 90-е годы XX века меняется все пространство духовной культуры России [3]: процессы организации музыкальных фестивалей, конкурсов и других подобных мероприятий, сбыта билетов, формирования концертной программы и, собственно, заработка на фестивале строились по наитию.

Организация музыкального мероприятия напрямую зависит от уровня фестиваля или конкурса. Если рассматривать такие музыкальные конкурсы, как «Минута славы», отбор на «Евровидение», то в них договор подписывается на самом начальном этапе. Но много и таких конкурсов, в которых договоры вообще не требуются [5].

При отсутствии на современном этапе единых и четких требований к организации и проведению музыкальных конкурсов, имеется серьезная проблема конкурсов-однодневок с низким качеством организации.

Подразумевается, что каждый человек должен быть честным, порядочным и нести ответственность за свои слова и поступки. Однако, жизненные ситуации демонстрируют совсем иное, зачастую далеко нелицеприятное поведение людей, в том числе и тех, кто стремится стать организатором того или иного музыкального события. Благодаря таким людям, которых, часто можно смело назвать проходимцами, музыкальная история России познала множество музыкальных фестивалей и конкурсов-однодневок. Фестивалей и музыкальных конкурсов, организаторы которых делали всё абы как, проводя их с единственной целью максимальной наживы в наиболее короткие сроки. Карьеры и судьбы артистов таких организаторов не интересовали.

Конкурсов и фестивалей-однодневок в нашей стране, к сожалению, очень много. И это создает серьезные проблемы. Так, например, предприимчивый «бизнесмен», желая заработать «легкие» деньги, организуют какой-нибудь музыкальный фестиваль «Молодость», приглашает не совсем известных членов жюри, регламентирует не особо понятные правила. Главное в организации подобного мероприятия – организационный взнос с участников и билеты для зрителей, которые подчас весьма существенны. Победителям в таких конкурсах обещают популярность и славу, и родители своих юных музыкальных талантов готовы платить за иллюзорную возможность подняться на хоть какую-то ступень музыкального Олимпа. В таких случаях необходимо более внимательно оценивать уровень организации подобного мероприятия (состав жюри, спонсоры, освещение в СМИ и т.д.), не веря на слово заверениям организаторов. Следует участвовать в крупных фестивалях и конкурсах, которые на слуху не один год, десятилетия [1].

Итогом всей предварительно проделанной работы

должно стать «Положение о конкурсе», в нем указывается название конкурса, цели его проведения, возраст участников, условия и критерии оценки, сведения о призах и наградах.

После того как составлено положение, организаторами должно быть выполнено сразу несколько задач [4]. Во-первых, нужно найти будущих участников конкурса. Для реализации этой задачи можно использовать приглашения, оповещение факсом и на электронную почту в школы искусств, отделы культуры городов, районных, областных и т.д. Во-вторых, организатор должен найти подходящее помещение, взять на себя техническое оснащение конкурса (инструмент, микрофоны, стулья и т. д.), это должно оговариваться в положении для того чтобы избежать конфликтные ситуации. В-третьих, организатор должен пригласить компетентное жюри для оценивания конкурсантов. Для того чтобы повысить объективность оценки нужно соблюдать несколько принципов в комплектации состава жюри:

- Число жюри должно быть от 3 до 6;
- Не стоит приглашать людей, которые лично заинтересованы в результате;
- У членов жюри должен быть опыт непосредственно в той области деятельности, которую они оценивают;

Организаторы должны заранее решить вопрос о награждении победителей, о материальной и эмоциональной оценке выступлений детей.

На финальном этапе нужно еще раз продумать все до мелочей:

- как пригласить зрителей;
- как и когда провести предварительный просмотр;
- кого пригласить ведущим;
- как лучше оформить помещение;
- где посадить жюри;
- как организовать церемонию открытия;
- где жюри будут обсуждать итоги;
- кто будет вручать призы;
- как будет проходить ритуал награждения и многое другое.

Итоги проведения конкурсной программы можно будет подвести лишь тогда, когда будет проведен анализ планов и результатов. Для проведения фестиваля необходимо составить смету.

Важный этап подготовки музыкального конкурса – анализ его целевой аудитории. Целевая группа, целевая аудитория – термин, используемый в маркетинге или рекламе для обозначения группы людей, объединённых общими признаками, или объединённой ради какой-либо цели или задачи. На эту группу лиц направлено рекламное сообщение и рекламные мероприятия.

Целевую аудиторию часто можно определить по территориальному признаку. Это актуально для тех, кто реализует свои услуги на конкретно взятой территории (городе либо области).

Каждый продукт или услуга предназначены для конкретного конечного потребителя. Группа таких потребителей, объединенных общими присущими им свойствами, определяется как целевая аудитория.

Маркетинговые исследования целевой аудитории заключаются в выявлении лиц, непосредственно заинтересованных в приобретении продукта (услуги), объединенных единым набором индивидуальных характеристик. Определение целевой задачи требует применения профессиональных методов анализа и специализированных методик. Результаты исследования целевой аудитории непосредственным образом определяют потребительские характеристики производимого продукта (услуги).

Важнейшим этапом в работе с целевой аудиторией является составление ее портрета. Для определения портрета целевой аудитории необходимо определить следующие ее характеристики [2]:

- географические, т.е. характеристики места проживания представителей целевой аудитории, мест проведения досуга, мест приобретения необходимых товаров и услуг. При этом важно выделить не только сами географические точки, но и их ключевые характеристики, такие как транспортная доступность, численность населения, его плотность, динамика развития региона, инфраструктурные характеристики региона;

- демографические: возраст, пол, семейное положение, национальность и вероисповедание, уровень образования, профессия;

- экономические: уровень покупательской активности, зависящий от уровня дохода и уровня занятости;

- психологические (психографические): поведенческие факторы, стиль жизни, привычки, темперамент, жизненная позиция, ключевые присущие черты характера, система ценностей и т.д.;

- поведенческие характеристики: степень лояльности к организатору, бренду, частота пользования

услугой, опыт использования, приверженность на протяжении долгого времени данной услуге, основные мотивы участия в подобных мероприятиях, способность отреагировать на появление новой услуги на рынке.

Дополнительным фактором успешной работы с потребителями является сегментация целевой аудитории. Сегментирование целевой аудитории позволяет сформировать портрет целевой аудитории в соответствии с присущими сегменту особенностями. Особенно важен такой подход, когда определяется целевая аудитория рекламной кампании.

Таким образом, музыкальный конкурс имеет давнюю историю и представляет собой серьезное культурное мероприятие, реализация которого требует знаний в области менеджмента и маркетинга в сфере культуры, наличия творческих и организаторских способностей у его создателей, при этом как культурный проект музыкальный конкурс обладает определенной спецификой, которую необходимо учитывать в процессе проектирования музыкальных программ.

Список литературы

1. Бакланова Т. И. Самодетальное художественное творчество в СССР. – М, 1986. – С.31-34.
2. Бенифанд А. В. Праздники: сущность, история, современность. – Красноярск, 2006. – 164 с.
3. Малко Е. В. Основы формирования духовной культуры России первой половины XX века//Мировоззренческие основания культуры современной России: сб. материалов VI Междунар. науч. конф./под ред. В. А. Жилиной. Вып 6. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2015. С. 136-138.
4. Мирзаянова Л. Менеджмент музыкальной деятельности. – М., 2005. – 233 с.
5. Пухляк М. Е. Об актуальных проблемах функционирования музыкальных конкурсов в современном культурном пространстве // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2013. – №4(12). – С. 41-44.

УДК 008

ВОЗНИКНОВЕНИЕ «АРИЙСКОГО МИФА» В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Назарычева А.И., Алабужин И.В.

Статья посвящена рассмотрению истоков «арийского мифа» в Германии. Необходимо учитывать, что создание фашистского тоталитарного режима было невозможно без иррациональной составляющей массового сознания. Поэтому важной задачей идеологов фашизма было укрепление национального сознания с помощью создания мифа о превосходстве новой арийской расы.

Ключевые слова: «арийский миф», современная мифология, тоталитаризм, иррациональность, массовое сознание.

The article is devoted to the origins of the "Aryan myth" in Germany. Be aware that the creation of a fascist totalitarian regime was impossible without taking into account, in particular, the irrational part of the mass consciousness. Therefore, an important task of the ideologists of fascism was the strengthening of national consciousness through the creation of the myth of the superiority of the new Aryan race.

Keywords: «the Aryan myth», modern mythology, totalitarianism, irrationality, mass consciousness.

Исследование темы мифотворчества вышло на новый виток в XX веке в связи с появлением тоталитарных режимов. Весьма подробно аспекты создания мифов рассматриваются в трудах Л. Леви-Брюля, З. Фрейда, Э. Кассирера, К.-Г. Юнга, Р. Барта, М. Элиаде, А.Ф. Лосева, а также современных исследователей: Е.М. Мелетинского, С.Ю. Неклюдова, А.Л. Топоркова и других. Рассмотрение мифа в контексте создания тотальной системы – один из аспектов рассмотрения современного мифологического мышления. Согласно Барту, сама природа тоталитарной власти рождает потребность в мифотворчестве. «Сама потребность в мифотворчестве определяется природой тоталитарной власти. Единая, труднодостижимая цель развития страны (будь то светлое коммунистическое будущее или мировое господство) требует жесточайшей централизации всех сфер социального бытия. Если экономическая и политическая централизация достигается достаточно просто, то иная форма централизации – единомыслие – требует сложнейшей идеологической работы» [2]. С помощью современной мифологии и пропаганды вполне можно добиться высокого уровня влияния на общественное массовое сознание. «Современный миф отличается от архаического принципиальной особенностью: он не запрещает и не санкционирует поведение личности, он стремится манипулировать ее сознанием. Это определяет бинарность самого процесса современного мифотворчества: с одной стороны, мифы сознательно моделируются идеологами власти, с другой – поддерживаются и развиваются народом» [4].

Идеология нацизма в Германии является ярчайшим примером такого мифотворчества. Основа этой идеологии – «арийский миф», который стал интегрироваться во все сферы общественно-политической и культурной системы взаимоотношений. Еще до того, как была запущена машина пропаганды Йозефа Геббельса и начал существовать ин-

ститут «Наследие предков» Генриха Гиммлера, идея о высшей «арийской» расе уже начала развиваться и совершенствоваться. Требовались уже существующие и понятные для немецкого народа идеи, поскольку мифотворчество требует опоры на историко-культурное прошлое нации.

Несмотря на известные рациональные механизмы создания мифов тоталитарного государства, немаловажную роль играют иррациональные элементы. Арманизм, или ариософию, можно считать основным идеологическим предвестником нацизма. Во главе этой эзотерической системы стояли оккультные философы: Гвидо Фон Лист и Йорг Ланц фон Либенфельс. Арманизм стал романтико-пессимистическим ответом на общественно-политическое и социокультурное состояние жизни Австрии. Гвидо фон Лист начинал как историк. По его мнению, для выхода из кризиса современного общества необходимо было воссоздание религии древних германцев. Эта потребность постепенно стала трансформироваться в гротескное возвеличивание и крайнюю романтизацию народа, в идею превосходства одной нации над другими. Индустриализация и урбанизация Германии и Австро-Венгрии на исходе XIX века, конфликт славянских и немецких интересов в многонациональном государстве, католицизм, возникновение австрийского движения пангерманизма под руководством Георга фон Шонера, мода на социальный дарвинизм и его расистские выводы также существенно определяли мышление ариософов. Оккультизм в их доктринах играл весьма существенную роль сакрального оправдания их крайних политических позиций и глубокого неприятия действительности. Фантазии ариософов фокусировались в идеях элитарности и чистоты, в тысячелетних образах золотого будущего нации [5].

Впоследствии эти концепции были объединены в приемлемую идеологическую систему народническим движением, или «Volkisch». В XIX веке для

немцев термин «volk» значил много больше, чем буквальное его переводом словом «народ»: он означал национальное единство, осуществляемое общей творческой энергией. Предполагалось, что метафизические качества определяют уникальный культурный статус немецкого народа. Идеологическую окраску слово «volk» получило по двум причинам: во-первых, эта культурная ориентация была результатом крайне медленного объединения Германии; во-вторых, она была связана с широко распространившейся романтической реакцией на современность.

Германия в то время существовала в виде раздробленных княжеств, королевств, герцогств, граничащих с более крупными государствами – Пруссией и Австрией. Всё это представлялось как священная империя германской нации, величие которой рухнуло в 1806 году. Возникновение свободной немецкой конфедерации дало возможность провести «парад суверенитетов» (то есть государствам в составе империи была дана возможность независимого развития). Таким образом, политическое объединение было затруднено, что обостряло стремительность поиска культурных предпосылок к объединению. Уже в конце XVIII века существовало предромантическое движение «Буря и натиск», в котором писатели обретали национальную идентичность, обращаясь к народным песням, обычаям и старой литературе. Таким образом, кризис политического развития, ведущий к усилению раздробленности, обусловил потребность в идеологическом, культурном характере поиска национального единства. А обращение к прошлому и традициям придало этому поиску мифологический, оккультный характер.

Впрочем, оккультизм не был свойственен Volkisch-идеологии и не входил в сферу её политических планов. Движение Volkisch провозглашало необходимость существования всегерманской империи, в которой политические инструменты власти должны были быть сосредоточены в руках «имперских» народов, а негерманские национальности лишались бы полномочий. Как идеологическая основа для формирования тоталитарной системы Volkish была все же «незрелым» течением. Она включала в себя антилиберальные идеи, давала обоснование для единения германских народностей, провозглашала необходимость в отстранении «негерманского», т.е. являлась естественной реакцией государства, находящегося в состоянии политической раздробленности и экономического кризиса, подобно тому, какой раскол сегодня претерпевает, к примеру, Украина.

Движение ариософов в значительной мере опиралось на оккультизм, в поисках обоснования жизнеспособности устаревшего и хрупкого социального порядка. Ариософы заимствовали идеи и символы теократии античности, мистическое знание розенкрейцеров, обрядовость каббалы и франкмасонства, структуру тайных обществ и тому подобное [1]. Ариософы насыщали народническое движение ок-

культными элементами эклектично. Но эффективность такого насыщения была оправдана необходимостью представить современность ложной системой, построенной на враждебных принципах зла. Опора на полурелигиозный материал указывала на глубочайший кризис веры.

В позднем нацизме эти идеи будут аккумулярованы. Наследие предков, истины, дошедшие до XX века и бережно хранимые в нацизме, выступают в роли одной из высших ценностей, своеобразным мифическим ключом к «золотому веку». Однако следует отметить, что данный комплекс идей – это продукт современного мифотворчества, оккультно-идеалистической стороны которого заимствована из самых разнообразных негерманских источников как ответ на мировоззренческий кризис народа. Усугубило этот кризис веры, равно как и общественно-политическую и экономическую ситуацию в целом, поражение в Первой мировой войне. Факт поражения в войне также привел к тому, что немецкое общество нуждалось в сильном политическом лидере, каковым впоследствии станет Национал-социалистическая рабочая партия Германии.

НСДАП стала мощной политической силой, которая имеет в своей основе мощную оккультную составляющую. Речь идет об «обществе Туле» – консервативной организации в Баварии, своеобразного отделения, созданного в 1912 году германского ордена – закрытой мистической организации, поклонявшейся древнегерманскому Вотану – богу войны и смерти. Остров Туле – это мифологический образ из скандинавских и древнегерманских мифов, прародина древних ариев.

Любая страна в эпоху кризиса и разрозненной идеологии нуждается в мировоззренческой опоре. Не находя таковой в традиционной разрушающейся системе ценностей, люди обращаются к мистике. В связи с этим начинают активно действовать разного рода оккультные и иррациональные секты [3]. Сложная политическая ситуация, раздробленность, унижительное положение Германии после Первой мировой войны требовало появления сильного лидера и объединяющей национальной идеи. Народ был готов к новому «мессии». В случае совпадения таких факторов, как личность вождя (Адольф Гитлер), влиятельного политического течения (НСДАП) и идеологической структуры, разрешающей кризис веры (баварское отделение Германского ордена – «Общество Туле»), возникает впоследствии структура, преобразующая политическую, экономическую и социокультурную системы, находящиеся в состоянии духовного кризиса.

Таким образом, предпосылкой появления идеологии Третьего Рейха стали политическая нестабильность, кризис веры и утрата национальной идентичности. Эти факторы выступили благоприятной средой для восприятия новой государственной мифологии тоталитарного режима фашизма, в котором

немаловажную роль играют бессознательные элементы.

Список литературы

1. «Анненербе»: оккультный демарш СС / Паль Лин фон. – М.: АСТ; СПб.; Астрель-СПб, 2007.

2. Барт Р. Миф сегодня. URL: http://www.lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 15.10.2016)

3. Волкова В.Б. Интертекстуальные концепты в

военной прозе О.Н. Ермакова конца 1980-начала 2000 гг. Магнитогорск, 2010.

4. Культурология. Энциклопедия. В 2-х томах. Гл. ред. С.Я. Левит. – М., РОССПЭН, 2007.

5. Юрлова С. В. Мифологема Москвы в культуре сталинской эпохи. URL: <http://www.readera.org/article/myfologema-moskvy-v-kulture-stalynskoj-jepohy-10329102.html> (дата обращения 15.10.2016)

ТЕЛЕВИДЕНИЕ В РАКУРСЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ РОССИЯН

Мукатова Ж.А.

Телевидение является одним из мощнейших средств культурного воздействия с момента своего появления и продолжает оставаться таковым и в наши дни, несмотря на появление новых современных форм информационного воздействия, к числу которых относится Интернет. Более того, телевидение набирает популярность с каждым годом. В настоящее время только на российских телеэкранах транслируются несколько сотен телеканалов федерального и местного значения. В данной статье проводится анализ отношения современных россиян к телевидению как средству информационного и культурного воздействия.

Ключевые слова: культура, телевидение, средства массовой информации, телевизионная продукция, функции медиа, информация, аудитория, канал.

Television has been one of the most powerful means of cultural influence since its inception and continues to be so in our day, despite the emergence of new modern forms of information impact, including the Internet. Moreover, television is gaining popularity every year. Currently, only a few hundred television channels of federal and local significance are broadcast on Russian television. This article analyzes the attitude of modern Russians to television as a means of information and cultural impact.

Key words: culture, television, mass media, television production, media functions, information, audience, channel.

Оценка зрительского восприятия, являющаяся на протяжении 10 лет темой проекта «Телевидение глазами телезрителей», была важна для разработки перспектив развития телевидения, тематики программ, популярности тех или иных телевизионных форм и жанров и т.д. В значительной степени в данном аспекте представляет интерес прежде всего качественная оценка общественного мнения телезрителей, которая позволяет выявить основные тенденции зрительского восприятия и ожиданий, однако и количественные оценки на предмет выявления затрачиваемого времени на просмотр телепередач и т.п. позволяет сделать весьма важные выводы [10].

Так, например, количественная оценка позволила развенчать ряд некоторых стереотипов в отношении телевидения, к которому в массовом сознании отношение несколько негативное, например, как к пустому времяпрепровождению. Однако проведенный опрос показал, что около 96% опрошенных смотрят телевизионные передачи ежедневно (если не находятся в отпуске, в командировке, не работают вахтовым методом и т.п.). При этом даже в тех домах и семьях, где значительное место отводится Интернету, все равно телевизор смотрят ежедневно, пусть даже в качестве фона (около 92% населения) [4]. Среди опрошенных только 1,2 % людей не смотрят телевизор вообще никогда или смотрят очень редко (не более 3-х раз в месяц). Также показателен тот факт, что абсолютное большинство из этих людей (из 1,2 % опрошенных, не смотрящих телевизор) ведут не совсем привычный для общества образ жизни [3]. Так, 90% из них не имеют семью, предпочитая проводить вечера не за экраном телевизора, а в барах, ночных клубах и т.п. Или же ведут бродяжнический образ жизни, не имея собственного жилья. Остальная часть опро-

шенных (оставшиеся 10%) предпочитает более продуктивную и общественно важную деятельность (читает книги, газеты, анализирует шахматные партии, посещает новостные сайты и форумы в Интернете, интересуется или профессионально занимается писательской и журналистской деятельностью). Как правило, эта часть людей не исключает полностью телевидение из своей жизни, но сводит его просмотр к минимуму, ограничиваясь преимущественно каналами новостей, научно-познавательными и дискуссионно-политическими передачами. Данная группа проводит перед телевизором значительно меньше времени, чем большая часть опрошенных, которая тратит на просмотр телепередач и кинофильмов порядка 4 часов в день).

Таким образом, иронично-пренебрежительное отношение к телевидению как к «электронному ящику», транслирующему «всякий популистский бред», в массовом сознании уживается с реальностью, когда эти же люди, выражающие подобное отношение к телевидению, являются его основными потребителями, не мысля себя вне этого «электронного ящика» с телесериалами, тематическими программами вроде «Давай поженимся», «Модный приговор», различными популярными медицинскими и кулинарными программами и т.п. [6]. Все это является неотъемлемым атрибутом жизни тех людей, которым, казалось бы, при их негативной оценке, смотреть телевизор вовсе и не нужно [5].

Больше всего это характерно для людей старшего возраста (преимущественно пенсионного и предпенсионного возраста) и людей провинциальных районов России, у которых органично сочетается негативное отношение к целому ряду и одновременно с этим информационный голод, утоля-

емый просмотром телевизора. У жителей крупных городов, Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и т.д., жизнь более активна, что задается более высоким ритмом жизни самих мегаполисов, поэтому телевидению уделяется значительно меньше времени [9]. Многие из жителей таких городов значительную часть времени проводят на работе (имеют два и даже три места работы), а также ведут активную вечернюю городскую жизнь, предпочитая семейным вечерам за чашечкой чая и просмотрам сериала посещение кафе, ресторана и т.п.

Зависимость основной части россиян от телевидения обусловила и зрительские предпочтения в выборе телевизионных программ. Так, 80% опрошенных выбирают различные жанры и виды телевизионных передач и фильмов: художественные фильмы, сериалы, документальные передачи о природе, других городах, исторические, политические и спортивные, новостные и проблемно-тематические программы. Данный выбор обусловлен не только возрастным, но и гендерным фактором, на что указывают В.Б. Волкова и Д.А. Палатова в статье «Гендерные исследования в культурологии: основные направления и перспективы» [2].

Около 50% опрошенных исключают из этого списка современные телесериалы, тематические передачи вроде «Модный приговор», «Давай поженимся» и т.д., программы развлекательного характера («Дом 2», «Угадай мелодию» и т.п.). Около 30% опрошенных ограничиваются просмотром только новостных, спортивных, политических и др. программ, где дается так называемая «чистая» информация, не желают тратить свое время даже на художественные фильмы (за исключением нескольких раз в месяц на просмотр фильмов, имеющих высокую оценку со стороны серьезных критиков кинематографа).

Таким образом, проведенный опрос показал высокую зависимость современных россиян от телевидения. Это обусловлено тем, что, во-первых, своим разнообразием форм и жанров оно способно удовлетворить вкусы и потребности в информации любого рода, при этом не требуя каких-либо волевых и прочих усилий (как, например, для прочтения книги, газеты). Во-вторых, доступно каждой семье из-за низких цен на сам телевизионный аппарат и минимальную стоимость за электроэнергию, им потребляемую. В-третьих, телевидение в целом делает жизнь более интересной и содержательной для значительной части населения, неспособной к самостоятельной творческой продуктивной деятельности и проводящей свое свободное время в так называемом пассивном отдыхе от работы и бытовых проблем [7].

Очевидно, что критичное отношение небольшой части россиян к телевидению (30% опрошенных) вовсе не конфликтует с высоким уровнем зависимости от него. Большая часть негативных ас-

пектов телевидения легко устранима обычным выбором нужной передачи (за счет прежде всего имеющего расписания телевизионных передач по времени на неделю, доступной как в газетах, так и в интернете), когда каждый может выбрать себе для просмотра из ста с лишним каналов нужную передачу, вплоть до западных каналов (при современных спутниковых трансляторах).

Среднестатистическая оценка репертуара современного российского телевидения по 10-балльной шкале составляет (от 1 – «совсем не удовлетворяет» до 10 – «удовлетворяет в полной мере») 7,4 балла, таким образом, распределение общественного мнения опрошенных смещено в сторону позитивных оценок, причем, как показывают проводимые исследования, подобное отношение не меняется с начала века [8].

При этом весьма высок и показатель общественной неудовлетворенности. Так, около 19% опрошенных (почти каждый пятый) недовольны значительным количеством рекламы на телеканалах, низким качеством передач и культуры речи телеведущих [1], искажением и ложностью информации или другими показателями. Причину подобных оценок необходимо искать в качественных методах опроса.

В целом можно сделать вывод о том, что современное телевидение способно удовлетворить важные социальные, духовные и психологические потребности россиян всех возрастов, менталитетов и социального положения, внося в их обычную жизнь информационную составляющую любого характера, в зависимости от выбираемого телевизионного канала или передачи, на любой вкус при минимуме усилий и материальных затрат, что делает телевидение удобным и притягательным для абсолютного большинства россиян.

Список литературы:

1. Волкова В.Б. Жаргонизация как одна из доминант развития современного русского языка // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2010. № 2. С. 260-263.
2. Волкова В.Б., Палатова Д.А. Гендерные исследования в культурологии: основные направления и перспективы // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2015. № 2. С. 39-44.
3. Габоева З. М. Речевой портрет современного телеведущего // Наука и современность. 2011. № 8-3.
4. Дондурей Д.Б. О виртуальной реальности телевидения. Режим доступа: [<http://www.konkurs.palmira.ru/page.php/rus/pressdond/7.02.2015>].
5. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2014. 606 с.
6. Кихтам В. Образовательные передачи на российском телевидении. // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu->

www.woa/wa/Main?level1=main&. 17.08.2016.

7. Ржанова Р. А. Ценности экранной культуры // Журналистский ежегодник. 2013. № 2-2.

8. Сулакшин С.С. Нравственность российского общества и факторы влияния (интернет, телевидение) // Политика и общество. 2014. 9. С. 165-170.

9. Уразова С. Л. Современное телевидение в пре-

делах экранной культуры // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 6.

10. Полуэхтова И.А. Телевидение в общественном мнении и повседневной жизни россиян. Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 166-173.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА: ОПЫТ СТАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Морозова Л.Н.

В данной статье предпринята попытка применения статистического подхода к историко-литературному процессу. Цель статьи – выявление возможных направлений развития современной литературы. Нами были прослежены основные механизмы развития литературы от древнейших времен до наших дней. Мы выдвинули гипотезу о наиболее вероятном варианте развития литературы как части мировой культуры.

Ключевые слова: литература, постмодернизм, литературный процесс, развитие литературы, культура, синтетический жанр.

In this article we considered the history of the literature process. The purpose of the article is to find out any possible directions of the modern literature development based on current knowledge. We have studied the main mechanisms of literature development from ancient times till our days. We have produced the hypothesis about most probable variant of the literature development as a part of global culture.

Key words: literature, postmodernism, literary process, development of literature, culture, synthetic genre.

Литература является неотъемлемой частью культуры. Зародившись в устной форме, когда истории передавались из уст в уста из поколения в поколение, литература, дождавшись появления письменности, приобрела привычную нам форму.

В узком значении литературный процесс обозначает литературную деятельность определенной страны и эпохи (во всей совокупности ее явлений и фактов), а в широком значении – общее развитие литературы в глобальном масштабе. Литературный процесс во втором значении слова (именно о нем пойдет речь далее) составляет предмет сравнительно-исторического литературоведения [4].

Литература представляет собой постоянно развивающийся организм. Взглянув на историю литературы, мы можем отметить ее эволюцию от древности и до наших дней. Это эволюция человеческой мысли, морали и мировоззрения. Литературное течение мысли, как и философское, движется от общего к частному: от всеобщих проблем и вопросов человечества к частным проблемам и вопросам одного человека. Культура в целом становится антропоцентричной, и литература, являясь ее основной частью, не стала исключением.

При исследовании эволюции литературы можно опираться на два подхода: динамический (индивидуализированный) и статический (универсальный, вневременной). В рамках данной статьи нас более интересует статический подход, так как он не связан с вкладом в литературу определенного автора, который послужил толчком ее дальнейшего развития, а показывает появление и внедрение универсальных структур. Статический подход позволяет опираться на понятие «топика» (от гр. *topos* – букв. место, перен. тема, аргумент). Этот термин в

древности использовался в логике и риторике, сравнительно недавно – в XX веке – этот термин был введен в науку о литературе немецким литературоведом-романистом Э. Р. Курциусом (1884 – 1956).

Топика представляет собой разноплановую структуру: типы эмоционального настроения (возвышенное, ироничное, трагическое и т.п.), «вечные темы» (борьба добра со злом, совесть, красота, счастье и т.п.), стилистические приемы (эпитеты, метафоры и т.п.) – все эти так называемые «топосы» представляют собой обязательное условие развития и существования литературы.

В своей книге «Европейская литература и средневековье» Э. Р. Курциус дает определение топоса как клише или способа оформления целых комплексов, связанных с типическими ситуациями, топосу присущ формальный характер, чаще всего соответствует определенное словесное оформление [5].

В современной литературе значительное место занимают топосы, связанные с художественным и психологическим изучением внутреннего мира человека, и данная тенденция, вероятно, будет наблюдаться и в будущем, так как литература в глобальном смысле только начинает открывать эту нишу, полную загадок и вопросов, которые необходимо решить.

«В статье «Будущее литературы как предмет изучения» Д.С. Лихачев говорит о неуклонном возрастании личностного начала в литературном творчестве, об усилении его гуманистического характера, о нарастании реалистических тенденций и все большей свободе выбора форм писателями, а также об углублении историзма художественного

сознания. «Историчность сознания, – утверждает ученый, – требует от человека осознания исторической относительности своего собственного сознания. Историчность связана с «самоотречением», со способностью ума понять собственную ограниченность» [3].

Общепринятым фактом является то, что литература циклична. В литературе разных стран и народов наблюдаются схожие сюжеты и стадии развития, напрямую связанные с историческими событиями в стране и в мире. Эти стадии особенно четко просматриваются в литературе западных стран, так как литература именно этих стран была передовой долгое время и являлась законодателем литературных традиций по всему миру. Среди стадий западноевропейской литературы выделяются следующие: древняя литература, средних веков, Нового времени (литература эпохи Ренессанса, барокко, классицизма, Просвещения, романтизм, реализм), модернизма и постмодернизма.

Древняя литература была направлена на внехудожественное повествование: с появлением письменности доминирующими темами были религия и ритуалы, информационные и деловые тексты. В средние века и Новое время формируются индивидуальные художественные литературы разных стран, что послужило созданию национальных текстов, рассмотрению национальных проблем на фоне общей картины мира. С появлением модернизма особое внимание начинают уделять проблемам одного человека, чему главным образом послужил художественный прием «потока сознания», появившийся в начале XX века. Ярким примером литературы модернизма стал роман Джеймса Джойса «Улисс», где автор демонстрирует повествование во всех доступных литературе стилях. Позже появление постмодернизма ознаменовало начало эпохи искусства ради искусства, литературы ради литературы, где, чтобы понять одно произведение, нужно прочесть целый ряд других.

Каждая из этих стадий является сложнее предыдущей, хотя неизменно последующие стадии опираются и дают ссылки на более ранние стадии. Именно эта схема развития и усложнения литературы и искусства в целом породила, пожалуй, самый сложный и трудно определяемый стиль – постмодернизм.

После прихода эры постмодернизма в культуре, по сути, не произошло ничего нового. Это направление в искусстве представляет собой комплекс художественных стилей и методов, преодолеть которые не удастся, то есть выйти за рамки постмодернизма и открыть какие-то новые стили или приемы. Постмодернизм оказал большое влияние и на язык художественной литературы [2]. Прочно укоренившись в культуре в XX века, постмодернизм, подобно Уроборосу, порождает сам себя.

Постмодернизм как явление в искусстве вызвал массу споров и вопросов. На данный момент нет четкого определения данного феномена как в искусстве, так и в литературе. Несмотря на критику постмодернизма многими литературоведами и писателями, нельзя отрицать факт его господства в современной культуре.

Характерными чертами постмодернистской литературы являются ирония, черный юмор, интертекстуальность, метапроза (текст о тексте), временное искажение (фрагментация, нелинейное повествование), гиперреальность (симуляция реальности), использование симулякров (использование знаков действительности вместо действительности), паранойя, максимализм и минимализм и т.д. [6].

Опираясь на проведенное исследование, мы можем обозначить предположительный вектор развития литературы. Во-первых, сохранится тенденция как к описанию личного опыта автора (автобиографии), так и к рассмотрению внутреннего мира персонажа, где выворачиваются наизнанку все сокровенное и постыдное. Главным инструментом для такого описания будут служить приемы потока сознания, фрагментация и нелинейное повествование [1]. Во-вторых, авторы, пытаясь создать что-то новое и привлечь внимание читателя, будут все больше использовать прием гиперреальности. Примером современных произведений с использованием симуляции действительности могут служить романы Виктора Пелевина «Чапаев и пустота», «Generation П»; «Распознавание образов» Уильяма Гибсона; «Войны в Заливе не было» Жана Бодрийяра. В-третьих, популярные сейчас жанры журналистики в будущем станут частью литературы, например, гонзо-журналистика, перерастающая в гонзо-текст и гонзо-литературу. Это направление характеризуется субъективностью повествования, эклектичностью, автор – это центр повествования, поэтому используется лексика, присущая только автору, описываются личные субъективные ощущения, эмоции, впечатления и мысли.

В заключение можно сказать, что литература ближайшего будущего останется в русле постмодернизма. Она, подобно распадающемуся атому, будет все время делиться на составляющие и складываться в новые и неизведанные комбинации. Мы можем поставить под сомнение факт появления нового жанра, полностью отличающегося от предыдущих. Однако это не означает конец литературы как вида искусства, наоборот, создавая новые синтетические жанры, мы откроем новые горизонты.

Список литературы

1. Волкова В.Б. Интертекстуальные концепты в военной прозе О.Н. Ермакова конца 1980 – начала 2000 гг. Магнитогорск, 2010.

2. Волкова В.Б. Проблема сохранения русского языка в условиях глобализации как задача современной эколлингвистики // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. № 3 (3). С. 56-60.
  3. Хализев В.Е.. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999.
  4. Махов А.Е. Топос // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Тамарченко Н.Д. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
  5. Комкова А.В. Понятие «топос» в современном литературоведении // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 5(20). URL: [http://sibac.info/archive/guman/5\(20\).pdf](http://sibac.info/archive/guman/5(20).pdf) (дата обращения: 27.02.2017).
  6. Postmodern American Fiction: A Norton Anthology. Ed. Paula Geyh, Fred G. Leebron, and Andrew Levy. New York: W. W. Norton & Company, 1998.
-

ГЕРОИ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК: СВЯЗЬ С ДРЕВНИМ МИРОМ И ЕГО ОБЫЧАЯМИ

Папина М.О.

В данной статье рассматривается русская народная волшебная сказка как особый жанр устного творчества, фиксирующий историю народа, его обычаи и верования. Истоки сказки – в первобытных ритуалах и обрядах, в частности в обряде инициации. Кроме этого, волшебная сказка отражает тотемистические верования древних славян.

Ключевые слова: сказка, персонаж, обычай, инициация, ритуал.

In this article, the Russian folk fairy tale is considered as a special genre of oral creativity, fixing the history of the people, its customs and beliefs. The origins of the fairy tale - in primitive rituals and rituals, in particular in the rite of initiation. In addition, the fairy tale reflects the totemic beliefs of the ancient Slavs.

Key words: fairy tale, character, custom, initiation, ritual.

Народная сказка – это жанр устного творчества, увлекательная притча, которая содержит информацию о народе, его обычаях и верованиях. Порой складывается ощущение, что сказка скрывает в себе ответы на жизненные вопросы. Появились сказки настолько давно, что определить время их возрождения тяжело. Однако историческая справка гласит о том, что само слово «сказка» стало известно с XVII века, ранее использовались другие определения: «басень», «байка», произведенные от слова «баять» то есть «рассказывать». Об авторах сказок нам тоже малоизвестно. Можно лишь предполагать, что, вероятнее всего, сказки сочиняли обыкновенные крестьяне, народ.

Знакомство с русской народной сказкой происходит в раннем детстве, и любовь к ней мы проносим через всю жизнь. Мы знаем, что сказка – вымысел, что в ней побеждает добро, а зло неизбежно наказывается, и тем не менее с трепетом следим за приключениями героев сказок. И конечно же, все сказки сочиняются по определенным правилам. Складывается впечатление, что сказок придумано бесконечное множество и все они разнообразны, но уже доказано обратное. Действительно, содержание и сюжет сказок постоянно повторяется. Отмечено, что и сказочные герои путешествуют из одной сказки в другую, просто иногда под разными именами. Ученые считают, что в истоках сказки лежат первобытные обряды. Обряды с течением времени забылись, сказ же сохранился как источник полезных и поучительных знаний. Сложно указать период, когда появилась первая сказка, однако известно, что первые сказки были о явлениях природы (о солнце, о ветре и месяце). Впоследствии природные объекты приняли условно человеческий облик. К примеру, водяной – это хозяин воды, а леший – это глава лесных зверей и леса в целом. Считается, что эти образы свидетельствуют о том, что народные сказки сочинялись, когда люди одушевляли явления природы. Это пример категоризации и концептуализации понятий, о котором пишет В.Б. Вол-

кова [1].

Сказочные герои самобытны и оригинальны, их мы не встретим ни в легендах, ни в национальном эпосе, ни в мифах. Персонажи русских мифов – домовые, лешие, водяные, русалки, кикиморы и прочие – в сказках не встречаются, представление о них сформировалось позднее. Сказочные герои древнее, и начнем исследовать их историю развития на примере образов Бабы-Яги и Ивана-царевича, разберемся в их поведении, чувствах и их выражениях, в поступках.

Сказка отражает не личное восприятие мира рассказчиком, а то общее, что объединяет его со всеми людьми – это главная особенность сказки и ее отличие от других литературных жанров. Эта особенность позволяет сказке сохранить ниточку с древнейшими верованиями и обычаями. Ведь сказки, преимущественно волшебные, довольно древние, они берут истоки в первобытном обществе. В то время люди иначе воспринимали окружающий мир. А тогда и представление людей об окружающем их мире было другим. Именно с этим и связаны странные, как нам кажется, особенности поведения сказочных героев. Для этих героев окружающий мир был непонятным, таинственным и опасным: прогуливалась дочь царя в саду, внезапно прилетел трехголовый Змей и унес царевну в тридесятое царство. А Иван-царевич знает, куда идти на поиски, и знает, что говорить, что предпринимать в этой сказочной ситуации. Откуда? Как понимать, что такое тридесятое царство? Кто эти существа – Баба-Яга, Иван-царевич, Кощей Бессмертный? Почему они ведут себя во всех сказках именно так? Скорее всего, у многих возникали эти вопросы при чтении сказок. Причина в том, что все сказочные герои пришли к нам из мира первобытного человека, поэтому их поведение отражает первобытные обычаи и верования. При этом в этих сказках существуют царевны и королевы, принцы с принцессами.

Очевидно странное и необъяснимое поведение сказочных героев. Так, например, родители отправляют

или уводят детей в глухой лес на встречу с какой-нибудь сказочной нечистью; Баба-Яга, отождествляемая с силами зла, помогает Ивану-царевичу, которого видит впервые в жизни; серый волк, съев коня Ивана-царевича, вместо того чтобы съесть и его самого, начинает Ивану верно служить и безропотно решает все проблемы, вызванные непослушанием человека. И этот перечень сказочных алогизмов можно было бы продолжить.

Показателен образ Ивана-царевича, который является главным положительным героем многих сказок. Следует отметить, что иногда он выступает под другими именами – Дмитрий-царевич или Василий-царевич. Также Иван подменяется персонажами более низкого происхождения – Иваном – крестьянским сыном, но сущность его, значение и характер действий от этого не меняются. Представляя Ивана-царевича, все понимают, что это герой, которому все испытания по плечу и который непременно в финале сказки добьется дочери царя и женится на ней. У Ивана-царевича всегда один сценарий и одна судьба: он всегда самый глупый и невезучий, но в итоге он всегда оказывается «на коне». С рождения он, как правило, младший сын в семье. Повидимому, дело в том, что в родовом древнем обществе именно младший сын был хранителем, преемником и продолжателем семейной реликвии, порядков обычая, потому что он последним оставался в семье. С распадом первобытных отношений положение изменилось. Старшие сыновья имели больше прав на наследство. Таким образом, младший сын оказался ущемленным и обездоленным, ведь, как правило, младшему не достается ничего существенного, а в сказках часто затрагивается момент раздела имущества. Как следствие, Иван-царевич обладает такими качествами, как доверчивость, бескорыстие, почтение к старшим, а старшие братья коварны, корыстны и вероломны [2].

Затем сказочный герой по сценарию обретает волшебного помощника. Настает пора жениться, и все братья запускают стрелы: куда стрела попадет, там и невеста. Здесь Иван-царевич получает волшебного помощника в виде царевны-лягушки. Но по мере развития сказочного сюжета он непременно либо теряет этих помощников (например, сжигает кожу Царевны-лягушки), либо с ним происходят различные несчастья. Тем не менее главному герою необходимо попасть в тридесятое царство, чтобы спасти украденную невесту, выполнить задания царя, добыть молодильные яблоки или еще что-нибудь. Затем Иван-царевич получает волшебных помощников в тридесятом царстве: отбирает у Косяка Бессмертного или Бабы-Яги волшебного коня, встречает серого волка, обманным путем завладевает скатертью-самобранкой, шапкой-невидимкой, волшебной дубинкой и другими удивительными предметами.

Перед похищением царевна, как правило, предупреждает Ивана-царевича: «Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве! Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха железных излома-

ешь, три просвиры каменных изложешь, чем найдешь меня!». Башмаки, посох, просвиры (хлеб) – это предметы, которые нужны были для достижения цели [3]. Прием утروения очень характерен для народных сказок, там всегда всего по три.

Чтобы добраться в тридесятое царство, Ивану, безусловно, предстоит пройти через дремучий лес. Чтобы понять, почему же через лес пролегает путь, проведем параллель с ритуалами первобытного человека. Ритуал посвящения – это процесс, через который неукоснительно проходят юноши всех без исключения первобытных племен. Процесс ритуала заключается в том, что юношей приводят в священное место, которое располагается в лесу. Затем они проходят ритуальные испытания, в ходе которых юноша должен как бы умереть, а пройдя их, вновь родиться уже новым человеком – мужественным, охотником, членом племени. Собственно память о данном ритуале основывается на таких эпизодах, как попадание в тридесятое царство, этим обусловлены и сюжеты проводов родителями детей в дремучий лес [5].

Золотой интерьер всего царства – главная отличительная черта тридесятого царства. В нем стоят золотые замки с золотыми стенами, шкатулками, яйцами, живут золотые животные с золотыми рогами, и все остальное в этом царстве сделано непременно из золота. Верования древних славян зачастую сводились к солнцу, именно поэтому золотой окрас был проявлением солнечности.

Однако вернемся к анализу жизненного пути Ивана-царевича. Когда он подходит к избушке Бабы-Яги, преодолев дремучий лес, то видит следующее: «Стоит избушка на курьих ножках, без окон, без дверей, к лесу передом, к нему задом». Попасть внутрь Иван-царевич может только после произнесения заклинания: «Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом». Из сюжета сказки неясно, откуда он точно знает, что именно следует сказать, но избушка послушно поворачивается к герою, следуя его указаниям [4].

Баба-Яга – ещё один важный сказочный герой. Традиционное представление о ней складывалось из многочисленных сказок, поэтому данная героиня представляется загадочной и уродливой старухой, владеющей магическими знаниями, выполняющей целый ряд обрядов и ритуалов для осуществления поставленной цели. Все связанное с ней покрыто тайной: она одиноко живет в лесу, в избушке на курьих ножках, перемещается исключительно на ступе с метлой. Баба-Яга похищает детей, но иногда помогает Ивану-царевичу советом или дарит ему что-нибудь – коня, волшебный клубок. Деятельность Бабы-Яги тесно связана с дикими зверями и лесом, также она часто прибегает к помощи животных, созывая их.

Исследователи древнего мира и его обычаев считают Бабу Ягу хранительницей входа в мир мертвых.

Образ Бабы-Яги связан с легендами о переходе героя в потусторонний таинственный мир или же, по

сюжету сказки, в тридцатое царство [7]. В этом мире Баба-Яга находится на границе и служит проводником, позволяющим герою проникнуть в потусторонний мир и убить Змея Горыныча или погубить Кощя Бессмертного. Все эти действия направлены на освобождение невесты – Василисы Прекрасной или Василисы Премудрой – посредством совершения определённых обрядов.

Являясь хранительницей потустороннего мира, Баба-Яга, чувствуя запах живого человека, произносит: «Фу-фу-фу, русским духом пахнет!». Русский дух не очень приятен для нее, ведь живому человек не место в её царстве. Вообще запах является свойством живой природы, а к живой природе относятся растения, животные и человек. В народной культуре запах нередко выступает отличительным знаком полярных состояний человека [6]. Для живого человека запах мертвого неприятен, может быть, поэтому древние считали, что и для мертвого запах живого противен, отсюда и это «Фу-фу-фу».

Неслучайными оказались и вкусовые предпочтения Бабы-Яги, которая выбирает маленьких детей. Каким-то образом дети попадают в дремучий лес, и следствием всех этих действий становится обнаружение в лесу избушки на курьих ножках. В этом традиционном сказочном описании отражены особенные условия обряда посвящения.

Ранее мы упоминали о том, что сущность посвящения заключалась в символической смерти с дальнейшим восстановлением в виде возрождения, а героем всего этого действия традиционно является мальчик. Кстати, обратим внимание, что всегда на пир к Бабе-Яге попадают именно мальчики, а все потому, что только они подвергаются обряду инициации. Следовательно, во многих сказках с участием Бабы-Яги можно проследить этапы обряда инициации, который сохранился с древних времен. Элементами этого обряда выступают темный лес, от которого исходит какая-то таинственная и неизбежная опасность, избушка – жилище загадочного мифического существа, страх перед предстоящим обрядом. Поедание детей в таком контексте – это символическая смерть посвящаемого, которая происходила в несколько этапов: сначала он пожирался каким-либо мифическим чудовищным существом, а далее начинался процесс возрождения к жизни путем извлечения из

чрева. Подобными обязанностями в этой категории сказок Баба-Яга обязана своим происхождением от древнего тотемистического животного-первопредка. Память об обряде посвящения, видимо, отразилась и в том, что в сказках после попадания к Бабе Яге всегда следует благополучное завершение. Зачастую герой избегает угрожающей ему опасности и получает разнообразные блага. К таким благам можно отнести и вступление в полноправные члены племени после прохождения посещения, и предоставление ему преимуществ, которыми он ранее не обладал.

Русская народная сказка выглядит как зашифрованное послание от древних предков к потомкам. Можно предположить, что именно поэтому они сохранились до нашего времени как отдельный жанр фольклора. Сказку считают сокровищем народной мудрости. Много таинственного и неизведанного в ней. Русская народная сказка – один из самых распространенных и любимых народом вид народного искусства. С детства мы обращаемся к сказкам не только потому, что в них занимательный сюжет и удивительные сказочные герои, а потому, что в сказке присутствует ощущение истинной поэзии, которая открывает читателю мир человеческих чувств и взаимоотношений, утверждает доброту и справедливость, а также приобщает к русской культуре, к мудрому народному опыту, к родному языку.

Список литературы:

1. Волкова В.Б. Художественный концепт в пространстве интер- и гипертекста // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2013. Т. 2. № 71. С. 284-287.
2. Волкова В.Б., Кривошлыкова М.В., Малеко Е.В. Стереотип в процессах социального восприятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (75). С. 67-70.
3. Гаврилов Д.А., Ермаков С.Э. Боги славянского и русского язычества. М., 2009.
4. Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.
5. Русская мифология: Энциклопедия / Сост. Е.Л. Мадлевской. М. СПб., 2005.
6. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд. / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2002.
7. Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М., 2003.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.07

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО СОДЕЙСТВИЯ ПЕДАГОГУ В РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Васева О.Х., Мельник М.А.

В статье рассматривается процесс управления инновационным развитием образовательного учреждения. Создание модели управленческого содействия педагогу в реализации им инновационной деятельности способствует формированию программы инновационного развития образовательного учреждения, обязательного компонента Концепции Федеральной целевой программы Российского образования. Модель управленческого содействия, созданная руководством образовательной организации, стимулирует формирование инновационной деятельности педагогов как процесса целенаправленного и планомерного, обеспечивающего режим развития образовательного учреждения и включающего большинство членов педагогического коллектива в инновационный процесс.

Ключевые слова: инновации, образование, управление образованием, развитие, целевая программа.

In article process of management of innovative development of educational institution is considered. Creation of model of administrative assistance to the teacher in realization of innovative activity by it promotes formation of the program of innovative development of educational institution, an obligatory component of the Concept of the Federal target program of Russian education. The model of administrative assistance created by the management of the educational organization stimulates formation of innovative activity of teachers as process of the purposeful and systematic, providing the mode development of educational institution and the pedagogical collective including most of members in innovative process.

Keywords: innovations, education, management of education, development, target program.

В Концепции Федеральной целевой программы Российского образования на 2016 – 2020 гг. в числе основных задач указывается «создание и распространение структурных и технологических инноваций в среднем профессиональном и высшем образовании» [5], что говорит о необходимости обеспечения непрерывности процессов обновления российского образования. Только преодолевая собственное кризисное состояние, преобразуя содержание образования, формы и способы организации, создавая принципиально новое технологическое обеспечение образовательного процесса, система образования может ответить на вызов времени и стать действительным ресурсом развития.

И если очевидно, что одним из ресурсов развития на современном этапе общественного прогресса становится образование, то столь же очевидно, что неизменным атрибутом развития образования, а точнее стержнем происходящей модернизации является инновационная деятельность.

Значительную роль в изучении инновационных процессов в образовании сыграли исследователи Э.Д. Днепров, А.Г. Каспржак, П.Г. Щедровицкий, В.Я. Ясвин, Г.И. Герасимов, Л.В. Илюхина, Т.И. Шамова, А.Н. Калинин, Г.М. Тюлю, В.С. Лазарев, М.М. Поташиков и др.

Большинство исследователей считают, что

внедрение образовательных инноваций невозможно на уровне отдельных педагогов или отдельных технологий. Любое локальное нововведение, не согласующееся с образовательной системой учреждения, оказывается либо отторгнутым, либо адаптированным этой системой, в результате чего теряется его инновационность. Так, например, в школе, отличающейся преимущественно инновационным характером развития, образуется некоторая «критическая масса» учителей сознательно формирующих иной «социально-педагогический» фон школы, создающих инновационность как характерную черту её образа жизни, при котором «само инновационное действие понимается не как внешняя организация и преобразование, а как совместное движение к некоторой цели, как жизнь в этом движении, как коллективное творчество...» [6].

Несмотря на большое внимание отечественных и зарубежных учёных к данной проблеме, её многие аспекты, в том числе управленческое содействие педагогу в реализации инновационной деятельности, до сих пор недостаточно исследованы. Существуют большие различия в инструментарии создания системы управленческого содействия и оценке эффективности такой системы. Кроме того, наибольшее количество исследований посвящено реализации инновационной деятельности на производстве, а вопросам управленческого содействия – в частности, в бизнес-

структурах, следовательно, инновациям в образовании исследователями не уделяется значительного внимания.

Таким образом, в настоящее время имеется противоречие между необходимостью включения педагогических коллективов в инновационную деятельность и отсутствием разработанных инструментов управленческого содействия педагогу в реализации им инновационной деятельности.

Учитывая сложившуюся в современном российском образовании ситуацию, можно предположить, что процесс управленческого содействия педагогу в реализации им инновационной деятельности будет эффективным, если будет разработана и реализована соответствующая модель управленческого содействия в реализации этой самой инновационной деятельности.

В словаре экономических терминов инновационная деятельность – это вид деятельности, связанный с трансформацией идей в новый или усовершенствованный продукт, внедрённый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, использованный в практической деятельности, либо как новый подход к социальным услугам.

Инновационная деятельность в образовании – это вид социальных инноваций, направленных на улучшение условий труда, решение проблем в образовании.

Таким образом, понятие инновационной деятельности педагогов рассматривается как целенаправленное преобразование содержания и организационно-технологических основ образовательного процесса.

Цель инноваций в образовании – обеспечение всестороннего личностного и профессионального развития обучающихся, выявление творческого потенциала педагогических кадров образовательного учреждения.

Для полного и точного представления специфики инновационных процессов, протекающих в современном российском образовательном пространстве, в системе образования можно выделить два типа учебно-воспитательных учреждений: традиционные и развивающиеся. Для традиционных систем характерно стабильное функционирование, направленное на поддержание однажды заведённого порядка, тогда как для развивающихся систем – поисковый режим. В российских развивающихся образовательных системах инновационные процессы реализуются в следующих направлениях: формирование нового содержания образования, разработка и внедрение новых педагогических технологий, изменение системы управления учреждением, создание новых видов учебных заведений. Кроме этого, педагогический коллектив ряда российских образовательных учреждений занимается внедрением в практику инноваций, уже ставших историей педагогической мысли. К таковым можно отнести альтернативные образовательные системы начала XX века М. Монтессори, Р. Штайнера и некоторые другие.

При анализе современного российского опыта внедрения инноваций в образовательный процесс мы наблюдаем дефицит «системного эффекта», т.е. недостаточность описания опыта преобразования как целостной системы. Несомненно, что инновационная деятельность конкретного педагога или группы педагогов – дело хорошее и нужное. Но наивно полагать, что, реализуя те или иные новшества на своем педагогическом уровне, можно добиться решения проблем всего образовательного учреждения.

Все инновации должны решать проблемы конкретного образовательного учреждения, т.е. быть средством, а не самоцелью. В этом плане инновационный процесс становится управляемым и ключевая роль в нем принадлежит руководителям и администрации образовательных учреждений.

В случае управления инновационной деятельностью высокая скорость изменения внешних условий и требований к результатам её реализации приводит к тому, что образуются временные группы, объединения – так называемые сетевые организации (творческие/проблемные группы). В них одни и те же субъекты могут выступать в роли управляющих органов и в роли управляемых субъектов, то есть вступать в сетевое взаимодействие. На основании рассмотрения типов взаимодействия участников инновационной деятельности можно, во-первых, сформулировать и решить задачу институционального управления, заключающуюся в нахождении таких допустимых ограничений и норм деятельности управляемых субъектов, которые обеспечивали бы выбор ими действий, оптимальных для системы в целом. Во-вторых, можно исследовать сравнительную эффективность институционального и мотивационного управления (побуждения управляемых субъектов к совершению определённых действий путём влияния на их интересы и предпочтения). В-третьих, можно строить модели влияния репутации участников группы на результаты их коллективной деятельности.

В этом контексте уместно говорить об управленческом содействии, одной из общих функций управления, при реализации которой основополагающей становится помощь, поддержка педагогу образовательного учреждения в инновационной деятельности со стороны администрации.

Основой управленческого содействия является принцип сотрудничества, где главную роль выполняет его «сквозной» характер, т.е. то, что пронизывает не только управленческие, а все отношения в образовательном учреждении, и ложится в основу его организационной культуры. «Это основная деятельность трудового дня администрации. Это величайшее и тонкое искусство – сочетание всеми признанного делового и морального авторитета администрации с проявлением самой широкой напряжённой инициативы сотрудников учреждения» [7].

Принципиально важно, что направления инновационной деятельности нельзя рекомендательно за-

дать, т.к. инновационная деятельность – процесс не только научный, но и творческий, развитие инновационного движения может вести к появлению новых направлений. Важно только, чтобы за этими направлениями просматривались и реконструировались образовательные потребности, т.е. выявление направлений должно быть опосредовано серьёзным анализом со стороны администрации образовательного учреждения.

В самом общем виде управление инновационной деятельностью со стороны администрации образовательного учреждения может состоять из постановки стратегических и тактических целей, разработки системы стратегий, анализа внешней среды с учетом неопределенности и риска, анализа инфраструктуры, возможностей организации, диагноза реально сложившейся ситуации, прогноза будущего состояния, формирования инновационного портфеля, стратегического и оперативного планирования, совершенствования организационных структур и других видов управленческой деятельности.

Реализации стратегических управленческих задач могут способствовать методы руководства инновационной деятельностью: создание и формирование эффективно работающих творческих, исследовательских групп, развивающие их ценностно-ориентированную зрелость, организованность и сплоченность; создание эффективной системы коммуникаций; мотивация участия в инновационной деятельности: стимулирование (материальное, моральное, индивидуальное и коллективное, общественное и т. д.), создание креативного поля, постановка целей и выдача заданий участникам нововведений с учетом предоставления им возможности самим ставить цели своей деятельности, мотивирующий контроль инновационной деятельности; создание условий для профессионального роста членов педагогического коллектива; регулирование социально-психологического климата в коллективе [1].

Таким образом, управленческое взаимодействие приобретает черты как субъект-объектных, так и субъект-субъектных отношений, а образовательный инновационный менеджмент приобретает направленность на стимулирование внешней активности посредством создания внутренних установок. Это относится, прежде всего, к мотивации инновационно-педагогической деятельности.

Таким образом, рассмотрев ключевые компоненты инновации, составляющие системы управления инновационной деятельностью, методы, стили и средства руководства ею, становится возможным представить теоретически выстроенную, целостную совокупность представлений о том, как должен выглядеть процесс административного сопровождения инновационной деятельности педагогов в системе образования. Такая модель обязательно включает в себя стратегическое видение, целевые установки и задачи, структуру и порядок взаимодействия её элементов, органи-

зационную культуру, аналитический мониторинг и контроль, движущие силы развития и мотивационную политику.

Опираясь на ключевые компоненты инновации, мы можем выделить критерии оценки результативности и эффективности модели содействия администрации образовательного учреждения в реализации педагогами инновационной деятельности. Результат инновационной деятельности оценивается на основе трех групп критериев: критерия качества преобразований, выражающемся в соотношении реальных результатов деятельности образовательного учреждения с поставленными целями инновационной деятельности, моделью выпускника, государственными образовательными стандартами и т.д.; критерия экономичности (эффективности), отражающего отношение достигнутых результатов к затратам времени, усилий, других ресурсов; критерия мотивации, т.е. самочувствия обучающихся и педагогов [1].

Современная социально-экономическая ситуация характеризуется тем, что многие области человеческой деятельности, в том числе и образование, стремительно развиваются за счет внедрения различных инноваций. Человеку в этой ситуации предстоит быть не только исполнителем в их осуществлении, но и непосредственным творцом инновационных процессов. Сегодня от педагога требуется готовность достойно встречать каждую профессиональную ситуацию, быть готовым к переподготовке в быстро меняющихся условиях. Активность человека в этих условиях может быть направлена на лучшее и все более полное приспособление к среде за счет своих собственных резервов и внутренних ресурсов образовательного учреждения. И от администрации образовательного учреждения, в первую очередь, требуется не только готовность к преобразованиям в содержании образования, но и готовность оказать поддержку, содействие в инновационной деятельности как отдельного педагога, так и группы творческих преподавателей.

В самом общем виде модель содействия педагогу в осуществлении им инновационной деятельности должна ориентироваться на несколько основных элементов. Одним из важнейших является самообразование педагога. Педагог должен знать не только свой предмет, владеть методикой его преподавания, но и иметь знания в близлежащих научных областях, различных сферах общественной жизни, ориентироваться в современной политике, экономике и др. Способность к самообразованию определяется психологическими и интеллектуальными показателями каждого отдельного педагога, но в не меньшей степени эта способность вырабатывается в процессе работы с источниками информации, анализа и самоанализа, мониторинга своей деятельности и деятельности коллег. Как бы ни был высок уровень способностей учителя к самообразованию, для более успешной реализации этого процесса на практике, необходимо на административном уровне систематизировать эту работу, поэтому постоянное

совершенствование профессиональной компетентности педагогов является одной из актуальных должностных обязанностей руководителя образовательного учреждения.

Принципиально важно, что направления инновационной деятельности нельзя рекомендательно задать, т.к. инновационная деятельность – процесс не только научный, но и творческий, развитие инновационного движения может вести к появлению новых направлений. Важно только, чтобы за этими направлениями просматривались и реконструировались образовательные потребности, т.е. выявление направлений должно быть опосредовано серьёзным анализом со стороны администрации образовательного учреждения.

Управление инновационной деятельностью – это особый тип управления, в котором предпочтение отдается ориентации педагогов на успех, самореализации путем создания стимульных ситуаций. Важным элементом в работе руководства образовательного учреждения должна стать организация работы творческих групп и выработка проектной идеи развития образовательного учреждения на ближайший период. Это выбор объекта нововведений должен исходить из жизненной необходимости конкретной образовательной организации и однозначно быть понимаемым большинством участников образовательного процесса. Этот этап решает принципиальный вопрос: какой будет сфера будущих инноваций? Будет она касаться учебной или внеучебной деятельности? Какая из них будет приоритетной? На выбор объекта нововведений, безусловно, повлияет и обозначенная проблема образовательного учреждения.

Важным элементом модели содействия педагогу в инновационной деятельности является нормативно-правовое обеспечение деятельности. Необходимо закрепить локальными актами образовательного учреждения структуру реализации инновационной деятельности, регламентировать в Положениях направленность, функциональность и результативность деятельности структурных подразделений организации, способствующих реализации инновационной деятельности. Разработку таких положений можно поручить группе педагогов под руководством администрации и юристов образовательной организации [4].

В разрабатываемую модель необходимо включить работу над созданием равных возможностей для педагогов в материально-технической поддержке инновационной деятельности. Эта работа может включать в себя, например, закрепление аудитории за педагогом, освобождение одного рабочего дня (если позволяет учебный план) для методической работы, самообразования; утверждение графика занятости демонстрационного кабинета, мобильного компьютерного класса в целях наиболее активного использования их в учебном процессе; утверждение Положения о распределении материальных средств в целях содействия инновационному развитию; обеспечение научно-методической

литературой, профессиональной периодической печатью (журналами, газетами) фонда библиотеки; создание условий для горячего обеда и отдыха педагогов и т.д.

Следующим логическим этапом в создании модели содействия педагогу в инновационной деятельности может стать формирование тематических творческих групп, определение единой методической темы, конкретизация методических тем методических объединений педагогов-предметников (кафедр) и классных руководителей (кураторов). Материалы планирования могут быть представлены в виде программы опытно-экспериментальной работы, планов работы творческих групп, карт разрабатываемых и используемых инноваций.

Принципиально важной особенностью инновационной деятельности является то, что она реализуется в проектной форме. А это значит, что администрация образовательной организации имеет дело с открытым формирующимся пространством и заранее не решает поставленные задачи. Исходя из этого, управленческая модель содействия может быть выстроена из анализа ситуации («Что имеем?»); из определения образа желаемого результата («Что хотим?»); из определения тактики достижения цели («Что необходимо сделать?»); пошагового отслеживания процесса реализации, получения достоверной информации и ее анализа («Что делаем?»); корректирующей деятельности.

В силу своей инновационности и ориентированности на возникновение нового инновационная деятельность может привести к возникновению неожиданных эффектов и новых проблем, поэтому реализация инновационной деятельности требует организации мониторинговой службы. Сопровождение рефлексии субъектного опыта и инновационной деятельности педагогов должно обеспечиваться службой мониторинга с целью постоянного отслеживания хода учебно-методической и инновационной деятельности коллектива. Речь идет о мотивирующем, обучающем контроле, осуществляемом на основе рефлексии, самооценки опыта педагога. Он позволяет ему выявлять успехи и затруднения, находить причины, их вызвавшие, намечать пути их преодоления, обеспечивает движение к цели.

Разработанная модель управленческого содействия педагогу в реализации им инновационной деятельности способствует созданию благоприятных условий для поддержки профессионального развития и творческого роста педагогов, поддержания и развития культуры и традиций, сложившихся в коллективе, накопления опыта, внедрения инновационных идей [3]. Важнейшим условием проявлений ценностных оснований инновационной деятельности в образовательном учреждении являются, во-первых, выработка целей, задач и смыслов, а, во-вторых, организованной рефлексивной аналитики собственной инновационной деятельности, что обусловлено четкой организацией управленческого содействия в соответствии с разрабо-

танной моделью.

Результатом реализации вышеописанной модели должна стать программа инновационной деятельности в образовательной организации – это то, что создаёт «точки отсчёта» для инновационной деятельности, что удерживает эту инновационную деятельность как целостность, не позволяет ей распасться в хаос неопределённости, не позволяет стать «инновационностью без берегов», и одновременно – это то, что позволяет инновационной деятельности быть продуктивной и конструктивной [2].

Подобная программа обладает принципиальной особенностью: она носит деятельностный характер. Она деятельность по происхождению, по способу реализации и по результатам (результатом реализации программ инновационной деятельности является возникновение и укоренение в образовательном пространстве учреждения новых видов деятельности).

Оценить эффективность создаваемой модели управленческого содействия педагогу в инновационной деятельности и, на ее основе, программы инновационного развития образовательного учреждения помогут следующие критерии: изменение позиции педагога, когда он добровольно отказывается от роли транслятора информации и становится одним из участников процесса учения, что является показателем организации открытого образовательного пространства; а также сам процесс развития инновационной деятельности, который выражается в охвате участия педагогов в профессиональных конкурсах, семинарах, конференциях и внедрении новых направлений в содержании образовательных программ.

Итак, управленческое содействие – это изменение деятельности людей в процессе производственных отношений, соответственно, модель, которая опреде-

ляет эти производственные отношения, должна отражать результаты этой деятельности. Реализация модели управленческого содействия педагогам в инновационном развитии способствует формированию инновационной деятельности педагогов как процесса целенаправленного и планомерного, обеспечивающего режим развития образовательного учреждения, процесса коллективного, успешно и надёжно включающего большинство членов педагогического коллектива в инновационный процесс.

Список литературы

1. Витке Н. А. Вопросы управления // Вопросы организации и управления. – 1922. – № 2. – С. 21.
2. Герасимов Г.И. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы. – Ростов на Дону: НМД «Логос», 1999. – 136 с.
3. Мельник М.А., Назарычева А.И. Взаимосвязь культуры и образования в условиях современной реальности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 19 (374). – С. 97–102.
4. Кива-Хамзина Ю.Л. Проблемы правового регулирования образования в РФ // Наука и образование в XXI веке сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 34 частях. – 2013. – С. 64–65.
5. Концепция федеральной целевой программы развития образования на 2016 - 2020 годы: сайт. – URL: минобрнауки.рф/проекты/фцп-развития-образования-2016-2020 (дата обращения: 17.02.2017)
6. Орлов А. И. Менеджмент: учеб. пособие. – М.: Издательство «Изумруд», 2004. – С. 298.
7. Шамова Т. И., Малинин А. М., Тюлю Г. М. Инновационные процессы в школе как содержательно-организационная основа механизма ее развития : методика исследования. – М.: МГУ, 1993. – С. 17.

УДК 376

ВОЛОНТЁРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ФОРМА РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ БУДУЩИХ

Кривуть М.В.

Подготовка педагога к работе – одна из главных задач высшего учебного заведения. Сегодня это подготовка к работе в условиях инклюзивного образования. Педагог должен обладать высоким уровнем коммуникативной компетентности, чтобы работать со всеми субъектами образовательного процесса. Волонтерская деятельность является формой формирования коммуникативной компетенции педагога.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, компетентность, волонтерская деятельность, инклюзивное образование.

Training teachers to work is one of the main tasks of the higher education institution. Today it is a preparation for work in the conditions of inclusive education. The teacher should have a high level of communicative competence to work with all actors of the educational process. Volunteer work is a form of formation of communicative competence of the teacher.

Key words: communicative competence, expertise, volunteer activities, inclusive education.

Демократический путь развития общества предполагает активное внедрение идей инклюзивного образования в современную образовательную систему. Признание прав детей с особенностями психофизического развития (далее ОПФР) и их семей на получение образования закреплено в приказе Министерства Образования Республики Беларусь об утверждении Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь [6]. В данных условиях существенно возрастают требования к выпускнику педагогического вуза, как специалисту, которому предстоит работать в учреждениях образования в условиях инклюзии. Связано это, во-первых, с увеличением количества субъектов инклюзивного образовательного пространства. Будущему педагогу необходимо обладать не только достаточным объемом знаний о детях с ОПФР и (или) инвалидностью, но и специфике коммуникации с ними в рамках отношений:

– «педагог – ученик», «педагог – ученик с ОПФР и (или) инвалидностью», «педагог – ученик – ученик с ОПФР и (или) инвалидностью»;

– «ученик – ученик», «ученик с ОПФР и (или) инвалидностью – ученик с ОПФР и (или) инвалидностью», «ученик – ученик с ОПФР и (или) инвалидностью»;

– «педагог – родители ученика», «педагог – родители ученика с ОПФР и (или) инвалидностью», «педагог – родители – родители ребёнка с ОПФР и (или) инвалидностью»;

– «родители – ученик», «родители ребёнка с ОПФР и (или) инвалидностью – ученик», «родители – ребёнок с ОПФР и (или) инвалидностью», «родители ребёнка с ОПФР и (или) инвалидностью – ребёнок с ОПФР и (или) инвалидностью»;

– «родители – родители», «родители ребёнка с ОПФР и (или) инвалидностью – родители ребёнка с ОПФР и (или) инвалидностью»;

ОПФР и (или) инвалидностью»; «родители – родители ребёнка с ОПФР и (или) инвалидностью».

Необходимо помнить, что дети с ОПФР и (или) инвалидностью – это не однородная группа, как нозологически, так и интеллектуально, культурно, психологически и т.п. Всё это значительно усложняет процесс установления и поддержки коммуникативных отношений внутри инклюзивной образовательной среды.

Во-вторых, будущий педагог должен психологически быть готов к вступлению во взаимодействие со всеми субъектами образовательного процесса, как в рамках школьной жизнедеятельности, так и внешкольной.

В-третьих, для плодотворного сотрудничества со всеми субъектами инклюзивного образовательного пространства, необходима постоянная коммуникативная практика.

Анализ «Образовательного стандарта высшего образования для специальности 1–01 02 01 Начальное образование» [7], а так же учебного плана, разработанного для этой же специальности в Учреждении образования «Барановичский государственный университет» (далее УО «БарГУ») показывает, что будущие педагоги изучают достаточное количество дисциплин, раскрывающих специфику межличностного общения. С внедрением идей инклюзивного образования, добавились такие дисциплины как «Основы инклюзивного образования», «Теория и практика специального образования», «Психология одарённости», «Развитие эмпатических способностей педагогов». Они знакомят будущих педагогов с личностными, психофизическими, образовательными особенностями детей с ОПФР и (или) инвалидностью, их семей, спецификой и методикой работы с ними в условиях специального образования, интеграции и инклюзии. В рамках данных дисциплин, а также авторских образовательных программ и психолого-

педагогических тренингов, организованных сектором научно-методических ресурсов инклюзивного образования УО «БарГУ» проходит психологическая и методическая подготовка будущих педагогов к работе в условиях инклюзивного образования.

Находясь в ситуации развития системы подготовки специалистов к работе в условиях инклюзивного образования, главная проблема, с которой сталкиваются будущие педагоги – это дефицит общения с рядом субъектов образовательного пространства, что непосредственно влияет на формирование коммуникативного опыта.

Сегодня учащиеся с ОПФР и (или) инвалидностью – это немногочисленная группа субъектов общего среднего образования. В учреждениях данного уровня образования г. Барановичи совместно с норма типичными учащимися обучаются только дети таких нозологических групп как: дети с нарушением зрения, слуха, функций опорно-двигательного аппарата – неполная интеграция. Есть варианты полной интеграции, благодаря которым будущим педагогам доступно сотрудничество с учащимися с трудностями в обучении и интеллектуальной недостаточностью. Количество таких классов ограничено.

Субъектами образовательного процесса становятся не только дети с ОПФР и (или) инвалидностью, но и их родители, а так же новые педагогические работники (дефектолог, реабилитолог, учитель ЛФК, воспитатель и т.п.), сопровождающие образовательный процесс.

У большинства студентов, обучающихся по специальности 1–01 02 01 «Начальное образование» нет возможности не только попрактиковаться в накоплении коммуникативного опыта, но даже понаблюдать специфику взаимодействия норма типичных учащихся, учащихся с ОПФР, педагога начального образования и других педагогических работников в рамках одного образовательного пространства.

Выход из данной ситуации мы видим в организации волонтерской (добровольческой) деятельности. Данная форма сотрудничества студентов – будущих педагогов с семьей ребёнка с ОПФР и (или) инвалидностью взаимовыгодная.

Вопросами изучения исторических, психолого-педагогических, социологических, культурно-нравственных и др. аспектов развития семей, имеющих в своём составе ребёнка с инвалидностью либо ОПФР, занимались Л.И. Аксёнова, М.А. Болдина, Е.В. Кулагина, Т.В. Лоза, С.А. Сорокин, Юлдашева О. Н. и др. [1, 2, 4, 5, 8, 9]

Семьи детей с ОПФР и (или) инвалидностью сходны только в одном – это наиболее уязвимая социальная группа, в остальном – каждая семья уникальна. Семьи отличаются своим составом, социальным положением, экономическими возможностями, уровнем культурного развития, образования и т.д. Отношение к воспитанию ребёнка с ОПФР и (или) инвалидностью отличаются не только в разных семьях,

но даже в одной семье. Как правило, это: гипопека, стиль холодного общения, сотрудничества, репрессивный стиль семейного общения [2, 4]. Исследования О. Н. Юлдашевой показывают, что необходимо проводить работу по социализации ребёнка с ОПФР даже в рамках его собственной семьи [9]. Многие семьи с появлением ребёнка с ОПФР и (или) инвалидностью распадаются [1].

Всё это говорит о том, что семьи, воспитывающие детей с ОПФР и (или) инвалидностью нуждаются в помощи. В Республике Беларусь проводится работа по поддержке семей. Она включает:

- пособия;
- адресную социальную помощь;
- меры поддержки в сфере образования;
- меры поддержки при строительстве (реконструкции) жилья;
- меры поддержки в сфере жилищных отношений;
- меры поддержки в сфере здравоохранения;
- правовые гарантии работникам с семейными обязанностями в сфере трудовых отношений;
- предоставление социальных отпусков;
- меры поддержки в сфере налогообложения;
- иные меры поддержки семей (социальное обслуживание в трудной жизненной ситуации, услуга почасового ухода за малолетними детьми, услуга социальной передышки, услуга временного приюта).

Многие родители, воспитывающие детей с ОПФР и (или) инвалидностью, не имеют психолого-педагогического образования и не знают, как помочь своему ребёнку. Педагогический опыт, передающийся из поколения в поколение, не всегда оказывается эффективен. Группа детей с ОПФР и (или) инвалидностью неоднородна и универсальной методики воспитания каждого ребёнка не может быть. Оплатить услуги учителя-дефектолога, психолога, массажиста, реабилитолога и т.д. может не каждая семья. Если учесть результаты исследования Л.И. Аксёновой, то чаще всего воспитанием ребёнка с ОПФР и (или) инвалидностью занимается только мать (реже отец) [1]. В связи с распадом семьи её положение становится ещё сложнее, так как родителю в неполной семье необходимо заниматься не только ребёнком, но и материальными, финансовыми, профессиональными и т.п. вопросами.

Таким образом, несмотря на государственную помощь семье, воспитывающей детей с ОПФР и (или) инвалидностью, постоянно нуждаются в психолого-педагогической помощи и поддержке, которые частично получают в учреждениях образования, где воспитываются и обучаются их дети. Ряд семей, как правило, со схожими нозологическими диагнозами детей объединяются в общественные организации, в которых родители могут найти помощь в решении психолого-педагогических, социальных, медицинских, правовых вопросов, так и в организации досуговой деятельности ребёнка и семьи в целом. В

нашем городе это такие общественные организации как:

- «Ты не один»;
- «Белорусское товарищество инвалидов по зрению»;
- Общество помощи детям «Надежда и милосердие»;
- «Белорусское общество инвалидов»;
- «Белорусское общество глухих»;
- «Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам»;
- «Белорусская гуманитарная неправительственная организация «Детский диабет».

Востребована в семьях воспитывающих детей с ОПФР и (или) инвалидностью и волонтерская помощь. Многие будущие педагоги, познакомившись с данными группами детей в процессе студенческих практик, продолжают общаться с ними и их семьями вне образовательного процесса, оказывая им посильную психолого-педагогическую помощь.

Инициаторами волонтерской деятельности, как правило, являются преподаватели УО «БаГГУ». В рамках своих дисциплин педагоги направляют студентов, помогают устанавливать и поддерживать продуктивное общение, оказывать профессиональную помощь и поддержку семьям.

Студенты УО «БаГГУ» помогают работают в таких направлениях как:

- сопровождение детей в образовательном процессе;
- организация и сопровождение детей в процессе деятельности «Творческих мастерских» в Государственном учреждении образования «Средняя школа № 13 г. Барановичи» для детей с нарушением функций опорно-двигательного аппарата;
- организация и сопровождение детей в процессе спортивных праздников в Государственном учреждении образования «Средняя школа № 15 г. Барановичи» для детей с сенсорными нарушениями и трудностями в обучении;
- организация и сопровождение мероприятий для детей с тяжёлыми и множественными нарушениями в Государственном учреждении специального образования «Центр коррекционно-развивающего обучения и реабилитации г. Барановичи»;
- организация и сопровождение мероприятий для детей Государственного социально-педагогического учреждения образования «Социально-педагогический центр г. Барановичи»;
- организация и сопровождение мероприятий для семей, воспитывающих детей с синдромом Дауна;
- психолого-педагогическая помощь семьям, оказавшимся в тяжёлой жизненной ситуации.

Не смотря на то, что волонтерская деятельность является добровольной и не имеет материального поощрения, количество студентов, участвующих в ней, с каждым годом увеличивается. Сегодня это 98

будущих педагогов, оказывающих периодическую либо постоянную помощь семьям, воспитывающим детей с ОПФР и (или) инвалидностью.

Показателем того, что волонтерская деятельность студентов оказывает положительное влияние на их компетентностное формирование, являются результаты опроса будущих педагогов. Согласно которым, самым главным показателем эффективности данного взаимодействия является удовлетворённость студентов качеством межличностного общения как с ребёнком с ОПФР и (или) инвалидностью, так и представителями его семьи. Студенты, пришедшие на первый курс, испытывая чувства одиночества, отчуждённости, страха установления новых взаимоотношений, включаясь в волонтерскую деятельность, значительно быстрее реализуют свою потребность в аффилиации, чем их сокурсники, не включённые в социально значимые виды работ.

Являясь участниками межличностных отношений, студенты начинают осознавать и принимать ценности своей и чужой позиции в коммуникации, что является основой формирования перцептивной компетенции. Разные условия, виды и формы взаимодействия, смена участников межличностных отношений способствуют развитию интерактивных компетенций будущих педагогов.

Для продуктивного межличностного общения как с ребёнком с ОПФР, и (или) инвалидностью, так и с его родителями, другими членами семьи, волонтер учится вести диалог на должном уровне, используя понятную для собеседников лексику, тональность, интонацию и т.п., развивая навыки речевой компетенции.

Работа с детьми с ОПФР и (или) инвалидностью, может быть осложнена отсутствием у ребёнка речевых навыков. Волонтер, работающий в данных условиях, должен хорошо знать и использовать при организации взаимодействия метод базальной стимуляции, язык жестов, включающий мимику, пантомимику, жесты, движения глаз, прикосновения, мелодику и тембр голоса, методы альтернативной и поддерживающей коммуникации. Всё это лежит в основе формирования паралингвистической, а также альтернативной и поддерживающей коммуникативной компетенции.

Современные условия жизни обязывают будущих педагогов хорошо ориентироваться в новейших информационных достижениях, тем более, что оперативно найденная информация не только облегчает, но в некоторых случаях спасает жизнь человека. Телефоны, планшеты и др. технические средства позволяют волонтерам быть доступными для всех участников волонтерской деятельности. Большое влияние информационные технологии оказывают на развивающую, обучающую, стимулирующую, формирующую и т.п. деятельность педагога. Всё это способствует развитию информационной компетенции будущих педагогов.

Вступая в коммуникативное взаимодействие с ребёнком с ОПФР и (или) инвалидностью, представителями его семьи, будущие педагоги сталкиваются с различными ситуациями, в том числе и конфликтными, рефлексия которых позволяет формировать опыт конфликтной компетенции.

Помогая разным семьям, студенты знакомятся с их культурой, обычаями, традициями, ценностями, праздниками, приемлемыми в каждой конкретной семье нормами поведения, что способствует формированию социокультурной компетенции будущих педагогов.

Волонтерская деятельность через призму трагедии, её принятия, преодоления, борьбы за жизнь и развитие позволяет студентам пересмотреть своё отношение к себе, своей семье, друзьям, студенческой группе, социуму. Помогая семьям в их психологически трудных жизненных ситуациях, переживая и сопереживая совместно с ними, волонтеры накапливают свой чувственный опыт, составляющий основу психологической компетенции.

Указанные выше виды компетенций являются субкомпетенциями коммуникативной компетенции. Коммуникативная компетенция (далее КК) – это ключевая компетенция, а, следовательно, является надпрофессиональной и надпредметной и непосредственно влияет на формирование новых более конкретных и предметно ориентированных компетенций [3]. Высокий уровень сформированности КК является одним из главных показателей не только коммуникативной компетентности педагога, но и его профессионализма, особенно в условиях инклюзивной образовательной среды.

Таким образом, волонтерская деятельность – это взаимовыгодная деятельность как для семей, воспитывающих детей с ОПФР и (или) инвалидностью, так и для будущих педагогов. Студенческие годы – это время активного личностного, социального и профессионального формирования. Для подготовки педагогов, к работе в условиях инклюзивного образования, значимо, что бы данное формирование происходило в среде максимально приближенной к инклю-

зивной. Следовательно, волонтерская деятельность – это подходящая в сложившихся условиях форма развития коммуникативной компетентности будущих педагогов.

Список литературы

1. Аксенова Л. И. Социальная педагогика в специальном образовании: учеб. пособие для студентов сред. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001 – 192 с.
2. Болдина М. А. Проблемы семей, имеющих детей с ограниченными возможностями // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. – № 2 (10), 2006. – С. 71–77
3. Иванов Д. А. Компетентности и компетентностный подход в современном образовании // (Библиотечка «Первого сентября»). Серия «Воспитание. Образование. Педагогика». – Вып. 6(12). – М.: Чистые пруды, 2007. – 32 с.
4. Кулагина, Е. В. Адаптация семей с детьми-инвалидами: гендерный аспект // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С.14-19
5. Лоза Т. В. Стили семейного воспитания в семьях, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья – Мир науки, культуры, образования. № 3 (34) 2012. – С.180–181
6. Об утверждении Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: приказ Министерства Образования Респ. Беларусь 22.07.2015г., № 608. Режим доступа: <http://file:///C:/Users/Пользователь/Downloads/Приказ%20608.pdf> (дата обращения: 04.01.2016).
7. Образовательный стандарт высшего образования для специальности 1–01 02 01 Начальное образование [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Республики Беларусь от 30.08.2013 N 87. Режим доступа: naviny.org/2013/08/30/by5935.htm (дата обращения: 20.02.2017)
8. Сорокин С. А. Права детей в семье по семейному законодательству Российской Федерации и Конвенции "О правах ребенка": Автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2006. – 35с.
9. Юлдашева О. Н. Семейная социализация детей с ограниченными физическими возможностями: условия и факторы: Автореф. дис. канд. социол. наук. – Уфа, 2010.

УДК 7.071.5.009.12

ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТУДЕНТОВ-ДИЗАЙНЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

Хворостов Д.А., Чвала М.С.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы развития конкурентоспособности студентов-дизайнеров в высшем учебном заведении. Авторы описали этапы развития конкурентоспособности у будущих графических дизайнеров, подходы. Представлены педагогические условия, способствующие наибольшей эффективности процесса.

Ключевые слова: конкурентоспособность, развитие конкурентоспособности, дизайнер-график, педагогические условия, высшее учебное заведение, образовательный процесс.

Summary: the article deals with the development of the competitiveness of design students in higher education. The authors described the stages of development of competitiveness of future graphic designers. Presents pedagogical conditions conducive to the maximum efficiency of the process.

Key words: competitiveness, competitiveness, a graphic designer, pedagogical conditions, educational institution, educational process.

Современное высшее образование ориентировано на подготовку профессиональных специалистов. В настоящее время актуальным является развитие конкурентоспособности выпускаемых из вуза специалистов, которые смогут не только принимать оригинальные эффективные решения, но и применять на практике приобретенные компетенции. К сожалению, образовательный процесс в вузах не всегда в полной мере способствует раскрытию творческой индивидуальности, реализации креативности студентов как одной из главных составляющих профессиональной компетентности специалиста, способствующей его конкурентоспособности. Своевременность решения проблемы развития конкурентоспособности специалистов отражена в проекте «Российское образование – 2020: модель образования для экономики, основанной на знаниях», в стратегии «Инновационная Россия – 2020», в Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования на 2013 – 2020 годы».

При подготовке профессиональных специалистов в вузе и для развития конкурентоспособности студентов, будущих дизайнеров-графиков, нам необходимо обратиться к методу педагогического моделирования. Разработка, предложенной нами педагогической модели предполагает постановку целей создания педагогического процесса и путей их достижения. Использование предложенных методических подходов к образовательному процессу, способно значительно повысить конкурентоспособность студентов-дизайнеров.

Компетентностный подход позволяет признать целью и результатом формирования конкурентоспособности будущих дизайнеров-графиков ключевые компетенции. В нашем исследовании мы используем несколько подходов: системный, компетентност-

ный подход, деятельностный и личностно-ориентированный подходы.

При системном подходе процесс формирования конкурентоспособности студентов, будущих графических дизайнеров понимается как сложная педагогическая система, где все воздействия по формированию конкурентоспособности студентов, будущих дизайнеров-графиков, имеют целенаправленный характер. Этот подход направлен на комплексное изучение проблемы формирования конкурентоспособности студентов на всех этапах исследования.

Согласно деятельностному подходу цель обучения студентов – формирование способа действий, развитие умения выполнять действия со знанием дела. Особенность подхода заключается в том, что знания рассматриваются как средство обучения той или иной деятельности, как составная часть умений.

При личностно-ориентированном подходе акцентируется внимание на учете личностных особенностей студентов как активных участников учебно-воспитательного процесса.

Для организации работы по формированию конкурентоспособности студентов, будущих графических дизайнеров, построена педагогическая модель, состоящая из целевого, содержательного, организационного, оценочно-результативного блоков. Цель определена нами как формирование конкурентоспособности студентов, будущих графических дизайнеров, в высшем учебном заведении.

Содержательный блок представлен компонентами: мотивационно-ценностным, когнитивно-деятельностным, личностным и оценочно-рефлексивным. Нами выдвинуты педагогические условия для их дальнейшей апробации в процессе экспериментальной работы [1, С. 325–330].

Формирование конкурентоспособности студентов-дизайнеров осуществлялось поэтапно. Педагогическому эксперименту была присуща вариативность. В группах студентов варьировались педагогические условия, некоторые параметры, осуществлялся анализ полученных результатов. Так, в группах, обозначенных ЭГ2-1 и ЭГ2-2, проверялось первое условие формирования конкурентоспособности в высшем учебном заведении, в группах, обозначенных ЭГ3-1 и ЭГ3-2, проверялись первое и второе условия; в группе, обозначенной ЭГ5-1, проверялся весь комплекс условий; в группе, обозначенной ЭГ5-2, проверялись второе и третье педагогические условия. В контрольных группах, обозначенных КГ2, КГ3, КГ5 процесс обучения проходил традиционно. Процесс реализации педагогических условий охватывал основные формы деятельности обучающихся. В процессе экспериментальной деятельности нами применялись методы активного обучения: практико-ориентированные задания, комплекс упражнений, мини-тренинги, деловые игры и др. Их суть заключалась в моделировании как предметного, так и социального содержания учебной деятельности. Такие занятия имели следующую структуру: 1) определение цели занятия, 2) актуализация, 3) поиск, структурирование и анализ информации, 4) использование полученных данных при выполнении творческого задания, 5) представление результатов деятельности (творческих работ, докладов, электронных презентаций), 6) осуществление рефлексии деятельности.

Предложенные нами педагогические условия также учитывались в научно-исследовательской деятельности студентов. Так в процессе прохождения практик студенты завершали работу над объемным проектом, проходили тренинги, подготавливали отчет о выполненной деятельности по определенной структуре, в котором описывался процесс реализации проекта, его результаты и предложения. Поиск информации в различных источниках, ее обработка и дальнейшее применение направлены на углубление знаний студентов, развитие их умения грамотно взаимодействовать с окружающим пространством, преобразовывая его с помощью новаторских идей и креативности. Все участники экспериментальных групп показали хорошие результаты выполнения такого рода деятельности.

Первый этап формирующего эксперимента был направлен на формирование мотивационно-ценностного отношения студентов к будущей профессиональной деятельности, важной составляющей которой является оригинальность мышления, а не только наличие специальных знаний. Деятельность студента, мотивированного к творческой деятельности, будет постоянно направлена на поиск нового, оригинального. Среди использованных нами на данном этапе методов были вводная беседа, анкетирование, экскурсия, просмотр презентаций, консультация. Со студентами осуществлялась групповая, индивиду-

альная, самостоятельная работа. Для повышения мотивации студентов к обучению в начале изучения разделов дисциплин считаем целесообразным объяснять их значение для их дальнейшей профессиональной деятельности.

Второй этап был направлен на развитие ключевых компетентностей студентов-дизайнеров, на реализацию их творческих способностей. Использовались следующие методы: беседа, ролевая игра, работа с литературой, лекция, демонстрация приемов выполнения работ, мини-тренинг, упражнения, спецкурс, метод проектов, посещение выставок и др. Осуществлялась индивидуальная, групповая, парная, самостоятельная работа. Студенты включались в деятельность по решению различных профессиональных задач, учились применять на практике знания, умения, навыки, приобретенные в процессе изучения учебных дисциплин, принимали участие в конкурсах, художественных выставках, семинарах. Мы использовали технологии проблемного обучения, позволяющие студентам быть активными участниками процесса обучения, повышающие их познавательный интерес и уровень креативности, обеспечивающие прочность усвоенных знаний. Осуществлялась совместная деятельность со студентами для решения проблемных ситуаций, в процессе которой они осваивали принципы решения различных профессиональных задач, учились применять приобретенные знания в новой ситуации, самостоятельно искали проблемные ситуации и искали пути их решения. Отметим, что для поддержания мотивации студентов, уровень проблемности должен повышаться с каждым последующим курсом.

Нами учитывалось то, что в процессе подготовки студентов-дизайнеров к предстоящей трудовой деятельности, приобретение знаний, освоение стандартных способов работы не должно доминировать над творческим становлением молодых специалистов.

В процессе работы так же уделялось внимание развитию визуального вкуса у студентов-дизайнеров, являющегося основной направляющей силой творческого развития молодого специалиста, ориентиром в сложном лабиринте искусства, помогающим приобрести и улучшить творческие навыки, овладеть навыками пользования личными творческими силами. Дизайнерский визуальный вкус однозначно взаимосвязан со способностью тонко и полностью ощущать, видеть, чувствовать и давать оценку прекрасному, поэтому, первым шагом в его развитии является улучшение визуального восприятия. Визуальный вкус индивидуума постоянно меняется, совершенствуется, служит частью постоянно развивающегося языка культуры.

Развитие визуального вкуса у молодежи протекает не только в ходе освоения учебных программ, но и в процессе общения с произведениями искусства, в которых «прекрасное» выражается в зритель-

ных образах. Стоит заострить внимание, что студенты-дизайнеры в будущем станут самостоятельно создавать авторские произведения, развивать вкусы общества, поэтому, развитие визуального вкуса студентов нужно начинать заблаговременно. Завершая учебную программу высшего образования, молодые специалисты должны быть профессиональны и эстетически ориентированы в мире современного дизайна, иметь конкретную позицию в вопросах искусства.

Особое внимание уделялось развитию у студентов креативности. Осуществлялась творческая образовательная деятельность, которая наполнялась личностным смыслом студентов, решались проблемные ситуации, выполнялась работа над реализацией реальных дизайн-проектов. Такое погружение в профессиональную деятельность способствует реализации творческого потенциала студентов, приобретению новых профессиональных знаний, повышению ответственности за результаты их деятельности.

На третьем этапе уделялось внимание развитию личностных качеств студентов. Применялись следующие методы: беседа, лекция, самоанализ, мини-тренинг, упражнения, работа с литературой и др. Использовались групповая, индивидуальная, самостоятельная формы работы.

На четвертом этапе акцентировалось внимание на развитие у обучающихся способности к рефлексии. Были использованы такие методы как работа с литературой, самоанализ, самооценка, повышение уровня эмпатии, рефлексия, персональный SWOT-анализ и др. Была осуществлена групповая, индивидуальная, самостоятельная работа.

В процессе работы осуществлялась реализация выявленных нами педагогических условий.

Результат сформированности конкурентоспособности студентов-дизайнеров находит свое отражение в оценочно-результативном блоке. Представлены низкий, средний, высокий уровни конкурентоспособности, показатели, диагностические методы.

Таким образом, учебные задания студентов-дизайнеров должны быть направлены на решение актуальных проблем, в условиях, максимально приближенных к будущим профессиональным, что позволит студентам провести рефлексию, актуализиро-

вать знания, усовершенствовать умение работать в команде, обогатить их жизненный опыт. Каждый этап был направлен на развитие определенных компонентов конкурентоспособности, имел ряд задач, которые реализовывались в процессе использования различных педагогических методик. Отметим эффективность использования положений системного, компетентностного, деятельностного и личностно-ориентированного подходов в процессе реализации модели. Пути решения данной проблемы мы подробно рассматривали в публикациях [2, с. 117-122, 3, с. 2-34, 4, с. 66-72, 5, с. 105-111].

Мы считаем, что результатом обучения студента-дизайнера должен стать компетентный специалист, конкурентоспособный на рынке труда, обладающий креативностью, которая проявляется в процессе его профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Чвала М.С. Характеристика модели формирования конкурентоспособности будущих специалистов в области графического дизайна в процессе изучения специальных дисциплин / М.С. Чвала // Педагогіка формування творчої особистості у вищій і загальноосвітній школах : зб. наук. пр. / [редкол.: Т.І. Сущенко (голов. ред.) та ін.]. – Запоріжжя : КПУ, 2015. – Вип. 40 (93). – С. 324–330.
2. Чвала, М.С. Формирование мотивации профессиональной деятельности будущих специалистов в области графического дизайна / М.С. Чвала // Проблемы современного педагогического образования. Сер. : Педагогика и психология. – Сб. статей: – Ялта : РИО ГПА, 2016. – Вып. 52. – Ч. 1. – С. 117 – 122
3. Чвала М.С. Методические рекомендации по формированию конкурентоспособности будущих специалистов в области графического дизайна / М. С. Чвала. – Ялта: РИО РВУЗ КГУ, 2014. – 36 с.
4. Хворостов Д.А. Формирование профессиональных компетенций у студентов направлений подготовки «дизайн» в ходе освоения проектных технологий // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 2 (41). Том 1. С. 66 – 72.
5. Хворостов Д.А. Традиции и инновации в современном преподавании дизайна // Вестник Омского государственного университета. Гуманитарные исследования. Научный журнал. 2015. №4 (8). С. 105 – 111.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'276.6:34:39:37

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПОНЯТИЯ «УБИЙСТВО» В РУССКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Попова Л.В.

Целью настоящей работы является изучение этнокультурной специфики понятия «убийство» в русских законодательных текстах XV–XVII веков. Рассмотрены семантика и функционирование терминов, вербализующих этнокультурный концепт «душа». Лингвокультурологический анализ терминов свидетельствует об органичной связи профессионального правосознания с национальной ментальностью в диахронии.

Ключевые слова: юридическое языковое сознание, этнокультурный концепт, этнокультурная семантика, юридический термин.

Purpose of the real work is the studying of ethno-cultural specifics of the concept «murder» in the Russian legislative texts of the XV–XVII centuries. Semantics and functioning of the terms calling an ethno-cultural concept «soul» is considered. The linguo-culturological analysis of terms demonstrates the organic communication between professional law consciousness and national mentality in diachrony.

Key words: law language consciousness, ethno-cultural semantics, ethno-cultural concept, legal term.

В лингвистике утвердилось мнение о наличии этноспецифичных черт у языка профессионального общения в соответствии с лежащим в его основе национальным языком. При этнокультурном подходе к языку профессиональной коммуникации объектом исследования в основном являются термины, предметом – этнокультурная обусловленность терминологической номинации. Так, по мнению М. Н. Володиной, у разных народов в одном объекте выделяются разные признаки терминологической номинации [1, с. 25]. О. А. Корнилов высказывает аналогичную мысль: «Эксплицированность в каждом конкретном термине одной из всех возможных характеристик научного понятия – это проявление национального способа видения мира» [5, с. 49]. Актуальность подобных исследований видится лингвистам в двух основных аспектах: 1) реконструкция процесса формирования профессионального (научного) понятия; 2) дополнение сведений о национальной языковой картине мира, национальном языковом сознании в их историческом развитии. Кроме того, по нашему мнению, научную значимость представляет, во-первых, разработка методики изучения этнокультурной специфики терминологической номинации, во-вторых, инвентаризация всех, в том числе древних, национально-специфичных терминов каждой сферы, определение их соотношения с национально-нейтральными терминами. Благодаря такой инвентаризации может быть выявлен круг этнокультурно-маркированных профессиональных понятий, на основе

чего можно составить портрет языковой личности профессионала как члена этнокультурного коллектива в различные исторические периоды, а также прогнозировать тенденции развития профессионального языкового сознания.

По нашим данным, русская юридическая терминология в этнокультурном аспекте изучена в недостаточной мере. Глубоких лингвистических исследований, охватывающих терминологический массив права, по данной проблеме не обнаружено. Этнокультурная обусловленность номинации современных профессиональных понятий менее очевидна, чем в историческом развитии. Историками права выполняется анализ древнерусской правовой терминологии с целью определения связи между языком права, правосознанием и национальной культурой, однако признается недостаточность собственно лингвистических данных об эволюции языка права [8]. Приведем высказывание на данную тему: «Для адекватного проникновения в культуру и правовое мышление средневековья анализ терминологии правовых категорий и семантики текстуального выражения права логически неизбежен» [8, с. 17]. Следовательно, наиболее эффективным будет междисциплинарное изучение генезиса русского юридического языка и выражаемого им правосознания.

Говоря об актуальности исторического ракурса изложенной проблемы, необходимо обратить внимание на мнение правоведов: «Хочется думать, что знание старой юридической терминологии, не сравнимой по

богатству выражаемых оттенков с современной, окажет плодотворное влияние на профессиональное мышление нового поколения правоведов» [2, с. 4]. Упомянутое плодотворное влияние, по-видимому, нужно понимать как формирование лингвистического подхода к профессиональному языку. Конкретнее, востребованность историко-культурного изучения национальной юридической терминологии в отношении к современному и будущему развитию права, по нашему мнению, выражается как минимум в двух аспектах: 1) знание исторических закономерностей помогает выделить устойчивые способы номинации, оценить терминологические инновации различных периодов, проанализировать механизмы современной терминологической номинации и предложить рекомендации ее дальнейшего развития; 2) изучение истории русского юридического языка и отражаемого в нем юридического сознания способствует воспитанию уважения к национальным правовым традициям, а также уточнению знаний о русской ментальности и культуре в целом.

Проводимое нами исследование направлено на реконструкцию русского юридического языкового сознания в диахроническом аспекте путем комплексного анализа профессиональной номинации правовых понятий. В ходе изучения нами выявлена устойчивая тенденция этнокультурного маркирования законодательной речи: введение в нормативно-правовые акты номинативных средств профессиональной тематики, вербализующих этнокультурные концепты этической и религиозной сфер. Целью настоящей работы является изучение национально-маркированных терминов со значением 'убийство' в законодательных текстах, задачами – датировка функционирования данных номинативных средств, изучение их лексико-семантических свойств, определение их соотношения с национально-нейтральными терминами, концептуальный анализ, выявление их роли в юридическом языковом сознании.

Обнаруженные нами терминологические номинации характерны для законодательных текстов, созданных в периоды правления Ивана IV («Судебник» 1497 года), Алексея Михайловича («Уложение» 1649 года) и Петра I. Эти нормативно-правовые акты регламентировали все сферы правоотношений. Формально хронологические рамки лингвистического материала составляют около 200 лет, что уже свидетельствует об устойчивости исследуемой номинативной группы в юридической коммуникации разных социокультурных эпох. Однако в реальности хронология ее активного функционирования охватывает около 350 лет, в связи с тем что вышеназванные законодательные акты сохраняли юридическую силу и в XIX веке: «Уложение» 1649 года, обобщившее предшествующее законодательство (в том числе «Судебник» 1497 года), применялось до 1832 года, когда был составлен Свод законов Российской империи, а указы Петра I действовали до введения сводов норм уголовного и процессуального права в 40–60-е годы XIX века.

Согласно содержанию указанных нормативно-

правовых актов XV–XVII веков, для обозначения вида преступного действия против жизни человека использовались следующие этнокультурно-маркированные номинации: *душегубство*, *душегубец*, *душегубное дело*. Сопоставительный анализ показывает, что частотность данных терминов в указанный период ниже, чем национально-нейтральных *убийство*, *убийца*, *убить*, которые в новых правовых актах XVIII–XIX веков полностью вытесняют терминологический ряд с компонентом *душ-*, что характерно и для современного законодательства. Рассмотрим историю возникновения национально-маркированной номинации убийства и попытаемся определить ее роль в юридической коммуникации. Для этого необходимо сопоставить лексикографические данные с фактами терминопотребления в законодательных текстах.

В словаре древнерусских юридических терминов XI–XVI веков *душегубец* трактуется как термин, пришедший в московскую эпоху на смену более древнему *головник* 'убийца', который функционировал в «Русской правде»: «Аже кто оубиеть княжа моужа в разбои, а **головника** не ищуть <...>» (ст. 3 по Карамзинскому списку) [2, с. 31, 39]. Происхождение термина *головник* объясняется существованием производящего *голова* 'юридически свободный человек, убитый в результате совершения преступления', образованного лексико-семантическим способом. Факт насильственной смерти в результате такого преступления и санкция (вира) обозначались термином *головничество* [2, с. 30]. Кроме того, отметим еще два родственных композитных термина, закрепленных в «Судебнике» 1497 года, – *головная татьба* (ст. 10), *головной тать* (ст. 9), в составе которых *татьба* имеет значение 'преступление', *тать* – 'преступник' (в других случаях проявлялось значение 'кража'): «9. А государскому убойце и коромолнику, церковному **татю**, и **головному**, и подымщичку, и зажигалнику, ведомо лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казньою»; «10. О ТАТЕХ. А котораго татя поймают с какою татбою ни буди впервые, опроче церковные **татбы** и **головные**, а в ыной татбе в прежней довода на него не будет, ино его казнити торговою казньою, бити кнутием да исцево на нем доправя, да судие его продати» (Здесь и далее выделено нами. – Л. П.) [9]. По нашей оценке, в XV веке, учитывая лексическое наполнение текста «Судебника», терминоряды с компонентами *голов-* и *уби-* (*убийца* и др.) имели примерно одинаковую частотность. Причиной выхода из употребления первого терминоряда, возможно, является отсутствие в его семантике указания на действие, активность преступника и наличие такого смысла у второго терминоряда.

В словаре М.А. Исаева точная датировка для термина *душегубец* не приведена, законодательный контекст отсутствует. Термина *душегубство* в данном словаре нет, хотя очевидно, что употребление в юридической речи одного термина ('деятель') предполагает употребление и второго термина ('действие'). Это подтверждается нашим исследованием: оба термина зафиксиро-

ваны в тексте «Судебника» 1497 года (ст. 7, 8, 38, 39, 43). Приведем примеры: «7. А побьются на поли в пожеге, или в **душегубстве**, или в разбой, или в татбе, ино на убитом исцево доправити <...>» (то же в п. 38); «8. А ТАТБЕ. А доведуть на кого татбу, или разбой, или **душегубство**, или ябедничество, или иное какое лихое дело, и будет ведомой лихой, и боярину того велети казнити смертною казнью, а исцево велети доправити изъ его статка, а что ся у статка останеть, ино то боярину и диаку имати себе» (то же в п. 39); «43. Наместником и волостелем, которые дръжать кормление без боярского суда, и тиуном великого князя и боярьским тиуном, за которыми кормления с судом з боярьским, холопа и робы без доклада не выдати и отпустные не дати; а татя и **душегубца** не пустити и всякого лихого человека без докладу не продати, ни казнити, ни отпустити» [9].

Законодательно закрепленные в XV веке термины *душегубство* и *душегубец* в дальнейшем, в результате переработки норм судебника, вошли в новые законодательные тексты XVII века: *душегубец* – в юридический свод «Уложение» 1649 года, где фиксируется еще один термин – *душегубное дело* [6, I, № 1. – Здесь и далее римской цифрой обозначается номер тома, знаком № – порядковый номер документа в Собрании]; *душегубство* – в петровское законодательство конца XVII века, например «Наказныя статьи Нерчинским Воеводамъ. – Обь управленіи земскими и военными дѣлами» от 18 февраля 1696 года) [6, III, № 1542]. Рассмотрим законодательный контекст: 1) «А надъ служилыми людьми ему Стольнику и Воеводѣ смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобъ они въ Даурахъ и на службѣ живучи не воровали, зерню и въ карты не играли, и не бражничали, и табаку и иноземскаго кумысу не пили и Великаго Государя жалованья не пропивали и не проигрывали, и драки бь у нихъ и разбоя и **душегубства** межъ себя и никакаго воровства нигдѣ не было, и ясачнымъ бы людемъ и всякимъ иноземцомъ въ Нерчинскихъ острогахъ и ходя по ясакъ утѣсненія и обидь никакихъ не чинили. А которые служилые люди учнутъ въ Даурскихъ острогахъ или ходя по ясакъ воровать зерню и въ карты играть и межъ себя драться и грабежъ и **душегубства** ясачнымъ и всякимъ людемъ и иноземцомъ обиды и насильства и тѣсноты и грабежъ чинить: Воеводѣ тѣхъ воровъ отъ воровства унимать и чинити имъ наказанье, смотря по ихъ винамъ по Уложению и по новоуказнымъ статьямъ, кто какого наказанья достоинъ, чтобъ всякое наказанье было противъ вины, а безвинно никому никакого наказанья не чинить <...>» [6, III, № 1542, п. 26]; 2) «А которые воры, тати, или розбойники и **душегубцы** учнутъ сидѣти въ тюрьмахъ вх городѣхъ до полугода: и тѣхъ воровъ въ городѣхъ Воеводамъ и Приказнымъ людемъ и Губнымъ старостамъ, безъ Государева указу, изъ тюремъ не выпускати, и въ холопство и во крестьяны къ себѣ не имати, и инымъ никому такихъ воровъ въ холопство и во крестьянство не отдавать. <...> А будетъ до которыхъ тюремныхъ сидѣльцовъ разбойное и татиное и **душегубное дѣло** не дойдетъ, и

доведеть ихъ изъ тюрьмы выпускати: и такихъ изъ тюремъ выпускати, и къ Государю къ Москвѣ о указѣ не писавъ, а въ холопство и во крестьянство ихъ Воеводамъ и приказнымъ людемъ и Губнымъ старостамъ къ себѣ не имати, и инымъ никому, по свойству, или по дружбѣ, ихъ въ холопство и во крестьянство не отдавати» [6, I, № 1, гл. 21, п. 104].

Отдельного внимания заслуживает факт косвенной номинации убийства в XIX веке. В статье 1940 «Уложения о Наказаніяхъ Уголовныхъ и Исправительныхъ» 1845 года определяется наказание за убийство новорожденного с физическими отклонениями: «Кто <...> лишитъ сего урода жизни, тот за сіе, по невѣжеству или суевѣрью, посягательство на жизнь существа, рожденнаго отъ человѣка и слѣдственно имѣющаго челоуѣческую **душу**, приговаривается <...>» [7, XX, ч. 1, № 19283]. Лишение жизни существа с человеческой душой – фактически то же, что ранее называлось душегубством. Таким образом, мы находим прямое, выраженное в языке права, подтверждение актуальности и в XIX веке утраченного из активного употребления термина с компонентом *душ-*. Тем более, эта значимость должна была осознаваться в более ранние периоды, когда терминоряд использовался в законотворчестве.

Высокой активностью употребления в XVII веке характеризовались термины *убійство* (*убійство смертное, убить, убить до смерти*) и *убийца*, в количественном отношении доминировавшие над терминами *душегубство, душегубец*. Приведем примеры: «9. А приведуть татя, а доведуть на него одну татьбу: и того татя пытать и въ иныхъ татьбахъ и въ **убійствѣ**, да будетъ съ пытки въ иныхъ и въ **убійствѣ** не повинится, а скажетъ, что онъ краль впервые, а **убійства** не учинилъ <...>»; «69. А гдѣ въ городѣхъ и на посадѣхъ и по слободамъ и въ уѣздахъ, въ волостяхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ учинится **убійство** смертное; а **убьеть** до смерти боярскаго человѣкъ боярскаго же человѣка: и того **убийцу** пытати, которымъ обычаемъ **убойство** учинилося, умышленіемъ, ли или пьянымъ дѣломъ, а не умышленіемъ» [6, I, № 1, гл. 21, п. 9]; «<...> а кто чѣмъ иноземца избидитъ или **убойство** учинить, и тѣмъ людемъ за воровство чинить Великаго Государя указъ по Уложению и по новымъ статьямъ, чему будетъ достоинъ» [6, III, № 1542, п. 28].

При выборе номинации преступного действия «лишение жизни» главной коммуникативно-прагматической установкой законодателя(-ей) является сущностная характеристика события. Использование термина с компонентом *уби-* выражает внешнюю, материальную сторону преступления, а также его объективную негативную оценку. Деривационная модель терминов *убійство, убийца* передает значение активной процессуальности – действия преступника, приводящего к физической смерти жертвы. Отметим, что наиболее древние термины *головничество, головник* имели аналогичное, но отыменное значение ‘умерщвление тела’, образованное, очевидно, метонимическим способом.

Значение физического уничтожения выражается и дери- вационной моделью терминов *душегубство*, *душегу- бец* (от *губить*), хотя их смысловая структура сложнее. Первый компонент смысла – ‘умерщвление тела’ – пре- имущественно фиксируется в словарных дефинициях, построенных на использовании синонимичных лексем *убийство* (*смертоубийство*), *убийца*:

‘убийство, смертоубийство, лишение жизни’ [12, IV, с. 389–390; 11, II, с. 419; 13, I, с. 380], ‘убийца, смертоубийца’ [12, IV, с. 389; 11, II, с. 419; 13, I, с. 380].

Таким образом, введение в юридический текст лексем *душегубство*, *душегубец* как терминов было оправдано их смысловым совпадением с *убийство*, *убийца* по признаку ‘лишение жизни’. Профессиональ- ное восприятие терминологии с компонентом *душ*- под- тверждается двумя моментами. Во-первых, образовани- ем в юридической речи термина *душегубное дело* со значением ‘уголовный процесс по факту убийства’, со- зданного по модели терминов *убийственное дело*, *раз- бойное дело*, *татинное дело* и т.п. Пример употребления термина-компози- та в пункте 104 главы 21 «О разбойныхъ и о татинныхъ дѣлѣхъ» «Уложения» при- веден выше. Фактически *душегубное дело* и *убийствен- ное дело* – термины-дублеты: «Которые разбойники розбиваютъ, и людей побиваютъ, и тати крадутъ въ Московскомъ уѣздѣ и въ городѣхъ, на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ: и такія разбойныя и **убийственныя** и татинныя **дѣла** вѣдать въ Розбойномъ приказѣ» [6, I, № 1, гл. 21, п. 1]. Значение ‘судопроизводство по уголовным пре- ступлениям и связанная с ним подать в пользу великок- няжеских или царских наместников’ отмечается у лек- семы *душегубство* (наряду с ‘убийство’) [12, IV, с. 389– 390], однако собранный нами законодательный матери- ал это не демонстрирует: термины *душегубство* и *душе- губное дело* имеют самостоятельные значения, описан- ные выше. Во-вторых, стереотипное функционирование терминов с компонентом *душ*- в законодательных текстах можно проследить по их корреляции с другими терминами: *душегубство* – видовой термин (как и *тат- ба*, *разбой*, *ябедничество*) по отношению к родовому *лихое дело* ‘тяжкое преступление’, *душегубец* – видовой термин (как и *тать*) по отношению к родовому *лихой человек* ‘особо опасный преступник’ («Судебник» 1497 года, ст. 7, 8, 43); *душегубство* – видовой термин (как и *разбой*, *грабеж*) по отношению к родовому *воровство* ‘преступление’ (Наказные статьи от 18.02.1696), *душе- губец* – видовой термин (как и *тать*, *рабойник*) по от- ношению к родовому *вор* ‘преступник’ (п. 104, гл. 21 «Уложения»).

Проанализируем причину сосуществования в законодательной речи терминологии с компонентом *душ*- и *уби*-. С точки зрения формального обозначения вида уголовного преступления низкочастотный терми- норяд с компонентом *душ*- выглядит вариативным, из- быточным на фоне высокочастотного терминологии с компонентом *уби*-. Если в аспекте юридической техники связь нормативно-правовых актов разных эпох оформ- ляется ссылочным аппаратом (прямыми указаниями в

тексте на предшествующие акты), то в аспекте юриди- ческого языкового сознания связь понятийной базы в разновременных актах подчеркивается преемственно- стью терминов. Создание законодательного текста тре- бует от его составителя(-ей) высокой степени созна- тельности и ответственности, в частности предполагает выбор наилучшей формы выражения правовых поня- тий и норм и ориентацию на понимание сообщения адре- сатом. Сохранение терминологии актов предыдущих по- колений демонстрирует принятие терминологии поня- тий с теми или иными оттенками смысла. Итак, прее- мственность в использовании и дополнение термино- ряда с компонентом *душ*- от XV к XVII веку подводит к мысли о его неслучайности, особой роли в юридиче- ском языковом сознании. Иначе говоря, терминология с компонентом *уби*- не мог полностью выразить харак- терное юридическое сознание того времени представ- ление об убийстве, поэтому недостающая часть смысла выражалась дополнительным терминологии с компо- нентом *душ*-.

Важная для юридического языкового сознания и не получившая четкого отражения в лексикографии часть смысла лексем *душегубство*, *душегубец* обуслов- лена первым компонентом этих сложных дериватов. Если *убийство* предполагает умерщвление тела челове- ка, то *душегубство* направлено еще и на причинение необратимого вреда внутреннему миру жертвы – бук- вально *душе*. Исходя из лингвистических данных, мож- но предположить, что появление семантически сложных терминов *душегубство*, *душегубец* отражало пере- осмысление ситуации убийства в юридическом созна- нии: от конкретного, материального (*головничество*, *убийство*) – к усложненному, материально-идеальному. Благодаря номинативному признаку ‘уничтожение внутреннего мира (души) жертвы’ понятию ‘убийство’ дается религиозно-нравственная оценка, указывающая на его греховность. В результате органичного сосуще- ствования в законодательной речи терминов *убийство* и *душегубство* номинируемое понятие подвергается двойной оценке – юридической и религиозно- нравственной, то есть как преступление и как грех. Сле- довательно, корректнее считать два типа номинации синонимичными, а не дублетными.

Косвенное подтверждение справедливости описанного факта находим в ряде словарных дефини- ций. Исходная семантическая структура лексем *душе- губец* (в языке до XVII века) включала два компонента: ‘убийца’, ‘губитель душ’ [12, IV, с. 389]. Поводом для исключения из дефиниции второго компонента, видимо, стало наличие в языке религиозно-окрашенной (соглас- но помете) лексем *душегубитель* [13, I, с. 380]. Несом- ненно, первичной для сложных лексем с компонентом *душ*- является религиозно-нравственная сфера: *душе- губный* в старославянском языке – ‘губящий души, па- губный’ [14, с. 200]; в русском и церковнославянском языках *душегубствовать* – ‘убивать, умерщвлять, пре- давать смерти невинныхъ’ [11, II, с. 419], ‘предать смерти, умерщвлять злодейски’ [13, I, 380]; фразеоло-

гизм *погубить душу* – «(1) Въ смыслѣ Св. писанія: за преступленіе заповѣдей Божіихъ осуждену бытии на мученіе»; «(2) Лишить жизни невиннаго» [11, II, с. 420]. Перечисленные лексические средства в русском языковом сознании прямо соотносятся с *душегубство*, *душегубец*, выражая яркую негативную характеристику личности субъекта этого поступка. Формируется языковой образ неверующего, жестокого, беспринципного человека, который умышленным убийством физически и духовно уничтожает жертву, неизбежно разрушая и свой внутренний мир, получая за это не только юридическое, но и религиозное наказание. По нашему мнению, если достоинством номинаций с компонентом *уби-* является их прямое значение и профессиональная объективность, то преимуществом номинаций с компонентом *душ-* – выразительность и большая воздейственность. Данное свойство могло, по замыслу законодателя(-ей), использоваться для усиления значения правовой нормы в сознании адресатов правового акта – как профессионалов (правоприменителей), так и непрофессионалов.

Наконец, раскроем концептуальное содержание номинативного ряда с компонентом *душ-* для прояснения соотношения юридического языкового сознания с национальным. Очевидно, что изучаемые нами номинации объективируют в языке концепт «душа», который, согласно мнению лингвокультурологов, входит в ряд этнокультурных [3; 4; 10], причем, по оценке ряда исследователей, «<...> является главным в национальной системе нравственных ценностей и взаимосвязан с такими понятиями, как сердечность, милосердие, совесть, стыд» [3, с. 45]. Душа – источник жизни внутри человека и внетелесная бессмертная субстанция в мифологическом и религиозном сознании [3, с. 44]. Душа обеспечивает цельность личности и ее духовное единство с общиной [4, с. 237–238]. Таким образом, изложенное концептуальное содержание подтверждает национальную обусловленность номинаций *душегубство*, *душегубец*, *душегубное дело*. По нашему мнению, этнокультурная семантика играет важную роль в любой сфере коммуникации, а в юридической она, как показал анализ функционирования номинаций с компонентом *душ-*, осознанно подчеркивалась для достижения убедительности законодательного текста.

Подводя итог, констатируем историческую обусловленность русской юридической номинации этнокультурным сознанием. Лингвокультурологический

анализ терминов *душегубство*, *душегубец*, *душегубное дело* демонстрирует апелляцию юридического языкового сознания к этнокультурному концепту, что свидетельствует о развитии профессионального правосознания в органичной связи с национальной ментальностью.

Список литературы

1. Володина, М. Н. Термин как средство специальной информации. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 80 с.
2. Исаев, М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. – М. : Спарк, 2001. – 119 с.
3. Кобякова, Т. И. Концепты духовности в русской языковой картине мира. Лингвокультурологический словарь / под ред. проф. Л. Г. Саяховой. – Уфа, 2004. – 158 с.
4. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. Т. 1 / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб. : Златоуст, 2014. – 592 с.
5. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
6. Полное собрание законовъ Россійской Имперіи. Собрание Первое. – СПб., 1830.
7. Полное собрание законовъ Россійской Имперіи. Собрание Второе. – СПб., 1830–1884.
8. Рогов, В. А. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX – середины XVII вв.) / В. А. Рогов, В. В. Рогов. – М. : МГИУ, 2006. – 269 с.
9. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М. : Юрид. лит., 1984.
10. Саяхова, Л. Г. Русское слово – русский мир : Лингвокультурологический словарь-минимум / Л. Г. Саяхова, Л. К. Муллағалиева, Д. М. Хасанова; под ред. Л. Г. Саяховой. – Уфа : БашГУ, 2010. – 202 с.
11. Словарь Академіи Россійской : в 6 ч. – СПб. : Императорская Академія Наукъ, 1789–1794.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975–1991. – Вып. 1–17; 1992–. – Вып. 18–.
13. Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторым отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ : в 4 т. – СПб. : Типографія Императорской Академіи Наукъ, 1847.
14. Старославянскій словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. ; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1999. – 842 с.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 343

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Касымовская П.П.

Объектом данного исследования является уголовная ответственность несовершеннолетних как уголовно-правовое явление, институт принудительных мер воспитательного воздействия. Методами исследования являются формально-логический, анализ судебной практики, герменевтический метод. В результате исследования выявлены пробелы и сделаны предложения по совершенствованию законодательства в сфере привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности.

Ключевые слова: несовершеннолетние, уголовная ответственность, наказание, обязательные работы, ограничение свободы.

The object of this study is the criminal liability of minors as a criminal-legal phenomenon, the institution of compulsory educational measures. The methods of research are formal logic, analysis of judicial practice, the hermeneutic method. The research identified gaps and made proposals to improve the legislation in the sphere of attracting minors to criminal liability.

Keywords: juvenile, criminal liability, punishment, community service, limitation of freedom.

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается постоянный рост доли преступлений несовершеннолетних в общей структуре преступности, возрастает общественная опасность преступлений подростков. В силу этой тенденции проблема подростковой преступности является одной из наиболее актуальных на сегодняшний день. Проблемы, связанные с преступностью несовершеннолетних изучаются учеными различных гуманитарных наук: философии [4, 6], культурологии [2, 7, 8, 13], социологии [14], педагогики [3, 9]. Для науки уголовного права и криминологии проблемы преступности несовершеннолетних являются предметом особого изучения [1, 10, 12].

В результате проведенного нами исследования мы пришли к следующим выводам. В Уголовном кодексе РФ 1996 г. впервые был выделен раздел, посвященный специально уголовной ответственности несовершеннолетних. В этом разделе были определены особенности наказания несовершеннолетних преступников. Необходимость включения отдельного раздела в Уголовный кодекс РФ посвященного уголовной ответственности несовершеннолетних определена специфическими особенностями преступности несовершеннолетних, психологическими особенностями подростков в возрасте от 14 до 18 лет, спецификой уголовно-правовых мер, применяемых в отношении несовершеннолетних.

По нашему мнению, личность подростка недостаточно сформирована, ему ещё не хватает духовной, социальной, психической и физиологической зрелости. Часто у подростков отсутствует критичность и адекватная оценка своих поступков. Они не

всегда способны понимать значение и последствия своих действий. Не всегда могут контролировать свои действия. Эти факторы должны учитываться при привлечении несовершеннолетних к уголовной ответственности.

В соответствии со статьей 87 Уголовного кодекса РФ «Несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Уголовная ответственность в Российской Федерации ограничивается четырнадцатью годами. В науке уголовного права и криминологии разными учеными обсуждается проблема снижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетних до двенадцати лет за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [15]. Существуют сторонники противники снижения возраста. Законопроекты с подобными предложениями неоднократно вносились в Государственную Думу РФ. Мы не разделяем точки зрения о необходимости снижения возраста уголовной ответственности несовершеннолетних. Мы склоняемся к мнению тех ученых, которые считают, что понижение минимального возраста несовершеннолетнего как субъекта преступления не решит проблему подростковой преступности. [16]

Не малое значение в определении несовершеннолетних лиц, как субъектов преступления имеют криминологические факторы, влияющие на возраст уголовной ответственности несовершеннолетних. Важно обратить внимание на то, что совершенные подростками преступления очень часто являются следствием социальной запущенности, дурного воспитания в неблагополучной семье, восприятия ценно-

стей криминальной субкультуры, негативных ценностных установок подростковой среды, следствием стечения неблагоприятных, жизненных обстоятельств [4, С.36]. Важнейшими принципами предупреждения подростковой преступности должны быть справедливое воздаяние, максимальное содействие благополучию несовершеннолетнего, презумпция дальнейшей позитивной социализации [3, С.367].

В настоящее время наказание в виде обязательных работ занимает важное место в структуре наказаний для несовершеннолетних. Мы полагаем, что реабилитационно-восстановительный потенциал, который несут в себе обязательные работы, не раскрывается в полной мере в отношении несовершеннолетних. Необходимо пересмотреть возможность применения данной санкции в отношении несовершеннолетних в сторону расширения перечня преступлений, за совершение которых данное наказание может быть им назначено.

В связи с внесенными изменениями в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-исполнительный кодекс РФ был введен в действие такой вид наказания, как ограничение свободы. Контроль за осужденными в рамках данного наказания возлагается на уголовно-исполнительные инспекции. Несовершеннолетние осужденные обязаны соблюдать установленные судом ограничения. По нашему мнению, одной лишь учетно-контрольной функции ограничения свободы недостаточно, если мы говорим о несовершеннолетнем. Социальная направленность работы инспектора должна заключаться в оказании помощи и побуждении осужденного несовершеннолетнего к устройству на учебу, работу, выработку чувства ответственности, гражданской позиции, что не может быть достигнуто только учетно-контрольными мероприятиями. Необходимо также разработать для несовершеннолетних осужденных отдельную адаптированную для их восприятия памятку для осужденного к ограничению свободы. Важно свести к минимуму стремление осужденного подростка уклониться от исполнения принудительных мер воспитательного воздействия.

В уголовном законодательстве нет специальных правил, регулирующих применение принудительных мер медицинского характера к несовершеннолетним. Следует отметить, что из круга лиц, к которым могут быть применены принудительные меры медицинского характера, Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в 2003 году были исключены лица, совершившие преступление и признанные нуждающимися в лечении от алкоголизма и наркомании. Возможно, для совершеннолетних лиц указанные законодательные изменения и обоснованы, чего нельзя сказать о несовершеннолетних. В свете сказанного полагаем необходимым восстановить в Уголовном кодексе РФ принудительное лечение лиц, совершивших преступление и признанных нуждающимися в лечении от алкоголизма и наркомании,

и распространить данную норму на несовершеннолетних. Тем самым государство реализует и обязанность по обеспечению физического и психического здоровья населения.

Как нам представляется, принудительные меры воспитательного воздействия являются важнейшими рычагами в механизме борьбы с подростковой преступностью. Проблемами применения данного правового института на сегодняшний день являются: отсутствие в статьях закона дефинитивных норм определяющих понятие и цели принудительных мер воспитательного характера, не определены сроки их применения, порядок снятия и отмены, ответственность за их систематическое неисполнение. В связи с этим, мы предлагаем внести следующие поправки в Уголовный кодекс РФ: установить продолжительность срока применения принудительных мер воспитательного воздействия до двух лет; дать исчерпывающий перечень принудительных мер воспитательного воздействия; определить ответственность несовершеннолетнего за систематическое неисполнение требований уголовно-исполнительной инспекции, связанных с назначенными принудительными мерами воспитательного характера. По нашему мнению, необходимо законодательно определить понятие специализированных государственных органов под контроль которых, передаётся несовершеннолетний. Речь должна идти о комиссиях по делам несовершеннолетних, отделах (отделениях) профилактики правонарушений несовершеннолетних органов внутренних дел, образовательных учреждениях.

По нашему мнению, также необходимо вести активную предупредительную деятельность преступности несовершеннолетних не только силами органов государственного принуждения, но и всей общественностью. [11] Необходимо развитие системы нравственного религиозного воспитания [5], внешнего воспитания и образования (спортивные секции, кружки, дополнительное образование). По нашему мнению, эти меры должны способствовать исправлению и воспитанию несовершеннолетнего правонарушителя.

Список литературы

1. Абызов Р.М., Шестопалова Е.Р. Причинный комплекс и особенности предупреждения преступности несовершеннолетних // Современное право. 2016. № 12. С. 122-127.
2. Волкова В.Б., Кривошлыкова М.В., Малеко Е.В. Стереотип в процессах социального восприятия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 1 (75). С. 67-70.
3. Габдракипова Р.И. Причины возникновения преступности среди несовершеннолетних детей сирот // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2016. № 12 (69). С. 77-81.
4. Карпова Е.В. Субъектный план социокультурного восприятия пространства в философско-правовых представлениях // Философия и культура. 2011. № 11. С. 28-35.

5. Карпова Е.В. Гносеологические аспекты социокультурного восприятия пространства в религиозных представлениях // *Философия и культура*. 2012. № 2. С. 32-37.
6. Кива-Хамзина Ю.Л. Философско-правовые вопросы справедливого воздаяния // *Гуманитарные и социальные науки*. 2012. № 1. С. 367-369.
7. Кривошлыкова М.В., Гуль А.Ю., Сынгизов А.Х. Трансформация ценностных установок современной молодежи // *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России*. 2014. № 1. С. 36-39.
8. Мельник М.А., Назарычева А.И. Взаимосвязь культуры и образования в условиях современной реальности // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 19 (374). С. 97-102.
9. Николаева Ю.В., Гримальская С.А. Судебная статистика о преступности несовершеннолетних в современной России // *Образование и право*. 2016. № 5. С. 9-14.
10. Орасева Р.А. Особенности преступности несовершеннолетних // *Вестник Науки и Творчества*. 2016. № 8 (8). С. 164-173.
11. Рубанова Н.А. Видовая специфика осуществления контроля: общественный контроль // *НАУКА СЕГОДНЯ* сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4 частях. Научный центр «Диспут». 2015. С. 82-84.
12. Судакова Т.М., Сутурин М.А. Предупреждение преступности несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотиков через призму реализации антинаркотической стратегии // *Всероссийский криминологический журнал*. 2016. Т. 10. № 3. С. 499-510
13. Палатова Д.А. Гендерные параметры организационной культуры // В сборнике: *Мировоззренческие основания культуры современной России* сборник материалов VI Международной научной конференции. Под редакцией Жилиной В.А.. 2015. С. 178-181.
14. Томаров А.В. Подходы к рассмотрению понятия «адаптация» в социологии // *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России*. 2016. № 1. С. 53-55.
15. Чудин Возрастная оценка в профилактике правонарушений несовершеннолетних // *Вестник Пермского университета*. Сер.: *Юридические науки*. 2014. Вып. 4(26). С. 189-195.
16. Шульга В.И., Василенко В.С. К вопросу снижения возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних // *Территория новых возможностей*. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 1. С. 63-70.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА В ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Карпова Е.В.

Целью настоящего исследования является рассмотрение актуальных проблем предпринимательского права в сфере торговой деятельности. Методами проведенного исследования являются: анализ законодательства, административной и судебной практики, метод толкования, системный метод, метод единства абстрактного и конкретного. Проблемы рассматриваются в соотношении материального и процессуального аспектов.

В результате исследования выявлено комплексное соотношение публично-правового и частноправового начал в сфере правового регулирования торговли. Проблемы предпринимательского права в сфере торговой деятельности носят так же комплексный характер, разрешаются на стыке норм административного (государственный контроль и надзор, антимонопольное регулирование) и гражданского права (защита интеллектуальной собственности, регистрация юридических лиц, правовое регулирование организованных торгов).

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, интеллектуальная собственность, коммерческая концессия, товарный знак, торговая сеть, торговая система, фирменное наименование, цена.

The purpose of this study is to examine the actual problems of business law in the field of trade. The study revealed a complex relationship of public law and private law principles in the field of legal regulation of trade. Problems of business law in the sphere of trading activity are complex, settled at the junction of administrative rules (state control and supervision, antitrust regulation) and civil rights (protection of intellectual property, registration of legal entities, the legal regulation of organized trading). The methods of the study are: analysis of the legislative, administrative and judicial practice, the interpretation method, system method, the unity of abstract and concrete. Issues considered in the ratio of material and procedural aspects.

Keywords: antitrust, intellectual property, commercial concession, trademark, trade network, trading system, company name, price.

Предпринимательская деятельность в сфере торговли предполагает реализацию хозяйствующими субъектами конкурентной стратегии, направленную на создание условий при которых фирма может побеждать в конкурентной борьбе (принципы ведения бизнеса, ценовая политика, развитие бренда и др.) [1,2,3]. Эта стратегия не должна противоречить антимонопольному законодательству РФ. Цивилизованные методы ведения бизнеса предполагают высокий уровень гражданско-правовой ответственности и различные судебные и внесудебные способы урегулирования конфликтных правовых ситуаций хозяйствующими субъектами между собой и государством [4,5].

Изучение материалов судебной практики выявляет правовую ситуацию соотношения проблем защиты интеллектуальной собственности, соблюдения законодательства об организованных торгах и административного законодательства. Например, в ситуации, когда юридическое лицо зарегистрировано как ООО «Единая торговая система – Юг», имеет решение Роспатента от 21.05.2015 о государственной регистрации товарного знака "ЕТС группа компаний "Единая Торговая Система", при этом оно не является организатором торговли, имеющим лицензию торговой системы, однако использует в своем фирменном наименовании комбинацию слов "торговая система". (Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2016 г. N 308-АД16-1145).

В соответствии со ст. 12 Федерального закона

от 21.11.2011 N 325-ФЗ "Об организованных торгах" торговой системой является организатор торговли, имеющий лицензию торговой системы. Фирменное наименование торговой системы должно содержать словосочетания "торговая система" или "организатор торговли" в любом падеже. Использование словосочетаний "торговая система" или "организатор торговли", производных от них слов и сочетаний с ними в своем фирменном наименовании и (или) в рекламе иными лицами не допускается. Согласно ч. 2 ст. 14.24 КоАП РФ устанавливается административная ответственность за незаконное использование юридическим лицом в своем наименовании и (или) в рекламе слов "биржа", "торговая система" или "организатор торговли", а также производных от них слов и сочетаний с ними. Вопрос привлечения к административной ответственности в данном случае относится к ведению Центрального банка РФ. Во избежание подобных проблем, по нашему мнению, на сегодняшний день, возникает вопрос о необходимости согласованности действий Федеральной налоговой службы РФ, Роспатента и Центрального банка РФ на стадии регистрации юридического лица или товарного знака, экспертиза фирменных наименований, информационный обмен данными между ведомствами.

Интересна, на наш взгляд, проблема соотношения антимонопольного законодательства, законодательства о рекламе и защите интеллектуальной собственности. Конкретная правовая ситуация связана с вопросом о возможности размещения информации, содержащей

элементы товарного знака в объявлении со стрелкой указывающей маршрут проезда к магазину. В суде рассматривались вопросы отнесения такой информации к рекламе и о нарушении конкуренции при размещении такой информации на знаках дорожного движения. (Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 октября 2008 г. по делу N А36-1383/2008).

В соответствии с п. 9 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» недобросовестной конкуренцией являются любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ в осуществлении предпринимательской деятельности. Согласно п.п. 1,2 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 года N 38-ФЗ «О рекламе» рекламой является любая распространяемая информация, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования. Объектом рекламирования может выступать как товар, так и продавец товара, результаты интеллектуальной деятельности. Распространение рекламы на знаке дорожного движения, его опоре или любом ином приспособлении, предназначенном для регулирования дорожного движения, не допускается (ч. 3 ст. 19 ФЗ «О рекламе»).

В связи с этим, как нам представляется и определено материалами судебной практики, информация содержащая элементы товарного знака является рекламой. Так, например, свидетельством N 268521 словосочетание "METRO CASH & CARRY" признано товарным знаком, зарегистрированным в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания РФ 12.05.2004. Слово "METRO" в свидетельстве является охраняемым элементом и, соответственно, является средством индивидуализации ООО "Метро Кэш энд Керри", реализуемых им товаров и вида осуществляемой деятельности. Размещая рекламную информацию, содержащую охраняемые элементы товарного знака, в объявлении со стрелкой, указывающей маршрут проезда, на опорах дорожных знаков в разных частях населённого пункта, хозяйствующий субъект получает преимущество в осуществлении своей предпринимательской деятельности по отношению к другим хозяйствующим субъектам, работающим на вышеуказанном рынке, тем самым нарушает конкуренцию. Размещение такой информации может причинить им убытки в виде неполученных доходов и упущенной выгоды, которые они могли бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы такой рекламы не было (ст. 15 Гражданского кодекса РФ).

Проблема соотношения интересов защиты интеллектуальной собственности и антимонопольного регулирования проявляется в конкретных правовых ситуациях при рассмотрении дел в административном порядке и судебных дел. Когда истец обращается с иском к ответчику о пресечении нарушения исключительных прав на товарные знаки, а ответчик подаёт встречный иск о признании действий истца недобросовестной

конкуренцией, выраженной в приобретении и использовании товарного знака, сходного до степени смешения.

Судебная защита прав на товарный знак может быть связана с подачей иска к торговой сети, отношения внутри которой строятся на договорах коммерческой концессии под единым товарным знаком между несколькими субъектами предпринимательской деятельности – партнёрами. Тогда возникает вопрос о целесообразности привлечения в качестве ответчиков всех хозяйствующих субъектов, осуществляющих торговую деятельность под одним товарным знаком. При этом нужно учитывать, что существуют федеральные, региональные и локальные торговые сети, и истцу необходимо определиться с географическими границами, охватом выбора ответчиков. Например ООО "Инвина-Опт", правообладатель товарного знака «Белое&красное» предъявило иск к 6 организациям, использующим товарный знак «Красное&белое» в г. Екатеринбурге. (Решение Арбитражного суда Свердловской области от 14 ноября 2013 г. по делу N А60-12719/2013).

Спорная правовая ситуация может возникнуть, когда товарный знак приобретается на основании договора уступки, новым собственником, при этом смена правообладателя регистрируется по истечении длительного времени. Например, заявленный приоритет товарного знака «Белое&красное» – 2001 год, уступка прав по договору – 2004 год, перерегистрация правообладателя осуществляется только в 2010 году. За это время в гражданском обороте может появиться и получить широкое распространение товарный знак, сходный до степени смешения – «Красное&белое». В данном случае, как злоупотребление правом судом квалифицируются действия: обращение за регистрацией прав на товарный знак по истечении длительного времени после его приобретения в период широкого использования товарного знака сходного до степени смешения с целью приобретения преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности. В силу п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются действия юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а также злоупотребление правом в иных формах. Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 14 Федерального закона "О защите конкуренции", обычаями делового оборота, требованиями добросовестности и разумности, данные действия рассматриваются как действия направленные на ограничения конкуренции и признаются недобросовестной конкуренцией. Для правообладателей могут возникнуть сложности в доказывании приоритета использования товарного знака в случае приобретения его по договору уступки вследствие давности правовой ситуации, прекращения предпринимательской деятельности бывшего собственника и отсутствием свидетелей и т.д. При доказывании приоритета использования товарного знака важно доказательство совершения конкретных действий в отношении товарного знака, которые

свидетельствовали бы о намерении фактически использовать приобретенный товарный знак при осуществлении своей деятельности. Например, открытие первого магазина. (Решение Арбитражного суда Свердловской области от 14 ноября 2013 г. по делу N А60-12719/2013).

Одной из актуальных проблем антимонопольного регулирования торговой деятельности является проблема доказывания факта доминирующего положения хозяйствующего субъекта на рынке путем повышения отпускных цен на товар необоснованно высокими темпами. В соответствии с ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О защите конкуренции» доминирующим признается положение хозяйствующего субъекта (группы лиц) на рынке определенного товара, дающее возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара, устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам. Согласно п. 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2008 N 30 "О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства" установление доминирующего положения хозяйствующего субъекта производится с учетом его доли на рынке определенного товара.

Основным доказательством по делу в данном случае, является аналитический отчет. Антимонопольные органы должны доказать долю хозяйствующего субъекта на рынке определённого товара свыше 50%. Проводится анализ состояния конкуренции в целях установления доминирующего положения хозяйствующего субъекта.

В соответствии с п. 1.3 Приказа Федеральной антимонопольной службы от 28 апреля 2010 г. N 220 «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» проводится анализ состояния конкуренции в целях установления доминирующего положения хозяйствующего субъекта на рынке. При анализе выявляется: временной интервал исследования товарного рынка, продуктовые границы, географические границы товарного рынка, состав хозяйствующих субъектов – продавцов и покупателей. Рассчитывается объем товарного рынка и долей хозяйствующих субъектов на рынке, определяется уровень концентрации товарного рынка, оценка состояния конкурентной среды на товарном рынке.

Материалы судебной практики позволяют выявить проблемы составления аналитического отчета. При проведении анализа состояния конкуренции учи-

тываются не все хозяйствующие субъекты, осуществляющие реализацию данного товара в определённых географических границах, а так же не все поставщики товара. Документально не подтверждается нерегулярность поставок в регион. Учитываются «лишние» хозяйствующие субъекты, торгующие в других регионах, но закупающие товар в данном субъекте РФ. При анализе может быть «задвоение» объёмов реализации при фактической передаче одного и того же товара разными хозяйствующими субъектами. Экспертами могут не приниматься во внимание объективные обстоятельства резкого увеличения цен: особенности рынка реализации товара, связанные с сезонностью и урожайностью.

Таким образом, правовое регулирование предпринимательской деятельности в сфере торговли предполагает комплексный подход: соотношение публично-правового и частноправового начал. Проблемы предпринимательского права в сфере торговой деятельности носят комплексный характер, разрешаются на стыке норм административного (государственный контроль и надзор, антимонопольное регулирование) и гражданского права (защита интеллектуальной собственности, регистрация юридических лиц, правовое регулирование организованных торгов).

Список литературы

1. Акулова И.С. Философско-религиозные основания западного и восточного предпринимательства // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2010. № 3 (3). С. 12-15.
2. Козлова Т.В. К вопросу о стратегии повышения конкурентоспособности фирмы // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2015. № 1 (7). С. 40-43.
3. Кузнецова Н.В., Сеницына О.Н. Бренд, брендинг, бренд-менеджмент: к вопросу о роли в деятельности в современной организации // Экономика и политика. 2014. № 2 (3). С. 118-122.
4. Слободнюк С.Л., Кива-Хамзина Ю.Л. Воздаяние, справедливость и гражданское право: архетипический аспект // Теория и практика общественного развития. 2016. № 4. С. 92-95.
5. Стрелкова И.И. Внесудебное урегулирование экономических споров между субъектами предпринимательской деятельности // Социально-экономическое развитие хозяйствующих систем в современных условиях: опыт, проблемы, перспективы сборник статей международной научно-практической конференции. Магнитогорск, 2010. С. 297-301.

УДК 349.6

К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕННОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ КОНТРОЛЕ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Рубанова Н.А.

Предметом исследования статьи являются проблемы совершенствования системы экологического контроля в Российской Федерации. Методологической основой исследования являются общие методы и специальные познания. Особое внимание уделено вопросам: цели и функции экологического контроля, правовое регулирование экологического контроля на предприятии, содержание программы производственного экологического контроля, меры стимулирования за грамотные хозяйственные подходы к экологическим требованиям и их реализация на практике.

Ключевые слова: Экологический контроль, функции экологического контроля, производственный экологический контроль, экологический менеджмент на предприятии, меры принуждения.

The subject of the study are problems of improvement of system of ecological control in the Russian Federation. Methodological basis of research are General methods and special knowledge. Special attention is paid to the questions: objectives and functions environmental control, regulation of environmental control at the enterprise, the content of the program of production environmental control, the incentives for competent economic approaches to environmental requirements and their implementation in practice.

Key words: Environmental monitoring, the functions of environmental control, industrial environmental control, environmental management, measures of coercion.

К вопросу об осуществлении экологического контроля мы обращаемся часто, поскольку, право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу гражданина экологическим правонарушением – все это основа существования не только человека, но и экосистемы, без которой существование людей на земле не возможно [1, ст.42]. Сегодня вопросы формирования полноценной среды обитания человека приобрели особую актуальность и остроту [8; 3, С. 114-117]. Исходя из данных позиций можно с уверенностью говорить о том, что экологический контроль в настоящее время является важнейшей правовой мерой обеспечения рационального природопользования и охраны окружающей среды от вредных воздействий, функцией государственного управления и правовым институтом экологического права [12, С. 1101-1105].

Функции экологического контроля опираются на такие правовые меры обеспечения рационального природопользования и охраны окружающей среды как: нормирование, лицензирование, экспертиза, сертификация и должны быть направлены на исполнение эколого-правовых требований, осуществляться комплексе с учетом всех видов экологического контроля на всех уровнях. Законодатель под экологическим контролем понимает - контроль в области охраны окружающей среды как систему мер, направленную: на предотвращение, выявление и пресечение нарушения законодательства в области охраны окружающей среды, на обеспечение соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями требований, в том числе нормативов и нормативных доку-

ментов, в области охраны окружающей среды [15, ст.1].

Общая классификация по видам экологического контроля выделяет: государственный, муниципальный, производственный, общественный контроль. В частных случаях, с учетом специфика отрасли выделяют ведомственный (отраслевой) контроль. По уровням экологического контроля рассматривают: федеральный, региональный, местный и локальный уровни. Именно локальный уровень экологического контроля непосредственно осуществляется в организациях и предприятиях, где оценка деятельности хозяйствующего субъекта происходит с точки зрения ее законности.

Производственный контроль в области охраны окружающей среды (производственный экологический контроль) осуществляется в целях обеспечения выполнения в процессе хозяйственной и иной деятельности мероприятий по охране окружающей среды, рациональному использованию и восстановлению природных ресурсов, а также в целях соблюдения требований в области охраны окружающей среды, установленных законодательством в области охраны окружающей среды [15, ст.67].

В «Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденных Президентом РФ 30.04.2012г., экологическая ситуация в стране характеризуется высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями экономической деятельности в прошлом. Для достижения стратегической цели необходимо обеспечить решение задач,

среди которых: формирование эффективной системы управления в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности; совершенствование нормативно-правового обеспечения охраны окружающей среды; обеспечение экологически ориентированного роста экономики и внедрения экологически эффективных инновационных технологий; совершенствование системы государственного экологического мониторинга и контроля; формирование экологической культуры, развитие экологического образования и воспитания; обеспечение эффективного участия граждан, общественных объединений, некоммерческих организаций и бизнес-сообщества в решении вопросов, связанных с охраной окружающей среды и обеспечением экологической безопасности [9].

Юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие хозяйственную деятельность, должны разрабатывать и утверждать программу производственного экологического контроля, осуществлять производственный экологический контроль в соответствии с установленными требованиями, документировать информацию и хранить данные, полученные по результатам осуществления производственного экологического контроля. В соответствии с Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» установлены требования к содержанию программы производственного экологического контроля на предприятиях содержит сведения:

- об инвентаризации выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух и их источников;
- об инвентаризации сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду и их источников;
- об инвентаризации отходов производства и потребления и объектов их размещения;
- о подразделениях и (или) должностных лицах, отвечающих за осуществление производственного экологического контроля;
- о собственных и (или) привлекаемых испытательных лабораториях (центрах), аккредитованных в соответствии с законодательством Российской Федерации об аккредитации в национальной системе аккредитации;
- о периодичности и методах осуществления производственного экологического контроля, местах отбора проб и методиках (методах) измерений [15, ст.67].

Цели производственного экологического контроля (обеспечение выполнения в процессе хозяйственной и иной деятельности мероприятий по охране окружающей среды, рационального использования и восстановления природных ресурсов, соблюдения требований в области охраны окружающей среды, установленных законодательством) формируют на предприятии особую экологическую политику в рамках системы экологического менеджмента.

Юридические лица и индивидуальные предприниматели обязаны представлять в уполномоченный феде-

ральный орган исполнительной власти или орган исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации отчет об организации и о результатах осуществления производственного экологического контроля. Посредством экологического контроля можно обеспечить принуждение соответствующих субъектов экологического права к исполнению экологических требований [2; 7; 8, С. 82 - 84; 13, С. 151 - 153; 4, С. 250 - 253; 5, С. 319 - 320; 14]. Российским экологическим законодательством предусматривается развитие экономического регулирования и рыночных инструментов охраны окружающей среды. В частности, регулирование включает стимулирование предприятий, осуществляющих программы экологической модернизации производства и экологической реабилитации соответствующих территорий; поддержку технологической модернизации, обеспечивающей уменьшение антропогенной нагрузки на окружающую среду [6, С. 28-32; 11, С. 713-718]. Поощрение к правовому использованию ресурсов на предприятиях и участие в защите охраны окружающей среды позволяет эффективнее взаимодействовать государству и предпринимательству в стране. Для повышения эффективности экологического контроля требуется развитие сотрудничества и взаимодействие всех органов контроля.

Список литературы

1. Конституция (основной закон) Российской Федерации. (Принята всенародным голосованием) // Российская газета. № 237. 1993.
2. Калашникова И.А. Некоторые вопросы государственного управления: контроль и надзор за соблюдением лицами, получившими лицензии, установленных требований и условий // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2016. № 1(9). С. 98 - 101.
3. Карпова Е.В., Мещерякова Т.Р. Конституционно-правовое значение надзора и контроля // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2016. № 9-2. С. 114-117.
4. Карпова Е.В. Правовая ситуация: онтологические аспекты. // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2014. Т. 2. № 1. С. 250 - 253.
5. Карпова, Е.В. Пространство как объект философско-правового восприятия // Политика и общество. 2013. № 3. С. 319 - 320.
6. Карпова Е.В. Права предпринимателей при осуществлении государственного экологического контроля // Экономика и политика. 2016. № 2 (8). С. 28-32.
7. Мещерякова Т.Р. Об особенностях исчисления сроков в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2010. № 2. С. 83-87.
8. Мисник Г.А., Пятницкая И.К. О совершенствовании правовых форм общественного экологического контроля на уровне субъектов Российской Федерации // Журнал Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 7. [Электронный ресурс].

- Режим доступа http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=2600&Itemid=135. – (Дата обращения: 23.02.2017).
9. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.base.consultant.ru>. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения: 23.02.2017).
10. Рубанова Н.А. Видовая специфика осуществления контроля: общественный контроль / НАУКА СЕГОДНЯ сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4 частях. Научный центр «Диспут». 2015. С. 82 - 84.
11. Рубанова Н.А., Жусупов А.Р. Экологический контроль в системе мер по реализации государственной и региональной политики в сфере экологического развития российской федерации: специфика Челябинской области // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 4 (60). С. 713-718.
12. Рубанова Н.А. К вопросу об экологическом контроле (надзоре) Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 15. С. 1101-1105.
13. Рубанова Н.А. Преимущества и недостатки процедуры лицензирования образовательной деятельности: сравнительно-правовой анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1. С. 151 - 153.
14. Субботина Е.В. Критерии установления пределов осуществления субъективных гражданских прав // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2010. № 3. С. 81-84.
15. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ ((ред. от 03.07.2016) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

УДК 347.1

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ДОГОВОР В СФЕРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Кива-Хамзина Ю.Л.

Предметом исследования данной статьи являются проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования образовательных отношений через заключение гражданско-правового договора на оказание образовательных услуг в Российской Федерации. Методологической основой исследования являются общие методы познания и специальные методы, применяемые в области гражданского права: толкование закона, сравнительный анализ и другие. Законодательное регулирование существенных условий договора на оказание образовательных услуг позволит избежать судебных споров по многим вопросам.

Ключевые слова: Гражданско-правовой договор, договор на оказание образовательных услуг, существенные условия договора образовательных услуг, субъекты гражданского права.

The subject of the article is the problem of improvement of legal regulation of educational relations through the conclusion of a civil agreement for the provision of educational services in the Russian Federation. Methodological basis of research are common methods of knowledge and special methods used in the field of civil law: interpretation of law, comparative analysis and others. Legislative regulation of essential conditions of the contract for the provision of educational services can help to avoid litigation on many issues.

Key words: Civil contract, a contract for the provision of educational services, essential conditions of the contract of educational services, the subjects of civil law.

Тема гражданско-правового договора достаточно часто поднимается многими учеными и специалистами. С одной стороны договорные отношения в современном гражданском законодательстве детально регламентированы второй частью Гражданского кодекса РФ, но с другой стороны, существуют неоднозначные юридические последствия заключения, изменения и расторжения отдельных видов гражданско-правовых договоров [9]. Именно эта сторона договорных отношений позволяет выявить проблемные ситуации в правоприменительной практике и дает возможность постоянно вносить детальные уточнения в формулировки, делать поправки и дополнения, что подтверждает важность обсуждаемого вопроса.

Развитие различных форм общения между людьми потребовало использования новых форм и возможностей для согласования сторонами своих интересов. В социалистический период, когда плановая экономика России опиралась на договоры, которые связывали между собой главных участников экономического оборота: государство, кооперативные и иные общественные организации, договоры заключались во исполнение или для исполнения плановых мероприятий. Это значит, что воля сторон в таких договорах складывалась под влиянием государственных органов в рамках установленных заданий. А это значит, что основной принцип договорных отношений - свобода договора - утрачивал свой основной, конституционный признак. Такой договор не возможно считать результатом достигнутого контрагентами согласия.

Договорные модели не могли не быть ограниченными в тот период времени, поскольку практически все правовые нормы на которые они опирались носили императивный характер. Возможности предложенные законодателем или самостоятельное создание правовых моделей позволило развить взаимоотношения в обществе через договоры.

Главное место в гражданском обороте занимают договоры, которые как юридическое выражение товарно-денежных, рыночных, экономических связей складываются из многочисленных конкретных актов отчуждения и присвоения имущества (товара), совершаемых собственниками или иными законными владельцами [1; 23]. Мнения отечественных ученых и специалистов в области гражданского права, новые нормативные правовые акты в сфере гражданского регулирования договорных отношений, материалы правоприменительной практики - все это находит отражение в научных трудах и публикациях современников. Можно отметить, что с позиции защиты отношений, возникающих между людьми, гражданско-правовое регулирование договорных отношений остается значимым и необходимым направлением и в настоящее время.

Сегодня гражданское законодательство глубоко и детально регламентирует требования к форме и содержанию договоров, следит за соблюдением основных принципов договорных отношений, где сочетается свобода договора с необходимостью понимать какие юридические последствия возникнут в случае его

заклучения для каждого участника. Все неточности, недопонимание, некорректные формулировки выливаются в спорные ситуации, негативные юридические последствия, очереди в судах и иных органах государственной власти, дополнительные финансовые и временные затраты сторон по договору.

Согласно ст. 420 Гражданского кодекса РФ договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Граждане и юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых, не противоречащих законодательству условий договора. Это проявляется через возможность в период действия договора любой стороной на основе законного права по своему соглашению изменить и расторгнуть его при условии, если иное не предусмотрено кодексом, другими законами или самим договором [8; 32]. Будучи важнейшим средством правового регулирования имущественных и соответствующих неимущественных отношений, договоры устанавливают юридическую связь между его участниками, определяют требования к порядку и последовательности совершения ими необходимых действий, реализуют ряд общих начал и принципов гражданского права.

Научные работы крупных российских специалистов в области договорного права, таких как Андреев В.К., Бесполова А.И., Брагинский М.И., Грибанов В.П., Красавчиков А., Суханов Е.А., раскрывают многогранность договорных отношений, поскольку договор - это юридический факт, порождающий, изменяющий или прекращающий гражданские права и обязанности [15; 33]. Но в отличие от других юридических фактов (например, причинение вреда), которые влекут только установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений, договор, кроме того, регулирует в соответствии с законом и соглашением сторон поведение сторон, определяет их права, обязанности и ответственность [7]. Поэтому только двухсторонняя или многосторонняя сделка, в которой происходит взаимное согласование волеизъявления двух или более лиц, будет являться договором.

На договор как разновидность сделок распространяются положения гражданского законодательства о сделках (об условиях действительности, форме сделок, последствиях признания их недействительными и некоторые другие). В частности, к обязательствам, которые возникли из договора, применяются общие положения об обязательствах (ст. 307-419 Гражданского кодекса РФ), если иное не предусмотрено правилами об общих положениях о договоре (гл. 27 ГК РФ), а также правилами об отдельных видах договоров, закрепленных в Гражданском кодексе (п. 3 ст. 420 ГК РФ). Общие положения о договоре применяются и к многосторонним договорам, если это не противоречит их многостороннему характеру (п. 4 ст. 420 ГК РФ) [8].

Обосновано, что договор имеет большое значение в гражданском обороте:

- он используется всеми участниками регулируемых законодательством отношений;
- он является наиболее распространенным основанием возникновения большинства гражданско-правовых обязательств;
- это основной документ, определяющий предмет, цену, срок исполнения обязательств, права и обязанности, ответственность сторон за его нарушение;
- он способствует повышению качества товаров, работ, услуг, соблюдению их ассортимента, удовлетворению различных потребностей граждан и организаций;
- он является основной правовой формой удовлетворения материальных и духовных потребностей в отношениях между юридическими лицами и гражданами, а также граждан между собой [21].

Договорные отношения субъектов гражданского права основаны на их взаимном юридическом равенстве, исключающем властное подчинение одной стороны другой. Следовательно, заключение договора и формирование его условий по общему правилу должны носить добровольный характер, базирующийся исключительно на соглашении сторон и определяемый их частными интересами. На этой основе формируется одно из основополагающих начал частного правового регулирования - принцип свободы договора (п. 1 ст. 1 ГК РФ), который по своему социально-экономическому значению стоит в одном ряду с принципом признания и неприкосновенности права частной собственности.

В настоящее время модернизация системы образования и правовая ситуация потребовали обусловленных необходимостью нововведений, в том числе и актуализацию договорных отношений [16, С. 252]. Несмотря на многочисленные научные публикации и монографические исследования по проблемам правового регулирования повышения качества образования и в настоящее время и это вопрос остается актуальным [11; 13; 18; 28, С. 82; 27].

Также большое внимание было уделено в правовой литературе вопросам исследования категорий объектов гражданского права, в части определения понятия «услуга» и правовому регулированию обязательств по оказанию услуг, например, в трудах Н.А. Барина, Д.И. Степанова, Ю.М. Куракина и других ученых [4; 19, С. 100 - 104; 31]. В развитие правовой доктрины об услугах и опосредующих их гражданско-правовых обязательствах большой вклад внесли С.С. Алексеев [2, С. 285 - 305], О.С. Иоффе [12, С. 488 - 490], Е.Д. Шешенин [35, С. 346 - 352] и др.

Современные исследования отражают изменения на настоящем этапе развития российского законодательства и правоприменительной практики. В частности, в 2013 году вступили в силу изменения, внесенные в ст. 128 ГК РФ, в соответствии с которыми объектами гражданских прав были названы «результаты работ»

и «оказание услуг» взамен «работ» и «услуг», что несомненно повлияло на правоприменение в практической деятельности [8; 30]. Многие исследования проводят разграничивают понятия «услуга» и «работа», но есть и законодательное упущение - до настоящего времени в учебной и научной литературе отсутствуют единые критерии разграничения работы и услуги [24, С. 351]. И это влияет на содержание понятия: от самого широкого, когда им охватывается практически любая полезная деятельность, до предельно узкого, когда услуга сводится к предмету договора возмездного оказания услуг [5, С. 208 - 210; 10, С. 489; 12, С. 82].

В частности для реализации и защиты права на образование потребителем правовое регулирование образовательной услуги должно опираться на законодательно закрепленный термин - субъект должен видеть пространственные границы своих возможностей [17, С. 319; 22]. И для образовательной сферы в настоящее время требуется конкретизация существенных условий договора возмездного оказания образовательных услуг в рамках гл. 39 ГК РФ [30, С. 40 - 43]. На настоящий момент в правовой и научной литературе существуют разные мнения по вопросу существенных условий договора на оказание услуг. Например, предложено закрепить единственное существенное условие - это предмет договора. Есть обоснованные позиции о необходимости включить в перечень: условия о цене, сроке, порядке оплаты, конкретизации действия по условию договора и другие, учитывая особенности правоотношений по оказанию образовательных услуг [6; 23, С. 156; 31]. Судебная практика отражает негативные последствия такой ситуации. В частности, не четкая формулировка задания заказчиком, в договоре возмездного оказания образовательных услуг, которая устанавливает предмет договора, влечет неправильное применение норм материального права, отсутствие четко закрепленных существенных условий непосредственно влияет на рассмотрение дел в судебных инстанциях [27; 24; 3].

Сообщество ученых-юристов предлагает законодательно закрепить существенные условия договора возмездного оказания образовательных услуг (предмет договора, условия о цене, сроке, порядке оплаты, конкретизация действия по условию договора с учетом особенностей правоотношений по оказанию образовательных услуг, как одного из видов гражданско-правовых договоров) [25, С. 155 - 160; 20, С. 109 - 111; 14, С. 75 - 82]. Данные предложения позволят совершенствовать гражданское законодательство в договорной сфере и законодательство в сфере образования, будут способствовать снижению спорных вопросов с которыми необходимо обращаться в суд. Актуальность темы настоящей публикации предопределена местом, которое занимают договоры в регулировании гражданско-правовых и образовательных отношений. Именно развитие договорных обяза-

тельств играет сейчас важную роль в этих общественных отношениях. Сам договор служит идеальной формой активности участников как гражданского оборота, так и образовательной сферы.

Список литературы

1. Абрамова Е.Н., Аверченко Н.Н., Грачев В.В. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая (постатейный): учебно-практический комментарий (под ред. А.П. Сергеева). М.: «Проспект». 2012.
2. Алексеев С.С. Об объекте права и правоотношения / С.С. Алексеев // Вопросы общей теории советского права: сб. статей / под ред. С.Н. Братуся. М.: Госюриздат, 1960. 406 с.
3. Апелляционное определение Санкт-Петербургского суда от 27 октября 2014 г. № 33-17919/2014 // СПС «КонсультантПлюс». Судебная практика.
4. Баринов Н.А. Услуги (социально-правовой аспект): монография / Н.А. Баринов. Саратов: Стило, 2001. 192 с.
5. Брагинский М.И. Договорное право. Кн. 3: договоры о выполнении работ и оказании услуг / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. М.: Статут, 2007. 1055 с.
6. Витрянский В.В. Существенные условия договора в отечественной цивилистике и правоприменительной практике // Вестник ВАС РФ. 2002. № 5. М.: ЮРИТ- Вестник, 2002. 132 с.
7. Гатин А.М. Гражданское право. Лекции для студентов. М.: «Ай Пи Эр Медиа». 2010.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
10. Гражданское право: учебник для студентов вузов обуч. по направлению 521400 «Юриспруденция»: в 4 т. Т. IV: Обязательственное право / В.В. Витрянский [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. И доп. М.: Волтерс Клувер, 2006. 816 с.
11. Гречкина О.В., Рубанова Н.А. О правовой природе мер административного принуждения за нарушение лицензионных требований в образовательной деятельности: точка зрения // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 392 - 396.
12. Иоффе О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.
13. Калашникова И.А. Некоторые вопросы государственного управления: контроль и надзор за соблюдением лицами, получившими лицензии, установленных требований и условий // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2016. № 1(9). С. 98 - 101.
14. Кванина В.В. Особенности прав и обязанностей сторон по договору на оказание возмездных образовательных услуг // Право и образование. 2005. № 2. С. 75 - 82.
15. Карапетов А.Г. Зависимость условия от воли сторон условной сделки в контексте реформы гражданского права // Вестник ВАС РФ. №7. 2009.
16. Карпова Е.В. Правовая ситуация: онтологические аспекты. // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2014. Т. 2. № 1. С. 250 - 253.
17. Карпова, Е.В. Пространство как объект философско-правового восприятия // Политика и общество. 2013. № 3. С. 319 - 320.
18. Кива-Хамзина Ю.Л. Проблемы правового регулирования образования в РФ // Наука и образование в XXI веке:

- сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. 165 с.
19. Куракин Ю.М. Услуга как объект договора оказания услуг // Закон и право. 2007. № 6. С. 100 - 104.
20. Мартиросова Л.Э. Оказание услуг как объект гражданских прав // Международный научный журнал «инновационная наука» №7-8/2016. С. 109 - 111.
21. Мейер Д.И. «Русское гражданское право» Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Кафедра гражданского права юридического факультета, Серия «Классика российской цивилистики» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/grazhdanskoe-pravo-4/index.htm>. - (Дата обращения: 18.02.2017).
22. Мещерякова Т.Р. Об особенностях исчисления сроков в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2010. № 2. С. 83-87.
23. Мещерякова Т.Р. Применение трудового законодательства к регулированию отношений государственной гражданской службы // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2012. № 4 (40). С. 96-99.
24. Определение Владимирского областного суда от 29 октября 2014 г. по делу № 33-3676/2014 // СПС «КонсультантПлюс». Судебная практика.
25. Павлов А.А. Существенные условия и содержание договора возмездного оказания образовательных услуг в свете Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Человеческий капитал. 2014. № 5. С. 155 - 160.
26. Попова Д.Г. Услуга как объект гражданских прав и ее соотношение с категорией «социальная услуга» // Вестник КемГУ 2012 № 4 (52) Т. 1. С. 351 - 358.
27. Постановление Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой ГК РФ» // Вестник ВАС РФ. 1996. № 11.
28. Рубанова Н.А. Видовая специфика осуществления контроля: общественный контроль // НАУКА СЕГОДНЯ сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 4 частях. Научный центр «Диспут». 2015. С. 82 - 84.
29. Рубанова Н.А. Преимущества и недостатки процедуры лицензирования образовательной деятельности: сравнительно-правовой анализ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1. С. 151 - 153.
30. Ситдикова Л.Б. Договорное регулирование отношений возмездного оказания образовательных услуг: проблемы теории и практики // Гражданское право. 2015. № 4. С. 40 - 43.
31. Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав / М.: Статут, 2005.
32. Субботина Е.В. Критерии установления пределов осуществления субъективных гражданских прав // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2010. № 3. С. 81-84.
33. Субботина Е.В. Способы защиты от злоупотребления свободой слова в сети интернет // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. 2012. № 4 (40). С. 99-103.
34. Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 145. 2013.
35. Шешенин Е.Д. Общие проблемы обязательств по оказанию услуг / Е.Д. Шешенин // Антология уральской цивилистики: 1925 - 1989: сб. статей. М.: Статут. 2001., С. 346 - 352.

УДК 347.152

БАНКРОТСТВО ЗАСТРОЙЩИКА: ОФОРМЛЕНИЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ СТРОИТЕЛЬСТВА НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ

Славич М.А.

Статья раскрывает некоторые аспекты банкротства организации-застройщика, специальных положений Закона о несостоятельности (банкротстве). Рассматриваются предусмотренные законодательством процедуры оформления прав участников строительства на жилые помещения. Анализируется судебная практика по теме статьи. Выявляются недостатки законодательного регулирования.

Ключевые слова: банкротство, застройщик, участник строительства, объект незавершенного строительства.

The article reveals some aspects of the bankruptcy of organization-developer, the special provisions of the Law on insolvency (bankruptcy). Considers the statutory procedure of registration of participants of construction for residential purposes. Analyzed court practice on the topic of the article. Identify deficiencies of legal regulation.

Key words: bankruptcy, contractor, participant in construction, construction in progress.

Действующий в настоящее время Закон о несостоятельности (банкротстве) был принят в 2002 году [1]. С даты его принятия и по сегодняшний день законодатель регулярно совершенствует его: предусматривает специальные процедуры для банкротства отдельных категорий должников, совершенствует уже действовавшие нормы права, ликвидирует пробелы, воспринимает правоприменительную практику.

В настоящей статье остановим свое внимание на банкротстве отдельной категории должников, а именно застройщиков. Зачастую, вопросы, возникающие в ходе их банкротства, имеют не только правовую значимость, но приобретают особую социальную остроту, т.к. именно в данную процедуру, в отличие от большинства остальных, оказываются вовлеченными физические лица, имеющие весьма отдаленные представления не только о законодательстве о банкротстве, но и об арбитражном-процессуальном законодательстве.

Целью внесения в закон о банкротстве специальных положений о банкротстве застройщиков была, прежде всего, защита прав граждан- участников долевого строительства, как непрофессиональных участников инвестирования. На это неоднократно обращал свое внимание Президиум ВАС РФ при рассмотрении дел в рамках банкротства организаций-застройщиков. По сути обозначенная цель является основополагающим принципом норм параграфа 7 Закона о банкротстве, через призму которого, полагаем, и следует толковать содержащиеся в нем нормы.

Участники строительства- граждане (именно данная категория участников гражданского оборота, преимущественно вступает в договорные отношения с организацией- застройщиком) с целью приобретения жилья. На достижение этой цели, в том числе в условиях такого критического положения, как банкротство организации, в первую очередь и ориентированы

специальные нормы параграфа 7. В связи с чем особый интерес представляю собой, в первую очередь те его положения, последствием применения которых является получение гражданами в собственность жилых помещений. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Как правило, банкротство организации-застройщика начинается с введения в его отношении (в случае признания обоснованным заявления о признании его несостоятельным (банкротом) процедуры наблюдения. Между тем, достижение цели оформления права собственности на квартиру в данной процедуре на практике вызывает немало сложностей. Причем сложности эти носят именно правовой характер. Безусловно, в первую очередь, мы должны сказать, что сам по себе жилой дом еще требуется достроить и ввести в эксплуатацию. Однако, учитывая общественный резонанс, который неминуемо влечет за собой факт возбуждения в отношении застройщика дела о банкротстве, и местные и региональные власти, как правило, предпринимают немалые усилия для того, чтоб «оживить» деятельность предприятия-банкрота (привлечь инвесторов, способствовать введению, так называемого «антикризисного» управления и т. д. и т.п.), возобновить строительство и обеспечить выполнение (хоть и со значительным опозданием) обязательств застройщика по передаче гражданам в собственность жилых помещений.

Введение процедуры наблюдения в отношении организации не прекращает ее текущей деятельности. Между тем целью ее введения является, как прямо указано в законе, обеспечение сохранности имущества должника, проведение анализа финансового состояния должника, составление реестра требований кредиторов и проведение первого собрания кредиторов (ст. 2). Законодатель рассматривает данную стадию банкротства, как временный (промежуточный)

этап, в котором, по общему правилу, не предполагается проведение мероприятий, направленных на восстановление платежеспособности должника (как в финансовом оздоровлении и внешнем управлении) или имеющих своей целью соразмерное удовлетворение требований кредиторов (как в конкурсном производстве). Отсюда и законодательное ограничение времени его проведения - не более семи месяцев (ст. 51, ст. 62).

Отметим, что законодатель не изменил своей логике и в специально введенном им в Закон о несостоятельности § 7. Ведь почти все предусмотренные им специальные процедуры, направленные, в первую очередь, на удовлетворение требований участников строительства, возможны за рамками процедуры наблюдения.

Так, процедура погашения требований участников строительства путем передачи объекта незавершенного строительства может быть реализована арбитражным управляющим в ходе финансового оздоровления, внешнего управления, конкурсного производства (ч. 1 ст. 201.10). Инициировать процесс замены застройщика (ст. 201.15-1, ст. 201.15-2) заинтересованное лицо также вправе в рамках тех же самых процедур (ч. 6 ст. 201.15-1).

Пожалуй единственной предоставленной законом возможностью погасить требования участников долевого строительства в рамках процедуры наблюдения является реализация положений ст. 201.11 Закона о несостоятельности а именно погашение требований участников строительства путем передачи им жилых помещений.

Согласно ч. 1 ст. 201.11 Закона о несостоятельности в случае наличия у застройщика многоквартирного дома, строительство которого завершено, арбитражный управляющий в установленный нормой срок обязан вынести на рассмотрение собрания участников строительства вопрос об обращении в арбитражный суд с ходатайством о погашении требований участников строительства путем передачи им в собственность жилых помещений в этом многоквартирном доме. При этом такая передача может быть осуществлена при одновременном соблюдении ряда условий, поименованных в ч. 3 ст. 201.11 Закона о несостоятельности. К числу таких условий относятся, в том числе соотношение стоимости передаваемых жилых помещений и совокупного размера требований участников строительства, включенных в реестр требований кредиторов и реестр требований о передаче жилых помещений, и достаточность имущества, которое остается у должника после передачи участникам строительства жилых помещений, для погашения текущих платежей и требований кредиторов первой и второй очереди.

Первое, с чем приходится столкнуться, применяя данное условие на практике, определиться с объемом требований, которые подлежат оценке. Если подходить к решению вопроса обстоятельно и толковать

Закон до крайности буквально, поставив во главу угла основной принцип законодательства о банкротстве: недопущения преимуществ одних кредиторов перед другими, то оценивать следует весь объем требований, которые были заявлены в установленный ст. 71 Закона срок. Соответственно следует дождаться рассмотрения таких требований и по итогам оценивать их размер, чтоб подтвердить, соблюдаются предусмотренные ч. 3 ст. 201.11 Закона условия или нет. Между тем представляется, что подобный подход не только не разумен, т. к. может затянуть решение вопроса на продолжительный срок, но и не вполне обоснован. Последний вывод основан на системном толковании положений Закона и допущении аналогий в решении других подобных вопросов.

Представляется, что вопрос об объеме требований, которые следует оценивать при применении положений пп. 3, пп. 4 ч. 3 ст. 201.11 Закона, следует решать не по итогам формирования реестра. Данное суждение основано, в первую очередь, на том, что сам законодатель позволяет в определенных случаях ограничивать объем подлежащих учету обстоятельств конкретной датой.

Так, например, положениями параграфа 7 Закона предусмотрено обязательное рассмотрение ряда существенных вопросов собранием участников строительства. Значимость принимаемых по их итогам решений безусловна. Между тем буквальное содержание ст. 201.12 Закона говорит о том, что участвовать в собрании могут только те участники строительства, которые включены в реестр требований на дату проведения собрания. При этом закон не ограничивает инициаторов проведения собрания требованием о возможности его созыва только после установления в реестре требований всех участников, заявившихся в предусмотренный Законом срок. Фактически собрания могут проводиться по мере необходимости решения вопросов, отнесенных к его компетенции. И, соответственно, с тем составом участников, которые обладают таким правом (включены в реестр), на дату его проведения. Примеры для такого буквального толкования закона дает правоприменительная практика [2]. Таким образом, лица, имеющие соответствующие требования к должнику, но не включенные на дату проведения собрания участников строительства в реестр, законодательно лишены возможности участвовать в решении вопросов, которые безусловно влияют на их права.

Президиум ВАС РФ, формулируя правовую позицию по содержанию норм параграфа 7 Закона о несостоятельности, указал, что «основной целью принятия специальных правил о банкротстве застройщиков является обеспечение приоритетной защиты граждан-участников строительства как непрофессиональных инвесторов. Применение указанных правил должно быть направлено на достижение этой цели, а не на воспрепятствование ей» [3]. Таким образом, прямо дал понять, что в рассматриваемом случае (при банк-

ротстве застройщиков) основной принцип Закона (равное положение всех кредиторов) должен применяться с поправкой на наличие преимущества определенной категории кредиторов, а именно участников строительства.

С учетом изложенного, полагаем возможным определять объем требований, подлежащих оценке, на соответствующую промежуточную (с точки зрения полноты реестра) дату.

Отметим, что отмеченный подход не является безусловным, на практике встречается и иное толкование норм закона о сроках проведения собраний участников строительства (что соответственно, учитывая допущенную нами аналогию, можно учинить и к объему требований, которые следует учитывать при применении положений пп. 3, пп. 4 ч. 3 ст. 201.11 Закона). Так, из содержания ч. 1 ст. 201.12 Закона о несостоятельности, которая отсылает нас при проведении собрания участников строительства руководствоваться положениями ст. 12- ст. 15 данного Закона, нередко делается вывод о том, что проведение собрания участников строительства возможно только после установления требований всех участников, которые заявили их в срок, установленный ст. 71 Закона. При таком правоприменительном подходе реализация положений ст. 201.11 (ч.1-ч.7) в процедуре наблюдения представляется почти невозможной (если установлен весь реестр и в полном объеме определен размер требований, во всяком случае тех кредиторов, которые заявили их своевременно для участия в первом собрании кредиторов, самое время проводить первое собрание и, соответственно, с соблюдением установленного законом порядка переходить в другую стадию). Конечно, в другой процедуре банкротства, применение положений ч. 1- ч.7 ст. 201.11 Закона не исключено. Однако мы говорим о том, насколько эффективно закон регулирует возможность оперативного удовлетворения требований участников строительства по передаче им жилых помещений, т. е. в процедуре наблюдения, не дожидаясь перехода к другой процедуре. И с этой точки зрения вынуждены констатировать, что реализуя данную норму на практике, скорее всего столкнемся с невозможностью ее применения.

Следует сказать и еще об одном немаловажном факторе, который может существенным образом осложнить реализацию процедуры, закрепленной в ч.1-ч.7 ст. 201.11 Закона, на практике. Речь идет о применении данных положений в условиях банкротства крупного застройщика. Так, если у банкротящейся организации не выполнены обязательства по двум-трем многоквартирным домам, то решить вопрос о передаче в собственности квартир в одном из них дольщикам данного дома на собрании участников строительства представляется возможным. Если речь идет о десятках недостроенных (что, к сожалению, в условиях современных реалий далеко не редкость), то принятие соответствующих решения по итогам собраний (даже

при условии, что такое собрание будет организовано и сможет набрать кворум) вызывает обоснованные сомнения.

Следующее с чем придется определиться, применяя рассматриваемую процедуру, это дата, на которую устанавливается объем включенных в реестр требований для оценки их соотношения со стоимостью передаваемых жилых помещений: дата составления арбитражным управляющим соответствующего заключения (ч. 2 ст. 201.11 Закона о несостоятельности), дата проведения собрания участников строительства или дата рассмотрения ходатайства арбитражным судом.

Таким образом, разрешая ходатайство, арбитражный суд опять (как и в вопросе с возможными сроками обращения арбитражного управляющего) ввиду отсутствия законодательной определенности, вынужден принимать решение с определенной долей своего усмотрения, что не может свидетельствовать об очевидной эффективности норм. Еще более неэффективными данные положения выглядят в свете банкротства крупных застройщиков.

В связи с чем особую актуальность приобретают положения, которые позволяют гражданам оформить право собственности на причитающуюся им недвижимость в индивидуальном порядке. Позволим себе обобщенно подразделить все совокупность судебных дел в данном направлении на две подгруппы: признание права собственности на долю в праве общей собственности в незавершенном строительстве объекте и признание права собственности на квартиру в многоквартирном доме, введенном в эксплуатацию застройщиком, в отношении которого возбуждено дело о банкротстве.

Основу первого направления составляют положения Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости [4]. Из положений п. 13- п. 19 указанного Обзора, а также из разъяснений, которые предваряют соответствующий раздел, следует, что нарушение застройщиком Закона о долевом строительстве, в том числе принятых на себя обязательств по вводу многоквартирного дома в эксплуатацию, передаче объекта долевого строительства дольщику может явиться основанием для признания права собственности дольщика на квартиру или долю в праве общей долевой собственности на незавершенный строительством объект. Закрепленная Верховным Судом по тексту данного Обзора позиция неоднозначна и имеет немало противников, критикующих ее как с теоретической [5], так и с практической [6] точек зрения. Между тем руководящие разъяснения Верховного Суда РФ повсеместно применяются судами общей юрисдикции. Арбитражные суды вплоть до недавнего времени не разделяли данную точку зрения. Свою позицию они основывали на положениях п. 4 и п. 5 Постановления Пленума Высшего Ар-

битражного Суда РФ от «11» июля 2011 года № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» [7], из которых следует, что положения законодательства об инвестициях не могут быть истолкованы в смысле наделения лиц, финансирующих строительство недвижимости, правом собственности (в том числе долевой собственности) на возводимое за их счет недвижимое имущество) [8], [9]. Однако правоприменительная практика арбитража кардинальным образом меняется в тех случаях, когда часть участников строительства реализовала возможность признания права в судах общей юрисдикции (до введения в отношении застройщика процедуры банкротства). «Руководящий» характер в этом случае имеет позиция, изложенная Верховным судом РФ в Определении от «24» февраля 2015 года № 305-ЭС14-1186 [10], ссылка на которое имеется повсеместно по тексту соответствующих судебных актов. В подобной ситуации суды, основываясь на недопустимости введения не имеющих объективного и разумного оправдания ограничений в правах лиц, принадлежащих к одной категории, что неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ, по сути, при аналогичных обстоятельствах, удовлетворяют требования граждан о признании за ними права собственности на долю в незавершенном строительстве объекте [11]. Не смотря на то, что при таком подходе, безусловно, достигается цель равенства участников строительства (дольщиков соответствующего дома), остается не понятным, каким образом обосновывается неприменение соответствующих положений Закона о несостоятельности (банкротстве), а именно положений параграфа 7, которые в другом случае ложатся в основу мотивировки определений об отказе в признании права собственности. И почему необходима обеспечение равенства рассматривается так узко. Т.к. участники строительства застройщика- банкрота в доме, в отношении которого имеются вступившие в законную силу решения судов общей юрисдикции о признании за частью граждан права собственности на долю в объекте, находятся, в определенном смысле, в гораздо более выгодной ситуации чем те, среди которых не нашлось таких оперативных коллег по несчастью, которые успели обратиться с соответствующими исками в районный суды до введения в отношении застройщика процедуры банкротства. Все указанное свидетельствует о том, что устранение подобных «перекосов» правоприменительной практики требует законодательного вмешательства в правовое регулирование.

Также неоднозначно складывается и практика применения положений ч. 8 ст. 201.11 Закона о несостоятельности (банкротстве), которая предусматривает признание права собственности на жилое помещение во введенном в эксплуатацию доме. Так, в одних случаях правоприменитель толкует положения данной

нормы расширительно, признавая в качестве обязательных факторов, требующихся для наличия состава, при котором за участником строительства может быть признано право собственности на жилое помещение, факт ввода жилого дома в эксплуатацию (вне зависимости от фактической даты получения разрешения на ввод), и наличие подписанного акта приема-передачи (в том числе и в случаях, когда такой акт подписан сторонами после введения в отношении застройщика процедуры банкротства) [12]. Более того, согласно правовой позиции ВАС РФ отсутствие актов приема-передачи само по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении требования о признании права собственности [13]. В других случаях, отказывает в удовлетворении требований о признании права собственности на квартиры со ссылкой на специальные нормы закона о банкротстве [14]. Все изложенное свидетельствует о том, что существующие законодательные нормы не отвечают тому запросу, который имеется на текущий момент. И неоднозначность судебного толкования вызвана как имеющимися пробелами законодательного регулирования, восполняя которые правоприменитель вынужден руководствоваться собственным усмотрением, так и спорностью выбранных формулировок, в результате чего судебная практика, прибегая к системному и расширительному толкованию соответствующих норм, к сожалению, не может придти к единообразию.

Список литературы

1. Федеральный закон от «26» октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от «13» мая 2014 года № 15943/11 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от «24» апреля 2013 года № 13239/12 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости (утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 4 декабря 2013 г.) // Бюллетень ВС РФ. 2014. № 3.
5. Суворов Е.Д. Банкротство в практике работ нового Верховного Суда РФ за первый год работы (2014-2015): акты и комментарии // СПС «КонсультантПлюс».
6. Ширвиндт А.М., Щербачев Н.Б. Опыт цивилистического исследования: Сборник статей // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от «11» июля 2011 года № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 9.
8. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от «13» марта 2013 г. № ВАС-2158/13 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от «22» августа 2014 года по Делу № А67-4252/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Верховного Суда Российской Федерации от «24» февраля 2015 года № 305-ЭС14-1186 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от «01» апреля 2016 года по Делу № А19-19212/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от «01» февраля 2016 года № Ф09-10390 по Делу № А07-24543/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от «25» июня 2013 года № 14520/12 // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от «08» ноября 2016 года по Делу № А19-15693/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алабужин Игорь Владиславович – магистрант кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Васева Ольга Харитоновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры образовательных технологий и дистанционного обучения, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Калашникова Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса, Юридический институт, г. Санкт-Петербург.

Карпова Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Касымовская Полина Петровна – ст. преподаватель, кафедра истории и теории государства и права, Магнитогорский филиал ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Магнитогорск.

Кривуть Виталий Иванович – канди-

дат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, РБ.

Кривуть Марина Леонидовна – Методист сектора научно-методических ресурсов инклюзивного образования, Барановичский государственный университет, г. Барановичи, РБ.

Маврина Анастасия Валентиновна – магистрант кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Макарова Надежда Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Малеко Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Мельник Мария Александровна – кандидат культурологии, доцент, кафедра права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Морозова Людмила Николаевна – магистрант кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Мукатова Жанслу Ахметжановна – магистрант кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Назарычева Алевтина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Папина Маргарита Олеговна – магистрант кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Попова Людмила Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии, Миасский филиал Челябинского государственного университета.

Рубанова Наталья Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры права и культурологии, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Савичева Юлия Олеговна – аспирант кафедры всеобщей истории, ФГБОУ ВО Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск.

Славич Мария Анатольевна – директор по правовым вопросам Общества с ограниченной ответственностью «Трест Магнитострой».

Сулейманов Александр Альбертович – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук.

Хворостов Анатолий Семенович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики, ФГБОУ ВПО Орловский государственный университет, г. Орел.

Чвала Марина Станиславовна – ассистент, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» в г. Ялта.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Мы приглашаем Вас к участию в нашем журнале в качестве авторов. Журнал зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) и будет постатейно опубликован на сайте электронной библиотеки Elibrary.ru.

1. Архитектура
2. Журналистика
3. Искусствоведение
4. История
5. Культурология
6. Педагогика
7. Политология
8. Психология
9. Социология
10. Филология
11. Философия
12. Юриспруденция

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИНИМАЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ

К публикации принимаются статьи преподавателей, аспирантов и магистрантов.

СТАТЬЯ ДОЛЖНА ВКЛЮЧАТЬ:

- индекс УДК
- аннотацию (до 5-ти предложений)
- ключевые слова (4-5 слов)
- список литературы (ГОСТ Р 7.05-2008)

Аннотация и ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Рекомендуемый объем статьи – 8-12 стр.
2. Текст статьи, сведения об авторах, аннотация ключевые слова и список литературы представляются на электронном носителе в виде файла, созданного средствами **Microsoft Word** формата А4.

При наборе статьи в **Microsoft Word** рекомендуются следующие установки:

шрифт – **Times New Roman**, размер – 14 пт, межстрочный интервал – полуторный, перенос слов – автоматический; поля – 2 см. с каждой стороны; отступы перед и после абзаца – 0 см.;

К статье должна быть прикреплена заявка, включающая следующую информацию:

- Ф.И.О.
- Название статьи, количество страниц
- Место работы (учебы)
- Должность, ученая степень, ученое звание
- Телефон, e-mail.

Статьи проходят обязательное научное рецензирование.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38. Магнитогорский государственный технический университет.

Телефоны: 89615768762 Контактное лицо: Палатова Дарья Андреевна
E-mail: palatova_daria@mail.ru (с указанием темы сообщения «Журнал»).